

МАТЕРЬ ЛАДА

Божественное
родословие
славян

Языческий
пантеон

Москва
ЭКСМО
2002

Пути в мир славянских богов

Эта книга — не просто очередной словарь славянской мифологии. В таких словарях (даже составленных на высоком научном уровне серьезными учеными) сведения о богах, духах, праздниках, обрядах оказываются разбросанными по лаконичным статьям, расположенным в алфавитном порядке. Это, конечно, удобно для справок. Но в результате вмес-

то цельного образа славянского Олимпа получается что-то вроде бухгалтерской ведомости или справки из отдела кадров на бригаду, набранную с бору по сосенке.

А ведь славяне, жившие общинным строем, и пантеон свой представляли общиной-племенем, родом или патриархальной семьей. В этой семье-племени есть свой старейшина (Род), его супруга (Лада), свой князь-воевода (Перун), волхв-шаман (Велес) и т. д. Это — не двор небесного самодержца с придворными «чинами ангельскими» и святыми угодниками. И сами люди богам не бесправные рабы, а родичи и потомки. А вековая Правда была одинаково писана людям и богам.

У каждого племени был свой, особо чтимый, бог-покровитель. Но сам пантеон (кроме некоторых локальных божеств) был единым для всего славянского мира. (Так же, как, например, олимпийский — для мира эллинов, разделенного на множество полисов). При этом одно и то же божество у разных племен, в разных обрядах могло носить разные имена. А в христианские времена гонимые боги стали скрываться под именами-масками святых, а также эпических и сказочных героев. Бог солнца, например, у восточных славян звался Даждьбогом, Сварожичем и Хорсом, у полабских — Радигостом Сварожичем, у южных — Божичем; в купальских песнях он — Иван (Ян), в сказках — Иван Царевич, Иван Сучич, Зоревик, в былинах — Иван Годинович и т. д. Племенным богом он был у бодричей и лютичей в нынешних Мекленбурге и Померании.

Цель этой книги — показать семью славянских богов такой, какой ее представляли сами славяне-язычники. Задача, надо сказать, не из простых. То ли дело писать о мифологии эллинов, индийцев или иранцев. Тут к твоим услугам Гомер, Гесиод, Веды, Авеста, «Махабхарата», «Шахнаме»... Сумей только не запутаться во множестве имен и противоречивых версий. Даже кельтские и германские мифы неплохо сохранены христианскими книжниками. А славянские? Увы. Не нашлось у славян своей Ирландии или Исландии, где можно было бы записывать отечественные мифы, не рискуя попасть на костер. А книги языческих волхвов до нас не дошли — если вообще существовали. Знаменитая «Велесова книга» — талантливое и мудрое сочинение. Только не волхва IX века, а белоэмигранта Юрия Миролюбова (при участии известного коллекционера и поддельвателя древнерусских рукописей А. И. Сулакадзева)¹.

О живом еще славянском язычестве писали, казалось бы, многие. Авторы древнерусских и польских антиязыческих поучений; русские летописцы; хронисты польские (Ян Длугош, Мацей Меховский, Мартин Кроммер, Мартин Бельский, Мацей Стрыйковский), чешские (Козьма Пражский, Неплаха, Вацлав Гаек), немецкие (Видукинд Корвейский, Титмар Мерзебургский, Адам Бременский, Гельмольд), датские (Саксон Грамматик и автор «Саги о Книтлингах»); византийский историк Прокопий Кеса-

рийский; ученые арабы ал-Масуди и Ибн-Фадлан. Но почти все они стремились искоренить «идолобесие», а не сохранить память о нем. Имена богов, их функции (не всегда), описания идолов, святилищ, обрядов — вот и все, что они считали нужным доверить пергаменту. Ни родословных богов, ни сюжетных мифов. При этом иностранцы (немцы, датчане, арабы), для которых славянское язычество было занятой экзотикой, писали о нем подробнее, чем сами славяне. Польские ксендзы в своем католическом усердии не называли отеческих богов по именам вплоть до XV в., а их чешские собратья — до XIV в. Козьма Пражский в XII в. упоминал чешских богов лишь под античными псевдонимами («Юпитер», «Марс» и т. п.).

Одно из немногих исключений — летописная статья 1114 г. Хитрый русский книжник поведал о Свароге и Дажьбоге, отождествив их с египетскими «царями» Гефестом и Гелиосом (читай: богами Пта и Гором) из греческой хроники Иоанна Малалы и выписав оттуда лишь то, что напоминало славянский миф. Другое исключение — бессмертное «Слово о полку Игореве». Его автор-христианин смело и без всякой враждебности упоминал языческих богов. Само восприятие мира в поэме — глубоко языческое. Вся природа одухотворена, злые ее силы вещают гибель князю и дружине, а добрые — помогают, княгиня молится трем стихиям... Одно это доказывает подлинность «Слова...»

Два века спустя автор «Задонщины» заставит Мамая призывать русских богов, путая при этом их имена.

Будем, однако, благодарны всем средневековым авторам, донесшим до нас хоть какие-то сведения о славянском Олимпе. Ведь именно из рядов гонителей язычества вышли его первые исследователи. В XII в. ученый русский паломник на борту корабля в Эгейском море переводил и комментировал антиязыческий трактат Григория Богослова, разработав при этом целую схему развития славянских верований: культ упырей и берегинь — почитание Рода и Рожаниц — поклонение Перуну. Схема эта в основном соответствует принятой ныне в науке: духи стихий уступают место божествам плодородия, а те — воинственному богу князей и дружинников. В XV в., в эпоху Ренессанса, каноник Ян Длугош описал польский пантеон, соотнося отечественных богов с античными. Ему последовали польские историки XV–XVI вв. Меховский, Кромер, Бельский, Стрыйковский, их чешские коллеги — Ян Дубравский (XVII в.), М. Странский (1634), Иржи Стржедовский (1719), Г. Папанек (1780), немецкие и лужицкие историки XVI–XVIII вв. А. Кранц (1572), П. Альбин (1590), Э. Шедиус (1648), Г. Мазиус (1710), Абрахам и Михаил Френцели (конец XVII — начало XVIII вв.), Экхардт (1732).

Собственно, между письменными источниками и исследованиями по славянской мифологии нет строгой грани.

Историки эпохи Возрождения и барокко не только переписывали друг у друга сведения о славянских богах, но и дополняли их оригинальными данными. Ценны в этом плане сочинения чеха Вацлава Гаека (XVI в.), немцев Марешалка Турия и Конрада Бото (XV в.).

Да, авторы тех времен были склонны к «баснословию», ученым фантазиям, не отделяли строго свои догадки и «реконструкции» от фактов. Наивно выглядят их попытки представить славянских богов в виде обожествленных славянских или германский королей. Иллюстраторы этих трудов в глаза не видели славянских идолов и рисовали их на псевдоантичный лад. И все же труды эти заслуживают внимания. Хотя бы потому, что в те времена память о язычестве в народе была сильнее и полнее, чем в XIX в., когда за дело взялись профессиональные этнографы и фольклористы. А в Мекленбурге, например, где трудились Бото и Турий, славянская речь вообще перестала звучать каких-нибудь два века спустя.

На волне нараставшего интереса к славянским древностям появились даже подделки. В начале XVIII в. граф Пшибыслав Диаментовский сочинил под именем Прокоша (польского епископа X в.) «Славяно-сарматскую хронику», где изобразил почти всех польских богов древними королями. Но при этом сохранил, например, ценное этнографическое свидетельство о почитании богини Живы в виде кукушки. Как видим, даже такие источники не стоит иг-

норировать. Другое дело — «прилвицкие идолы»: две сотни грубых, уродливых, порой непристойных фигурок с безграмотными руническими надписями, изготовленные в конце XVIII в. Г. Шпонгольцем, бронзолитейщиком и археологом-любителем. Как ни странно, эти «творения» невежественного, презиравшего славян немца и сегодня находят защитников и почитателей. А ведь автор их давно попался на том, что использовал книгу о рунах с типографскими ошибками, которые оказались и на идолах. Подлинные же славянские идолы, открытые позднее, совершенно не похожи на изделия Шпонгольца.

Восточные славяне возобновили изучение своей мифологии под влиянием западных. Начали в XVII в. украинцы — авторы Густынской летописи и «Синописа»², использовавшие как польские хроники, так и этнографические наблюдения. Им последовали россияне — великий Михайло Ломоносов и три популярных автора екатерининской эпохи: Михаил Попов, Михаил Чулков и Василий Левшин. Эти трое к тому же создали русский рыцарский роман, положив начало процветающему ныне жанру славянской фэнтези. Их увлекательные сочинения позднее померкли в свете «Руслана и Людмилы», но без них не было бы и пушкинского шедевра.

Все же научный уровень этих исследований (и отечественных, и западных) был невысок. В перечнях богов путались божества славянские и балтские, западно- и восточ-

нославянские, отсутствовала критика источников, а анализ ограничивался отождествлением отеческих богов с античными. Множились ошибки и «басни». В славянский пантеон, например, попала финно-угорская «Золотая Баба» (Зорни-Най), а бог Симаргл обратился в богиню весны Зимдерлу или Зимстерлу («стирающую зиму»). На том же уровне работали и авторы начала XIX в. — Андрей Кайсаров и Сергей Глинка. Последний откровенно фантазировал: сочинил даже гимн Перуну и красочно описал обряды в храме Святовита. Он, правда, не выдавал своих фантазий за подлинные факты. «Период поэтической мифологии» — так назвал один из историков это время, когда грань между научной и художественной реконструкцией славянских мифов была очень зыбкой (почти как сегодня).

Наступившая эпоха романтизма принесла новые фантазии и подделки. Великий словацкий поэт Ян Колар, например, вымыслил богиню победы Славу. Крупнейший чешский славист Вацлав Ганка сфабриковал «Краледворскую рукопись» с песнями будто бы языческих времен и изуродовал приписками латинско-немецко-чешский словарь XIII в. «Матер верборум» (Мать слов)³. И все, разумеется, ради поднятия национального и общеславянского духа. Появлялись все новые «славяно-рунические» памятники: микоржинские камни, «краковская медаль» и др. В конечном итоге все «славянские руны» оказались либо неславянскими, либо поддельными. Итог их поискам подвел В. Ягич

в своей «Энциклопедии славянской филологии» (1912, вып. 3).

От чешских и польских братьев не отставал и обрусевший грузин А. И. Сулакадзе, изготовивший «Боянов гимн Словену», «Перуна и Велеса вещания» и, видимо, таинственные дощечки, найденные в 1919 г. А. Ф. Изенбеком. На основе их впоследствии возникла «Велесова книга» Ю. Миролюбова.

Все же славянские мифологи-романтики относились к источникам гораздо более серьезно и критически, чем авторы времен барокко и классицизма. Главное же — они проложили новый путь в мир славянских богов. Он лежал через народные верования, обычаи, фольклор — все то, что носители пудренных париков обычно считали «грубыми выдумками невежественной черни». Отечественное язычество теперь не подгоняли под «непревзойденную» античность, а рассматривали на общеиндоевропейском фоне.

Один за другим выходили фольклорно-этнографические сборники И. М. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1838), И. П. Сахарова «Сказания русского народа» (1836–1837), А. Терещенко «Быт русского народа» (1848), сборники обрядовых песен и духовных стихов (П. Бессонов), сказок (А. Н. Афанасьев), заклинаний (Л. Н. Майков). И восставали из небытия культы богов, порой не известных по письменным источникам — Ярилы, Весны, Костромы;

знакомые по Ригведе мифологические образы — палица громовника, солнечный конь, солнце-колесо... Этнограф Древлянский (П. М. Шпилевский) застал в Белоруссии обряды в честь Ярилы и Лели, предания о Перуне и других богах. А северные великорусы сохранили память о Мокоши и Волосе. За образами христианских святых, былинных богатырей, героев сказок обнаруживались языческие боги.

Ученых-романтиков господствовавшей тогда «мифологической школы» справедливо упрекали в поэтическом фантазировании, в произвольных поисках всюду «олицетворений» грозы или солнца (кому что больше нравилось), в сведении всей религии и мифологии к воплощениям природных сил. Но ведь славяне действительно почитали и воспевали солнце, месяц, гром, зарю, деревья, воду... только не из праздного любования красотами природы, а чтобы воздействовать на те ее силы, от которых зависели благополучие и сама жизнь земледельца. Холодная весна или засушливое лето могли привести к голоду. Вот и ублажали человеческими жертвами грозного Перуна и веселого Ярилу. А влияние на урожай и приплод скота приписывали даже месяцу и звездам.

Вершиной ученой мысли того периода был трехтомный труд А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865—1869) — настоящая энциклопедия славянской натурмифологии, преимущественно на фольклорном материале. Можно не соглашаться с Александром

Николаевичем по поводу тех или иных его интерпретаций, но без его труда нельзя узнать, что же думали славяне о солнце, грозе, земле, растениях, зверях... К неудовольствию церкви, теперь все увидели, какой «православный» русский народ. Под оболочкой насильно навязанной, казенной веры таилось почти нетронутое языческое мировоззрение. Подтвердилось сказанное Белинским Гоголю: в народе еще много «суеверия» (язычества), но религиозности (христианской) нет. «Чиновники во Христе» отплатили великому ученому: выгнанный с работы за издание «кощунственных» легенд, А. Н. Афанасьев умер в нищете.

На Западе в это время успешно трудились чешские «мифологи» — Павел Шафарик, Карел Яромир Эрбен, Йозеф Игнаций Гануш. Очень популярна была книга последнего «Наука о славянском мифе» (1846), впоследствии заслуженно раскритикованная и незаслуженно забытая. Гануш стремился отыскать индоевропейские истоки славянской мифологии, но сравнивал ее не с верованиями ведических ариев, а с современным индуизмом. Тем не менее он собрал много интересных материалов из поздних источников (XVII—XVIII вв.), потом также забытых.

Пожалуй, последним видным «мифологом» был хорват Надко Нодио. Его труд «Религия сербов и хорватов» (вышедший в 1880-х гг. и переизданный сто лет спустя) очень богат фактическим материалом, но, к сожалению, почти не известен в нашей стране.

«Мифологическая» школа надолго пережила эпоху романтизма. Но с 70-х—80-х годов XIX в. и в изучении славянского язычества настало иное время — прозаическое, буржуазное, гиперкритическое. Над «поэзией» теперь смеялись, реконструкций избегали. Предпочитали описывать что-нибудь бесспорно существовавшее и хорошо представленное в источниках. Например, культы русалок и злых (вредоносных) покойников (Д. К. Зеленин), народные поверья о нечистой силе — леших, домовых и т. п. (С. В. Максимов).

А «великие» боги? Да что о них вообще известно достоверного? А раз их нет в источниках — значит, не было и в истории. Да какие там олимпы и пантеоны у этих отсталых славян? Мало кого из славянских богов тогда не пытались «изничтожить» — объявить вымышленными или хотя бы заимствованным (даже у христиан), «разжаловать» в низшие духи или обрядовые чучела. И занимались этим не какие-нибудь немцы-славянофобы, а поляк А. Брюкнер, серб В. Ягич, русские А. Н. Веселовский, Е. В. Аничков, Д. Шеппинг.

Не будем обвинять их в антипатриотизме, ведь это были крупнейшие знатоки славянских языков, литератур, фольклора, неутомимые труженики на ниве науки. Только вот в итоге их трудов славянское язычество стало напоминать религию каких-нибудь австралийских туземцев: одни духи-«боженята», да культ предков, да колдовские обряды. Да еще

убогий, наскоро и поздно собранный пантеон богов, забытых чуть ли не на другой день после крещения.

Однако славяне накануне своего «просвещения» огнем, мечом и крестом находились на стадии не дикости, а варварства или ранней цивилизации, не уступая скандинавам эпохи викингов и далеко превосходя ведических ариев. Если же не сохранились (в «чистом» виде) славянские веды, эдды и теогонии, то это не вина славянских волхвов, а «заслуга» их гонителей.

Тем не менее в конце XIX — начале XX в. появлялись серьезные книги и статьи о славянских богах, свободные от гиперкритицизма: «Божества древних славян» А. С. Фаминцына (1884), «Старорусские солнечные боги и богини» М. Соколова (1887), ряд работ видного языковеда А. А. Потебни. Особенно интересна статья Н. Квашнина-Самарина «Очерк славянской мифологии» (1872), впервые попытавшегося реконструировать славянский пантеон как семью богов. (Подобные «опыты» времен «поэтической мифологии» были далеки от научных). К ней близка ценная статья А. С. Фаминцына «Богиня весны и смерти в песнях и обрядах славян» (1895), в которой был восстановлен славянский миф, аналогичный мифу об Аиде и Персефоне. Заметим, что эта группа ученых хорошо умела увязывать данные письменных и этнографических источников, чего не скажешь об их коллегах-гиперкритиках.

А тем временем прокладывался, поначалу медленно и неуверенно, еще один путь в мир славянских богов — через ар-

хеологию. Попадались на нем и подделки, вроде описанных выше, и мнимые идола, оказывавшиеся средневековыми подсвечниками либо игрушками. Но уже в XVII в. был описан подлинный рельеф с изображением Святовита, сохранившийся в Альтенкирхене на Рюгене (славянском Руге). А в 1848 г. произошло настоящее языческое чудо. Из вод обмелевшей в жару реки Збруч в Галиции оказалась четырехликая, увенчанная княжеской шапкой каменная голова. Идол стоял, будто свая. Вероятно, язычники сумели вкопать его основание в дно реки или обложить внизу камнями. Изваяние находилось ближе к австрийскому берегу пограничного тогда Збруча и потому оказалось в одном из музеев Кракова. (От рук нацистов его впоследствии спасла лишь выставленная работниками музея табличка «Статуя германского викинга»). О подлинности и значении Збручского идола много спорили. Ныне общепризнано, что это — статуя Рода-Святовита X в. В 1908–1914 гг. киевский археолог К. В. Болсуновский издал две работы, посвященные жертвеннику Рода (раскопанному в Киеве В. В. Хвойкой) и священному Перуну дубу, поднятому со дна Десны.

Итоги исследований XIX — начала XX в. подвел крупнейший чешский славист Любор Нидерле в отдельном томе своих «Славянских древностей» (1916), посвященном религии славян. К тому времени три пути на славянский Олимп, проложенные историками, этнографами и археологами, часто пересекались, но не сливались в один.

А мир тем временем менялся. В революционных бурях все славянские страны стали социалистическими. На отечественное язычество начали смотреть, разумеется, по-марксистски. Первобытнообщинному строю соответствует язычество, феодальному — христианство. Сменилась формация — и прежние боги уходят на свалку истории. (Хотя что такое, например, индуизм, как не живое язычество XXI века?). Этот взгляд почему-то весьма напоминал ортодоксально-церковный: язычество — тьма, дикость и отсталость, христианство — свет, культура и духовность, первое, по воле Божьей, неминуемо сменится вторым.

Маститый польский историк Г. Ловмянский в 1978 г. доказывал, что даже первобытные славяне были чуть ли не монотеистами, почитая лишь верховного бога неба да земных «боженят», а прочих богов заимствовали позже от скифов и... христиан. Видно, поляков даже Маркс не смог излечить от католического усердия в изничтожении языческих богов!

За период до конца XX в. круг письменных источников по славянским богам оставался прежним, зато круг источников этнографических и особенно археологических стремительно рос. В Сербии, например, были открыты обряды в честь Ярилы, на Украине — народные песни о Дажьдбоге. Археологи раскапывали все новые славянские храмы и святилища, находили идолов. В 1921 г. К. Шухардт раскопал Аркону — священный город Святовита на Руге, В. В. Седов в 50-х гг. — святилище Перуна в Перыни

под Новгородом, П. П. Толочко в 1975 г. — «пантеон Владимира» (святилище пяти богов во главе с Перуном, сооруженное в 980 г. будущим крестителем Руси).

Синтез всех трех источников стал неизбежным и необходимым. И его осуществили два великих русских и советских археолога — Владимир Андреевич Городцов и Борис Александрович Рыбаков. В 1921 г. В. А. Городцов посетил выставку русских народных вышивок. И вдруг узнал на деревенских полотенцах священные сцены, хорошо знакомые ему по скифо-сарматским древностям. В его статье «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве» (1926) предстал целый мир образов: Великая Богиня, хозяйка зверей и растений, воздевающая руки к своему небесному супругу; ее спутники — воинственные «прибоги»-всадники; почитающие ее цари и жрецы. С тех пор исследователи восточнославянской вышивки находят в ней все новые следы язычества. Храмы и капища, сожженные «просветителями», воскресают под лопатой археолога и вдумчивым взглядом этнографа-искусствоведа.

Б. А. Рыбаков, академик и Герой Социалистического Труда, никогда не угодничал перед властями, почти не ссылался на классиков марксизма и партийные постановления. Но вполне по-марксистски выявлял органическую связь верований славян с их хозяйством и общественной жизнью. И это не мешало ему быть объективным исследователем

и великим патриотом России. Он одинаково глубоко знал археологические памятники и летописи, былины и вышивки. И благодаря этому совершал, начиная с 60-х годов, все новые открытия. Расшифровал ритуальные календари на славянских сосудах III–IV вв.; раскрыл связь древнерусских женских украшений (браслетов и колтов) с языческими обрядами-русалиями; доказал тождество славянского Симаргла и иранского крылатого пса Симурга-Сэнмурва; обнаружил следы славянского мифа в скифском рассказе Геродота. В его книгах «Язычество древних славян» (1981) и «Язычество Древней Руси» (1987) разворачивается панорама верований славян и их предков от палеолита до эпохи Киевской Руси. И при этом Борис Александрович умел самые сложные научные вопросы излагать так, чтобы они были понятны всем.

Одновременно с Б. А. Рыбаковым развернули свои исследования лингвисты Вячеслав Всеволодович Иванов и Владимир Николаевич Топоров. Их совместные монографии, вышедшие в 1965 и 1974 гг., гораздо суше и академичнее книг Рыбакова. Но именно им принадлежат статьи по славянской мифологии в классических «Мифах народов мира». Исследователи и их ученики умело сочетают письменные, этнографические и фольклорные источники, выявляют индоевропейские истоки славянских мифов. Особое значение Иванов и Топоров придают мифу о борьбе Громовника и Змея. Их пристрастие к этому «основному мифу», однако, напоминает крайности «мифологической школы».

В 1984–1985 гг. были раскопаны городища Богит и Звенигород над Збручем. На первом из них и стоял Збручский идол. К удивлению исследователей, оказалось, что оба священных языческих городка функционировали вплоть до татарского нашествия. Только тогда, через два с половиной века после крещения Руси и был укрыт на дне реки знаменитый идол.

Из зарубежных исследований стоит отметить книгу А. Калоянова «Болгарские мифы» (1979), где в образах героев болгарских народных песен прослеживаются языческие боги.

Общественные перемены конца 80-х–90-х гг. повысили интерес к отечественной старине и духовности, в частности — к славянскому язычеству. В славянских странах возникли и распространились общины неоязычников. (Их религия, впрочем, представляет собой реконструкцию-«новое» и ограничивается узким кругом интеллигенции, преимущественно националистически настроенной). Стали популярными всякого рода словари и энциклопедии славянских верований. Расцвел жанр славянской фэнтези.

Появились художественные реконструкции всего свода славянских мифов о богах: «Поединок со змеем» Марии Семеновой (1996), «Русские Веды» (1992) и «Звездная книга Коляды» (1996) Александра Игоревича Асова (Барашкова), «Берегиня» В. Рубана (1992). При этом М. Семеновой принадлежит также превосходная популярная

энциклопедия «Мы — славяне» и цикл фэнтезийных романов, а А. И. Асову — многочисленные издания «Велесовой книги» и работы по истории и мифологии славян. Поистине вернулись времена «поэтической мифологии»!

Увы, вернулись они не только в лучшем, но и в худшем смысле. Если одни словари и энциклопедии (академические «Славянские древности» и выборка из них — «Славянская мифология», «Русский демонологический словарь» Т. А. Новичковой, «Русские суеверия» М. Власовой, «Мы — славяне» М. Семеновой, «Краткая энциклопедия славянской мифологии» Н. С. Шапаровой, «Мифы русского народа» Е. Левкиевской) сделаны добротнo, на высоком научном уровне, то уровень других вполне соответствует XVIII веку.

Печальный пример такого рода — «Энциклопедия языческих богов» А. А. Бычкова (2001). Халтурой ее не назовешь: автор трудолюбиво выбрал из редких изданий множество изображений славянских богов. Только изображения эти — поздние, нарисованные «по наитию». А подлинных славянских идолов, открытых археологами, наш «энциклопедист» явно не знает. Что и неудивительно при его поверхностных, дилетантских познаниях в истории религии.

Дилетантизмом грешат и работы А. И. Асова. Его реконструкции славянских мифов совершенны в художественном, но не в научном отношении. Не будучи филологом, он судит о происхождении слов. «Ославянивает» индий-

ские, кавказские и другие мифы, не прослеживающиеся у славян. Принимает за чистую монету «Велесову книгу», прилвицких идолов и другие фальшивки. И при этом ссылается на свои же реконструкции, как на исторический источник: ему-де их диктует дух волхва Буса Кресеня.

Александр Игоревич, по крайней мере, не обманывает людей и не учит их дурному. А вот омские неоязычники публикуют некие «Сантъи — веды Перуна» — «арийские» скрижали, разумеется, им одним доступные. И проповедуют в них расизм и фашизм, позоря своих близких и далеких предков.

А ведь знать, во что верили твои предки (или предки народа, среди которого ты живешь), необходимо. Если не хочешь пополнить собой орду «граждан мира», не знающих и не уважающих ни одной страны, ни одного народа, и способных всюду лишь разрушать и расхищать. Не обязательно быть неоязычником или православным. Но надо знать о культурных достижениях своих пращуров. И знать правду, а не невежественные домыслы. Чтобы не возомнить пращуров «высшей расой» или, наоборот, тупыми дикарями, способными лишь пугаться лешего или скакать вокруг соломennого чучела.

Эта книга — не академическая монография и не фантастический роман (хотя автору ее приходилось писать и то, и другое). А попытка доступно изложить то, что мы достоверно знаем о семье славянских богов — потомков Матери Лады, Великой Богини.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

Лада — мать богов и мира

(Кострома, Весна, Мокошь, Мать Сыра Земля, Богоматерь, Пятница, Жива, Дева, Красопани, Купала, Ванда, Талака, Цеця, Золотая Баба, Берегиня, Рожаница, Среча, Дивия, Солнце, Великая Богиня.)

Одетый в звериные шкуры скульптор верхнего палеолита высек на стене пещеры Лоссель во Франции фигуру обнаженной женщины с рогом в руке. Десятки тысяч лет спустя славянский мастер вырезал на главной, передней гра-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

ни Збручского идола женщину в длинном платье, прижимающую к груди рог, а у ее ног — мать с ребенком. Эллины изображали с рогом изобилия Гею и Тюхе-Судьбу.

Первым верховным божеством человека разумного была она — Великая Богиня, Мать Мира. Люди еще не знали Верховного Бога, владыки неба (по крайней мере, нет следов его культа в палеолите). А ее уже воплощали во множестве костяных и глиняных фигурок. Эти «палеолитические Венеры» с большими грудями и животами далеки от современного идеала красоты. Что ж, тогда в женщине ценили не изящество, а способность к деторождению.

В послеледниковую эпоху у Великой Матери появилась спутница — богиня-дочь. Мезолитические охотники на олени представляли их в виде двух небесных оленей. Для матриархальных земледельцев неолита и энеолита они стали воплощением плодородной земли и урожая, будущими Деметрой и Персефоной. Мать Мира была не только Матерью Сырой Землей, но и Царицей Небесной: на сосудах трипольской культуры, изображающих Вселенную, весь верхний, небесный, ярус занимает ее огромный лик.

С бронзового века хозяином и на земле, и на небе стал мужчина — пастух, пахарь и воин. Но и теперь люди продолжали чтить всеобщую Мать, рожавшую все живое — зверей, скот, урожай, самих богов и людей, дававшую власть царям. Многоликая и многоименная, она была эллинской Реей, малоазийской Кибелой, индийской Адити-Беско-

нечной, египетской Изидой, месопотамской Иштар... Даже мировые религии не могли обойтись без нее — Богоматери, Мадонны, мусульманской Фатимы, буддийской Гуаньинь.

Многоликой и многоименной была она и у славян. Бога или богиню Ладу славили поляки в песнях на Троицу еще в XV в. Польские историки Меховский, Кроммер, Стрыйковский называют ее матерью богов-близнецов Лея и Полеля и отождествляют с Ледой, матерью Диоскуров — Кастора и Поллукса. «Синописис» и Густынская летопись добавляют к этому, что Лада была богиней брака и поминалась в свадебных песнях. «Матер верборум» видит в Ладе Венеру.

Само слово «лада» означало у русских мужа, жену, любимого человека, у сербов — жену, у болгар — младшую дочь. Этим словом звала Игоря Ярославна. «Ладовать» на Волини означает «играть свадьбу», у туляков и рязанцев — «сватать»; в русских говорах «лады» — «помолвка», западно-украинское «ладканья» — «свадебная песня». У болгар «ладуванье» — святочное гадание о женихе. Все эти слова родственны славянскому «лад» — «порядок», «согласие». То есть порядок, основанный не на страхе и насилии (даже оправданном), а на любви и согласии.

Время Лады — весна и начало лета. «Ладовые» песни исполнялись, помимо свадеб и святочных гаданий, с 9 марта (Сорок мучеников) до 29 июня (Петра и Павла)⁴, а по

церковной, передвижной хронологии — с масленной недели до Троицы и Духова дня (50-й и 51-й день после Пасхи). Следует заметить, что насильственное крещение славян внесло величайшую путаницу в их праздники. Во время постов всякое веселье преследовалось, сами же посты привязаны к подвижным праздникам — Пасхе и Троице. Поэтому языческий обряд встречи весны оказался вытесненным на масленную неделю (перед Великим постом), а проводы весны — на неделю после Троицы, предшествующую Петровскому посту. (Великий пост начинается за 40 дней до Пасхи, Петровский же продолжается до 29 июня).

«Ладовые» песни исполнялись преимущественно девушками. В Болгарии их называли «ладовицами», а их хороводы — «ладино коло (хоро)». В этих песнях «Лада», «Лад» — обычно лишь простой припев. Но в одной русской песне говорится:

Благослови, мати,
Ой мати, Лада, мати,
Весну закликай!

Здесь Лада — богиня весны, богиня -мать. В украинских же песнях упоминается царица Лада, в белорусских — королева Лада. В болгарской песне «Ой, Лад» (Ой, Лада, Лада, девушка молодая). Тут, видимо, богиня-мать сливается с юной богиней-дочерью⁵.

Облик Лады — матери и жены, казалось бы, нарушают словацкие слова «*лойда*» — «распутная женщина», «*лойда-вый*» — «бесстыдный». Церковники любили изображать язычников скотами, а себя — образцами чистоты и духовности. Да, славяне-язычники не считали половую жизнь «грязью», а безбрачие — святостью. На некоторых праздниках (днях Ярилы, Купалы) царил сексуальная свобода. Не допускалось разве что кровосмешение. Эти праздники приходятся как раз на время Лады. А на святки, помимо гаданий — «ладуванья», устраивались и эротические обряды — «игры». Но во все остальные дни года отношение к девичьей чести и супружеской верности у славян было самое строгое.

Такие оргии (известные многим народам мира) были для язычников не развлечением и не «данью природе», а магическим обрядом, который должен был обеспечить плодородие земли-матери. Потому и справлялись они в начале года или весной. Не стоит путать язычников (и их богов) с поборниками «сексуальной революции», думающими лишь о своих удовольствиях.

Не только образ, но и имя Лады, возможно, восходит к общеиндоевропейской эпохе. Об этом говорит малоазийское (ликийское) *lada* — «жена», германское *laþu*, *laþa* (магическое заклятие), имя Лето (Латоны) — матери Аполлона и Артемиды.

Среди Свентокшиских гор на юге Польши поднимается Лысая гора. Такие горы, словно самой природой предназ-

наченные для многолюдных собраний на их вершинах, у язычников считались священными или, наоборот, нечистыми. Здесь в IX—X вв. (или даже в I тыс. до н. э.) существовало святилище — обширная площадка, окруженная валом. Согласно записанной в XVI в. легенде, здесь в начале мая почитались божества Лада, Бода и Леля. Позднее на месте капища был выстроен монастырь св. Троицы. Очевидно, тут отмечались два праздника Лады: кульминация весны (1 мая) и ее конец. А польские проповедники начала XV в. проклинали тех, кто на Троицу воспевал богов Йешу, Ладу (Ладо), Лелю и Нью.

В день 1 мая по всей Западной Европе чествовали зеленое деревцо и его воплощения — «майскую невесту» («королеву», «красавицу») и «жениха» («короля»). Учрежденный в 1889 г. Международный рабочий день хорошо вписался в эту языческую традицию. Восточные и южные славяне первомайских обрядов, однако, не знали. Но 2 мая на Руси отмечали день Бориса и Глеба (заменивших, как мы увидим, богов-всадников, детей Великой Богини, соответствующих Лелю и Полелю).

Праздником Лады была, очевидно, и Красная горка — русский праздник молодоженов, приуроченный к первому воскресенью после Пасхи. В этот день тоже пелись «ладовые» песни.

На Троицу у германских народов, чехов, словаков и венгров также чествовали «короля» и «королеву», у поляков —

«краловну», у сербов и хорватов — «кряля» и «крялицу». Но эта троицкая (да и майская) «королева», как будет показано, скорее богиня-дочь, славянская Леля.

В первое воскресенье после Троицы («русалкино заговенье»⁶⁾ во Владимирской губернии справляли «похороны Лады», в Муроме — «Похороны Костромы», в нижегородских, саратовских, пензенских краях — «проводы Весны». Пензенцы и симбирцы Кострому хоронили на Троицу, а самарцы прямо отождествляли ее с Весной.

Слово «кострома» означает в русских говорах прут, розгу, кучу соломы. Из соломы и делалось чучело Костромы-Весны, которое торжественно выносили и топили в реке. Или же выносили в лес изображавшую Кострому девушку. Или растерзывали в поле чучело лошади — «Весны». Самарцы разыгрывали целую пьесу: Кострому (одетую в белое и зеленое) убивала Смерть, затем их обеих бросали в воду. А рязанские дети изображали в игре смерть, погребение и воскресение Костромы. Саратовцы 31 декабря «встречали Кострому» — сжигали кучу соломы. Украинцы же 1 марта встречали Весну, нося чучело ласточки.

Кострома отличалась веселым нравом: в Нижнем Новгороде пели о сытном угощении у нее, а в Муроме — о том, как она умерла прямо на пиру от вина и пляски. У нее был спутник — мужчина (или она сама имела мужскую ипостась): чучело ее изображало то женщину, то мужчину, нижегородские дети водили хоровод вокруг «Костромы»

и ее «сына», а рязанские девушки играли в «Костромину жену» (на Благовещение или в Вербное воскресенье). Этот спутник-воплощение Костромы, вероятно, Ярила — разгульный бог весеннего солнца. Его проводы справлялись в тех же среднерусских землях, тоже в конце весны.

Нетрудно узнать в Ладе-Костроме-Весне великую богиню плодородия типа Иштар, Изиды, Кибелы и т. д. Эта богиня нисходила в подземный мир смерти и возвращалась оттуда (Иштар-Инанна). Ее изваяние погружали в воду (Кибела, германская Нерта). Ее супругом или сыном (иногда одновременно) был юный бог плодородия (Таммуз, Аттис, Адонис и т. д.). Сама она могла быть двуполой (Кибела-Агдатис). Великая Мать полна жизни, порождающей силы, веселья, порой разгульного, и самая смерть для нее — залог нового рождения.

Славяне не случайно праздновали конец весны, а не лета или осени. Матерь Лада впервые напоминала о себе на святки, когда старались наворожить благополучие на весь год. Затем она приходила в земной мир с началом весны, чтобы в конце ее уйти в нижний, подводно-подземный мир. Этим она обеспечивала поля и пастбища обильными дождями, а землю — плодородной силой.

В 980 г. будущий креститель Руси воздвиг в Киеве «пантеон Владимира» — святилище пяти главных богов: Перуна, Хорса-Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Единственное женское божество здесь — Мокошь. Оче-

видно, это — еще одно имя Великой Богини. Оно — общеславянское: связанные с ним местные названия есть в Северной России (Мокошево болото), Чехии (гора Мокошин Верх), Польше, на землях лужицких сербов и немеченных полабских славян (Муукс). В словенской сказке фигурирует ведьма Мокошка. «Не ходила ли еси к Мокуше?» — спрашивали русских женщин исповедники еще в XVI в.

Кто такая Лада или Кострома, в XIX в. уже не помнили даже сами исполнители песен и обрядов. Но в Мокошь на севере России верили и тогда. Считали, что Мокоша (Мокуша) — большеголовая, длиннорукая женщина. Она наказывает нерадивых и нечестивых прях: беспокоит прядущих в Великий пост, прядет ночью оставленную без молитвы кудель, крутит веретено задремавшей пряжи. О линияющих овцах говорили, что их Мокоша стрижет. В жертву ей на ножницах оставляли клочок шерсти.

Северорусская Мокоша — фигура мрачноватая и несколько измельчавшая (наподобие кикиморы, тоже прядущей по ночам). А вот украинцы помнили о разгульном нраве богини. «Десь наш бог Посвистач спав. Чи не в Мокоші гуляв?» — говорится в изданной П. Кулишом в 1860 г. песне о русском князе (Аскольде?), тщетно молившемся богу ветра Посвистачу.

Мокошь, судя по ее имени, богиня влаги. Созвездие Водолея в Древней Руси называлось Мокрошь (Мокрешь). Моравский историк XVIII в. Стржедовский упоминает

божество дождей «Макосла», подобное Нептуну. Это сближает Мокошь с Матерью Сырой Землей — величайшей святыней славян.

Землю считали святой и бесконечно доброй к людям. От нее человек происходит, ею кормится и в нее уходит. Лишь самого последнего негодяя не принимает она после смерти. Не в землю — сквозь землю, в нижний мир, проваливается нечисть. Земле исповедовались в грехах (например, еретики-стригольники XIV в.). Верили, что она может прощать, исцелять, снимать порчу. Ею клялись, особенно при земельных спорах: тогда клали на голову кусок дерна и с ним шли по меже или становились на колени в яме. Считали, что до Благовещения (25 марта) нельзя тревожить землю: она в этот день рождает. Если же посмеют до того ее пахать, копать, вбивать колья и т. д. — Земля покарает неурожаем и бездождем. То есть Земля-Мокошь распоряжается и дождем.

Землю-Матушку приравнивали к Богоматери. Верили, что бранящийся матерно оскорбляет трех матерей: свою собственную, Мать Сыру Землю и Богородицу. Мат позволялся лишь в одном случае: чтобы отогнать нечисть. Ведь тогда оскорблялась не Мать Лада, а Чертова Мать (т. е. Яга; см. ниже, в главе о ней).

Именно Богоматерь и святая Параскева-Пятница заменили в христианское время Мокошь-Ладу. В русских духовных стихах Пятницу и Богородицу прямо отожде-

ставляли. Обе они считались покровительницами женщин, особенно рожениц, и девушек (просивших у них женихов). Обе давали плодородие земле, охраняли домашний скот. Обе связаны с водой (их иконы являются у источников, а Пятница защищает от ливней и бездождия), спасают от грома. С ними обеими связан запрет мата. В Ленинградской области и соседней Эстонии распространена легенда о преследовании Богородицы или Пятницы чертом, лешим либо пастухами. (Вот кому уподоблялись матерщинники — похотливым демонам!) Пятницу особенно почитали при молодом месяце, а полабские славяне верили, что Богоматерь придет на месяце.

Пятница, подобно Богородице, богиня-мать. «Света Петка — Неделина майка» (Святая Пятница — мать Воскресенья), — говорили болгары. А украинцы: «Середа дівка, а П'ятниця — жінка». В украинской сказке у Пятницы 41 дочь. Об этих младших богинях, дочерях Мокоши-Лады-Пятницы, еще будет сказано.

Пятницу и Богоматерь изображали с цветами, с ними связывали священные деревья, камни, горы, источники. Словом, вся природа, живая и неживая, была пронизана многоликим и многоименным образом Богини-Матери.

Есть у Пятницы и особые черты (не всегда привлекательные). Она исцеляет, защищает от колдовства, помогает женщинам в домашней работе, а крестьянам — в выращивании льна. В сказках она — мудрая помощница героя.

И она же запрещает в пятницу пахать и делать женскую работу (пряхать, стирать и т. д.), карая за это порой жестоко (болезнью, смертью ребенка, сдираанием кожи, жабой, вцепливающейся в лицо). Представляют ее молодой женщиной (или старухой), высокой и худой, простоволосой, в белой одежде и лучезарном венке, иногда с метлой.

Для православной церкви пятница — день распятия Христа. Кроме того, отмечались еще 12 пятниц, приуроченных к определенным праздникам или постам. По преданию, некогда в Болгарии две суеверные бабы упросили двух попов, дабы те записали, какие земные блага получит празднующий каждую из этих пятниц. Сей апокриф («подписанный» именем св. Климента, Папы Римского) ходил по рукам среди южных и восточных славян вопреки церковным гонениям. Как видно, отражал он представления не столько слуг Христовых, сколько жриц Мокоши-Пятницы.

Превратившись в медведя, Пятница разрывает немца, глумившегося над русскими обычаями. Этот медвежий облик Великой Богини — один из древнейших. Созвездие Большой Медведицы сейчас рисуют в виде нелепого хвостатого медведя. Однако «медвежье» имя ему давали не только греки, но и североамериканские индейцы. Созвездие действительно напоминало этого зверя — 100 тысяч лет назад, когда неандертальцы поклонялись пещерным медведям. Эллины видели в Большой и Малой Медведицах нимфу Каллисто (спутницу Артемиды), обращенную в медведицу, и ее сына Аркада.

Позднее, в мезолите, двух небесных медведиц (или медведицу с медвежонком) сменили две оленихи или лосихи. (Еще Афанасий Никитин называл Большую Медведицу Лосем). Но в раннем железном веке на Сленже (Соботке), священной горе силезских славян, были воздвигнуты две каменные статуи медведиц и изваяние человека (видимо, женщины) с рыбой в руках. Путь на вершину горы отмечали высеченные на скалах или особых обелисках косые кресты — знаки Солнца. А саму вершину окружал (как и на Лысой горе) каменный вал. В грозу облака не опускались ниже линии вала. Такие же валы окружали вершины двух соседних гор — Радунь и Косцюшко. Вероятно, на Соботке почитали Ладу-Мокошь — богиню-медведицу, хозяйку зверей и рыб, владычицу воды, солнца и грома. А на двух остальных горах — двух ее дочерей или сыновей.

Из Вавилонии к иранцам, римлянам, германцам и, очевидно, славянам пришло представление о связи семи дней недели с семью светилами. В частности, пятница — день Иштар, Анахиты, Венеры, Фрейи, богинь любви и плодородия. Словенцы же называли утреннюю звезду (планету Венеру) Живой. Жива впервые упоминается Гельмольдом (XII в.) как богиня племени полабов. В XV в. ее подробнее описали Маршалк Турий и Конрад Бото. Согласно первому, ее изваяние, нагое, украшенное золотом и серебром, с лилией у лица и цветами на груди, стояло на холме

среди цветов. Второй говорит, что волосы обнаженной богини ниспадали до колен, голову украшал венок, а в руках она держала золотое яблоко и кисть винограда. Эти описания весьма напоминают Венеру, и не так античную, как ренессансную (простоволосую). Но не мог ли античный мир повлиять здесь на славян? Тем более, что сообщения о славянской Венере, как увидим ниже, не единичны. А с распущенными волосами представляли ту же Пятницу или вил-русалок.

Польские историки, начиная с Длугоша, упоминают некоего «бога жизни» Живе. У Прокоса (Диамантовского) этот бог напоминает античного Геракла. Но одно сообщение этого автора скорее относится к богине Живе. Согласно ему, 1 мая люди собирались на горе Живец, где Живе, «верховный владыка Вселенной» в облике кукушки, предвещал им годы жизни; потому убийство кукушки строго каралось.

О связи гор с культом Великой Богини славян уже говорилось. 1 мая — один из ее праздников. А перед Троицей (незадолго до похорон Лады-Весны-Костромы), южно-русские крестьянки в лесу обряжали в женское платье чучело птицы либо пучок травы «кукушки», «крестили» его и хоронили. При этом «кумилась» с «кукушкой» и друг с дружкой, обмениваясь крестами. В это же время (в Семик — седьмой четверг после Пасхи, перед Троицей) чествовали русалок и березку. А одновременно с похоронами

Костромы справляли проводы (похороны) русалки — ряженой девушки, куклы или конского чучела. Кукушку же славяне почитали как вещую птицу, предсказывающую не только время жизни или смерти, но и урожай или недоход, свадьбу и даже цены на зерно. Ее считали доброй, но несчастной (вдовой, девушкой, проклятой родителями или выданной за немилого и т. п.).

За всем этим проступает величественный культ Лады-Живы. Это с ней, Весной, главной русалкой, воплощенной в весенней птице или дереве, вступали в «посестримство» женщины и девушки. Умирая в нескольких обличьях, она несла миру жизнь, возрождение, изобилие.

Помнили о Живе и южные славяне. У сербов она одна из вил. Эти крылатые девы, облачные, горные и водные, близкие к русалкам, были некогда известны всем славянам. Согласно хорватской легенде, некий благочестивый человек на своей телеге отвез раненного в битве Бога на гору к вилам. За это Жива научила возницу пахать землю и разводить скот.

В «Матер верборум» Жива истолковывается как Церера или богиня лета. На заглавном листе словаря она изображена в виде женщины с растениями в поднятых руках, что напоминает Великую Богиню на русских вышивках.

Вернемся теперь к Живе-Венере. Задолго до Турия и Бото, в XIII в., нотари́й (секретарь) венгерского короля Белы писал о том, что придунайский город Девин в Сло-

вакии, был назван в честь богини Девы, соответствующей Венере. В чешских источниках XIV в. планета Венера носит имя Красопани. В 1719 г. Стржедовский описал изваяние Красопани, стоявшее в ее храме в Брно, столице Моравии: обнаженная богиня с распущенными волосами до колен, в венке из мирта и роз, стояла на золотой колеснице, запряженной двумя голубями и двумя лебедями. В устах она держала розу, в левой руке — глобус (с изображением солнца, неба, земли и моря), в правой — три золотых яблока. Вокруг нее вели хоровод три нагие «грации». Согласно Папанеку (1780), по-чешски эти «грации» звались «милостками». Ранее о храме Венеры в Брно писал чешский историк Богуслав Бальбин.

В Магдебурге («девичьем городе») на Эльбе (Лабе), согласно местной хронике, было святилище «Дианы», разрушенное в 804—814 гг. Карлом Великим. По другим преданиям (записанным в XVIII в. М. Френцелем), здесь еще в римское время была воздвигнута статуя Венеры, разрушенная позже то ли Карлом, то ли гуннами, то ли славянами. Об этой магдебургской Венере писали в XVI в. немецкие историки П. Альбин и А. Кранц. Последний указывал, что славяне звали Магдебург Девинот от богини Девы. Оба историка описывают эту статую Венеры ... в точности, как Красопани у Стржедовского. А первоисточником им всем послужил немецкий же историк Л. Г. Гиральд (1560). Что до самого описания, то оно — насквозь

античное: лебеди и голуби — птицы Афродиты, мирт и роза — ее растения, три грации (Хариты) — ее спутницы, яблоко в ее руке — дар Париса.

И все же... Вправе ли мы считать славянскую Венеру лишь фантазией книжников времен Ренессанса и барокко? Или они расписывали античными красками сохраненные народной памятью обломки язычества? Тем более, что не все в описании соответствует античным канонам: колесница, факел-луч на груди, мировая сфера в руке...

Вот еще одна легенда, на этот раз из польского города Торуня на нижней Висле. Город этот будто бы основал римлянин Таранд, и он же воздвиг тут храм Венеры Партии (Девы), простоявший 500 лет. Вид этой Венеры — опять-таки по Гиральду. Заметим, однако: и Брно (древний Эбуродун), и район Торуня лежали на Янтарном пути, связывавшем праславян со Средиземноморьем с бронзового века. По нему шли из Прибалтики на Делос, священный остров Аполлона и его матери Лето-Латоны (славянской Лады), в храм ее дочери Артемиды, «гиперборе́йские дары». На этом пути, среди иллирийцев и праславян лужицкой культуры распространились в I тыс. до н. э. бронзовые модели солнечных колесниц, запряженных лебедями. На подобной колеснице Аполлон летал в Гиперборею. Две такие модели происходят из Дупляя на Дунае. На одной стоит солнечный бог в женской одежде, на другой — богиня.

В Моравию и на Эльбу славяне пришли в конце V — начале VI вв., сменив здесь германцев, пять веков то воевавших, то торговавших с Римом, чьи легионы доходили порой до Эльбы и Моравы. А Эльба-Лаба надолго стала границей славянского и германского миров. Вполне возможно поэтому, что к славянам или германцам попадали античные изображения Венеры или хотя бы сведения о них. Или же заходящие мастера делали по заказам «варваров» изваяния их богинь. Солнечная колесница, факел (солнечный луч) на груди, космическая сфера в руке — это черты уже не богини любви, а владычицы мира. А три яблока и три «грации» — не символ ли это трех миров? То есть в римской Венере славяне увидели свою Ладу-Живу, отчасти же ее дочь («Деву»).

Для сравнения: согласно житию Георгия Святогорского, еще в 1056 г. болгары на Афоне поклонялись мраморной статуе какой-то античной богини и верили, что от нее зависят жизнь и смерть, солнце и дождь, явно воспринимая ее как все ту же Ладу.

Умерев и воскреснув в конце весны, Лада вовсе не исчезала из земного мира. Она лишь меняла имя. На празднике летнего солнцеворота (в ночь на 24 июня) богиня звалась Купалой. Поскольку ночь эта пришлась на канун дня Рождества Иоанна Крестителя, сам праздник в христианские времена был прозван «Иван Купала (Купало)». Возможно, из-за этого под пером автора «Синописа» возник

«идол Купало», «бог плодов земных». Под его влиянием уже в XIX в. этнограф В. Пассек записал купальскую песню в таком виде:

Ходили девочки
Коло Мариночки,
Коло того
Вудола (?!) Купала.

Между тем в сотнях украинских и белорусских купальских песен никакого идола-вудола Купала нет. Купала (Купалночка) в них (за редким исключением) — женский персонаж. Другая их героиня зовется Марена (Марина, Марьяна, Ганна, Уяна, Катерина). Мужской же персонаж именуется Иван (Ян, Ясь).

Что же известно о Купале из этих песен? Она сидит на плетне (или лежит на «шуме»-листве), а голова ее — в золоте. Зимует в перьях (т. е. в снегу⁷) или колодце, а лето проводит в травах («зелье»), пшенице или на улице. Ночует на лугу, в лесу или в хлебах (жите). Она крылата (закрывает глаза крылом). У нее четыре огорода. Купала имеет одну или трех дочерей, прядет и ткет, готовясь выдать их замуж. Она — предводительница и покровительница купальских игрищ, собирает цветы для венков, просит у Бога хорошей погоды на купальскую ночь.

Как показал А.С. Фаминцын, дочь Купалы (Весны) — Морана (Марена и т. д.), богиня весны и смерти. (В украинской песне: «Весна-весняночка, где твоя дочка Марья-

ночка?») А песню, невольно искаженную Пассеком, белорусы пели так:

Ходили девочки
Коло Мариночки
Коло тоё
Водила Купала.

То есть Купала водила девичий хоровод вокруг Мораны, своей дочери. Действительно, купальский хоровод водится вокруг костра, у которого стоят деревцо и женское чучело. Первое называется Купала (Купайло), второе — Марена (или наоборот). Оба они топят, разрываются или сжигаются. Иногда появляется и мужское чучело — Иван. В обряде, отмеченном в Белоруссии (Древлянским) и на Волини, Купалу изображает девушка, сидящая в яме и раздающая венки для гадания о замужестве.

Не зря все же авторы «Синопсиса» и Густынской летописи считали Купалу божеством плодородия, подобным Церере, и связывали купальский праздник с началом жатвы (хотя он предшествовал ей на целый месяц). Как видно из песен и обрядов, Купала — богиня земли, растительности, плодородия и в то же время — неба и солнца (крылья, золотая голова), богиня-мать, покровительница любви и брака. В Переяславле-Залесском духовенству удалось отчасти заменить культ Купалы почитанием иконы Владимирской Богоматери — «Купальницы».

На Украине две «команды» — парней и девушек — боролись за деревце-Купалу, причем девушки дразнили парней песней:

Наше Купайло до місяця,
Пісковські хлопці повісяться.

В озорной песне, однако, заложен глубокий мифологический смысл. Великая Богиня — в то же время и Мировое Дерево, поднимающееся от земли до неба и соединяющее три мира (небесный, земной и подземный). На этом дереве вешался, чтобы обрести колдовскую мудрость, скандинавский Один. А в его Валгалле ежедневно сражались две дружины воинов, служившие ему и его супруге Фригт (Фрия), богине любви и брака.

Свой веселый нрав Лада-Купала сохраняла и в Купальскую ночь. Эта ночь особенно славилась любовным разгулом. Пляски, прыжки влюбленных парочек через костер и совместное купание перерастали в оргию, когда даже супружеская измена за грех не считалась. В заговоре, записанном в 1769 г., беса Купалолаку призывают разжечь любовную страсть огнем и ключами кипучими. Тем не менее, по венкам, розданным Купалой, гадали о будущем браке, которым и кончались для многих пар купальские игрища: по Нестору-летописцу, на игрищах и умыкали себе невест лихие славянские парни. Лада и здесь оставалась богиней любви и брака, а не разврата. Не стоит возрождать иные

языческие обычаи, но не стоит и путать их с «групповухой» или шабашами сатанистов.

Вспомним: 25 марта Мать Сыра Земля рожала. Следовательно, беременела она как раз в Купальскую ночь. Кого же она рождала и от кого? Быть может, молодые весенние божества — Ярилу и Лелю? Этот миф пока что полностью не прослеживается.

23 июня, накануне Купалы, поляки справляли праздник в честь легендарной княгини Ванды (легенды о ней были известны и на Рюгене-Рюяне). По преданию, немецкий князь Рудигер, не сумев принудить ее к браку даже войной, бросился на меч со словами: «Да правит Ванда морем, землей и воздухом». Иначе говоря, княгиня имеет здесь черты не только водного божества (имя ее означает воду, а жизнь она окончила в водах Вислы), но и богини всех трех миров — все той же Лады.

Любвеобилие Лады и ее почитателей должно было, по их представлениям, обеспечить обилие плодов земных. Не случайно поэтому Великая Мать снова появлялась в дни окончания жатвы. В это время по всей Европе чествовали последний сноп. В частности, поляки называли его Бабой; сноп торжественно несли, а перед ним шла женщина, разукрашенная колосьями. Белорусы, по Древлянскому, чествовали Талаку — девушку в пшеничном венке и белом покрывале, с последним снопом в руках. Имя ее (рус. «толока») означает совместную работу общинников.

Талаке, видимо, тождественна описанная тем же Древлянским Цеця («тетя») — богиня лета. Пожилая, дородная, но красивая, появлялась она в поле, убранная колосьями и с плодами в руках.

Чехи последний сноп оформляли в виде женского чучела и называли его Золотой Бабой. Болгары этим же именем называли предводительницу сужениц — богинь судьбы, а лужичане — богиню, покровительницу рожениц и младенцев. Русские перенесли это имя на Зорни-най — великую богиню финно-угров (коми, хантов и манси). Первые русские мифологи считали ее славянской богиней.

Украинки, окончив полоть свеклу, носили на руках и чествовали Перегиню — ряженую девушку. Древнерусское *«пръгыня»* означало «лесистый холм», «земля». Эти слова, видимо, тождественны слову «берегиня». Согласно «Слову св. Григория», славяне раньше всех богов чтили упырей и берегинь (т. е. духов зла и добра). В более поздних его списках говорится о 7 или 27 сестрах-берегинях. В XIX—XX вв. в России берегинями называли изображавшихся в деревянной резьбе (обычно под окнами) женщин с рыбьими хвостами. В одном случае такая берегиня держит в руке ткацкий челнок, что заставляет вспомнить Мокошь-Пятницу. Вместе с Мокошью антиязыческие поучения упоминают 27 или 30 сестер-вил. Последних в Древней Руси изображали в виде птиц с женскими головами. (Вспомним также хорватскую вилу Живу.)

Очевидно, предводительницей берегинь и вил была Берегиня-Мокошь — богиня воды, земли и плодородия, оберегавшая людей от сил зла.

8 сентября, когда для женщин полевая страда сменялась «бабьим летом» (временем чесания льна и других домашних работ), они чествовали рожаниц. Рожаницами (у хорватов и словенцев), суженицами (у сербов), орисницами (у болгар), судичками (у чехов) назывались богини судьбы. Верили, что, во-первых, у каждого человека есть своя звезда в небе и своя рожаница на земле, покровительствующие ему в жизни. (Книжники, знакомые с астрологией, называли рожаницами семь планет.) Во-вторых, что три такие богини приходят к новорожденному и назначают ему судьбу. В-третьих, древнерусские поучения упоминают рожаниц в двойственном числе и вместе с Родом — верховным богом неба, плодородия и судьбы. По мнению Б. А. Рыбакова, эти две Рожаницы столь высокого ранга — Лада и ее дочь Леля. В жертву рожаницам приносили хлеб, сыр, кашу и вино, и все это тут же ели.

Вера в личных духов-покровителей — общечеловеческая (римские гении, христианские ангелы-хранители и т. п.). Образ трех богинь судьбы (прях) — общеевропейский (греческие мойры, римские парки, германские норны), как и мифы о двух верховных богинях — матери и дочери (Деметра и Персефона, Лето и Артемида), о боге неба и его супруге — богине Земли (Уран и Гея, индийские Дьяус

и Притхви и др.). Один русский книжник, желая блеснуть эрудицией, назвал Рода и Рожаницу «Артемидом» и «Артемидией» (греческая Артемиде была также покровительницей рожениц).

Мирный культ рожаниц, однако, беспокоил церковников едва ли не больше, чем кровавый культ грозного Перуна. Никого из языческих богов они не кляли столь усердно, как Рода и Рожаниц. Шли даже на искажение Священного Писания, вставляя двух Рожаниц в то место книги Исая (65, 11), где осуждается культ Гада, семитского бога счастья. (Еврейский пророк о славянских богинях вряд ли имел понятие.) А другие попы, «череву работные», за надлежащую мзду читали над рожаничными жертвоприношениями тропарь Рождества Богородицы (этот праздник приходится на 8 сентября).

Эти попы и их заказчики были отнюдь не тайными язычниками, а «двоеверцами», искренне полагавшими, что Богородица и ее мать Анна — это и есть Рожаницы. И в наше время священники вполне легально читают в этот день тот самый тропарь, исполняя обряд «благословения хлебов».

Жертвы Роду и Рожаницам приносились и в понедельник после Рождества, то есть на святки, когда справлялись гадания — «ладувань» и «встреча Костромы».

В хронике немецкого монаха Альберика из монастыря Трех Источников под 1003 г. упоминается, что винделики (очевидно, славяне-венеды), соседи швабов, почитают Фор-

туну, держащую в правой руке рог с медовым напитком. В этой «Фортуне» нетрудно узнать богиню с рогом на главной грани Збручского идола. А болгары царицей сужениц считали Золотую Бабу.

Словом, верховной владычицей судьбы у славян была все та же многоликая и многоименная Великая Мать. Это матриархальное представление лишь начинало вытесняться патриархальным. Сербь верили, что судьбу дает Усуд (тот же Род), а ему подчиняются Среча и Несреча, прядущие, соответственно, добрую и злую судьбу⁸. Элины тоже расходились во мнениях: прядут ли мойры судьбу по воле Зевса или он сам подвластен этой судьбе.

Не случайно судьбой у славян ведали божества плодородия — Род и Рожаницы (Лада и Леля). Судьба, счастье и самая жизнь земледельца зависела от даровавшегося ими урожая. Но при этом славяне не были фаталистами, что отмечал еще Прокопий Кесарийский, близко знавший их. Судьба для них не была античным фатумом, безличным и неотвратимым. По народным представлениям славян, злую судьбу (Горе-Злочасье) можно было хитроумно избыть (заточить или передать другому). Или избежать ее, зная добрые и злые дни и часы. А ленивую («лежачую») судьбу заставить работать, хорошенько поколотив ее. Или же добиться успеха, узнав от своей судьбы, какое занятие следует избрать (этому поверью вполне соответствует учение народного мудреца Григория Сковороды о «сродном труде»).

К глубокой индоевропейской древности восходит еще одно имя Лады-Мокоши — Дива (Дивия). «Слово св. Григория» говорит о поклонении «Мокоши-Дивъ». В другом антиязыческом поучении сказано: «Тот Дьню поклоняется, а другой Дивии». Дьем называли греческого Зевса или славянского Рода. Дивией именовали супругу или мать Зевса в микенскую эпоху. Все эти имена — Дый, Зевс, Дивия — восходят к общеиндоевропейскому названию верховного бога неба: *deiwo*. Слово это означало «дневное, светлое небо». А супругой Неба-Отца была Мать-Земля.

В украинских колядках хозяин дома уподобляется Месяцу, жена его — Солнцу, а дети — звездам. Именно так представляли себе славяне небесное семейство. На Смоленщине верили, что в Купальскую ночь Солнце едет в колеснице с тремя конями — золотым, серебряным и алмазным — навстречу своему супругу Месяцу. Солнце-женщина — образ общеиндоевропейский (известный славянам, балтам, германцам, индийцам, хеттам). Он, очевидно, древнее солнечных богов-мужчин. Славянская же Солнце-богиня — не кто иная, как златоглавая Купала, она же — Пятница-Мокошь в лучистом венце.

Существует еще один лик Матери Лады, так сказать, безымянный. Русские вышивальщицы старательно изображали его, но сами давно уже не знали, что же он означает. Помнили одно: от прабабок заведено — вышивать

именно так, причем на предметах, употреблявшихся в культе или на свадьбе (полотенца, простыни, рубахи) и потому нуждавшихся в магической защите. Специалисты же несколько условно именуют этот образ Великой Богиней. Его сходство со скифо-сарматскими и другими древними изображениями великого женского божества установили В. А. Городцов и Б. А. Рыбаков.

Богиня на вышивках — замужня женщина, видимо, средних лет, в широкой юбке, на голове — высокий кокошник или убор наподобие корзины. (В таком виде она известна и в украинской, и в русской глиняной игрушке еще с XVII в.) В ее руках, молитвенно воздетых к небу (поза «оранты») — растения или птицы. Богиню окружают знаки светил, деревья, птицы, животные (особенно лебеди, павы, кони, олени). Сопровождают ее две младшие богини или два бога-всадника. Часто она едет на колеснице или в ладье, которую влекут кони или лебеди⁹. Нередко фигуры богини и ее спутников стоят в храмах или под навесами. Богиня легко заменяется деревом или сливается с ним. Она — источник жизни, мать и владычица всего живого.

Этот величественный образ — общечеловеческий и общеиндоевропейский (Кибела, Артемида, великие богини Крита, Ирана и т. д.) Но многие детали его в русских вышивках восходят к скифской эпохе, когда сами восточные праславяне были «скифами-пахарями», многое переняв

шими от собственно скифов — кочевников-иранцев. Скифы изображали свою Великую Богиню (тоже многоименную — Апи, Артимпасу, Табити) крылатой, с одной или несколькими парами змей (с головами львов или грифонов) вместо ног. Надо сказать, на изделиях греко-скифских мастеров она не выглядит уродливой или страшной.

Много веков спустя, в VI—VII вв., на антских фибулах (застежках) богиня предстает окруженной птицами и животными. Ее руки и ноги как бы перерастают в тела коней, орлов, лебедей. Еще через шесть веков, в Древней Руси, на амулетах-змеевиках с одной стороны изображались христианские святые, с другой — богиня с львиноголовыми змеями вместо ног, иногда крылатая. На браслете XII в. из Киева она — змееногая и крылатая, с головой грифона и в нимбе. Такие «русальные» браслеты носили участницы русалий — языческих игрищ, исполнявшихся на святки, Троицу и Купалу. Уже в XX в. змееногая оранта появляется на украинских писанках — пасхальных яйцах.

Словно сама бессмертная богиня являлась раз в несколько веков мастерам и мастерицам! В действительности промежуточными звеньями между вещами, доступными ныне археологам и этнографам, служили давно истлевшие предметы из ткани или дерева. На них, а главное — в народной памяти и хранился все эти тысячелетия образ Матери Мира.

Скифское наследие проступает и в других чертах многоименной Матери Лады. Подобно скифской Апи, Мать

Сыра Земля — одновременно богиня воды и земли. У лесостепных скифов богиня огня и домашнего очага Табити была и богиней плодородия, и земли. Полесские же крестьяне верили, что на Благовещение рождает не только Земля, но и огонь в печи.

Так богат и многообразен был образ Матери Лады у славян, хотя их общество и религия давно уже не были матриархальными. Дальше мы узнаем о мужьях, сыновьях и дочерях Великой Матери, которые и составляли семью-общину славянских богов.

Велес — волхв богов

(Волос, Месяц, Жыцень, Ныя, Мерот, Власий, Никола, Поренут.)

На стене пещеры Трех Братьев (во Франции) художник палеолита изобразил странное существо: с бородатым человеческим лицом, острыми ушами, оленьими рогами, медвежьими лапами и волчьим хвостом. Вместо одежды тело покрыто шерстью. Хорошо заметны детородные органы. Пригнувшись и вытянув руки-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

лапы, человек-зверь пляшет. Кто это — ряженный колдун, предок-тотем, бог? Все вместе. Бог-колдун, всеобщий предок-отец, Хозяин Зверей. В небе еще не воцарился патриархальный Зевс-Дьяус, а этот бог уже делил власть над миром с Великой Матерью, Хозяйкой Зверей, супругом которой он, очевидно, и был.

Позднее, в мезолите, окончательно оформилось представление о трех вертикальных мирах и система духовных «путешествий» по ним. Бог-колдун стал богом-шаманом. А также певцом, поэтом, музыкантом — все эти искусства были тесно связаны с шаманством. А еще — грозным судьей и палачом. Суеверного человека (не только «дикого») страх перед заклятием или магическим испытанием может убить или вынудить признаться.

Люди научились разводить скот — и Хозяин Зверей стал богом пастухов. А заодно земледельцев и купцов. Ведь раньше изобилие и богатство определялось обилием дичи. Теперь же — скота, зерна, золота. И все же древний бог плохо вписывался в мир молодых патриархальных богов новой, индоевропейской эпохи. Его боялись, но не любили. В роли супруга Великой Богини изначального бога вытеснил бог ясного неба. А на самого бога-колдуна, связанного с ночным небом и его светилами, порой смотрели как на нечистую силу. (Отношение воинов-варваров к колдунам и их богам хорошо передал Р. Говард в своем цикле о Конане.)

В Элладе он принял два обличья: «дикое» — Пана, хозяина лесов, и цивилизованное — Гермеса, бога пастухов,

купцов, магов и ... воров. У индийцев стал Варуной — мрачным и суровым богом вод, луны и магии, нещадно ловящим грешников сетью или петель. Его обычно призывали вместе с Митрой («другом») — солнечным богом, справедливым и добрым к людям. Под именем же Валы древний бог сделался демоном, спрятавшим в скале небесные стада и солнце. У балтов этот бог раздвоился на Велса, владыку мертвых, и черта — Вельяса.

Больше всего повезло изначальному богу у германцев и иранцев. У первых он слился с богом ветра и бури в грозную фигуру Одина-Водана, Дикого Охотника, воина и колдуна. Он и возглавил германский Олимп, оттеснив бога ясного неба (Тиу) на роль второстепенного (но тоже воинского!) божества. В Иране же бог, соответствующий индийскому Варуне, стал владыкой неба под именем Ахурамазды (Владыки Мудрого). Именно его провозгласил единственным богом Заратуштра — один из первых монотеистов мира.

А славяне? У них древний бог носил имя Велес (Волос) и эпитет «скотий бог». «Скотом» в Древней Руси называли также и богатство, деньги («скотница» — «казна», «скотолобие» — «корыстолюбие»). В Киеве святилище княжеского Перуна стояло на горе, а капище Волоса — внизу, на Подоле, рядом с пастбищем и торгом. Тем не менее, заключая договоры с Византией, русы клялись Перуном и Волосом, призывая на себя кары обоих богов: «да будем зо-

лотыми, как золото, и своим оружием да иссечены будем». Очевидно, Перун наказывал клятвопреступников смертью в бою, а Волос — кожной болезнью вроде золотухи или оспы.

На летописной миниатюре к статье 912 г. Перун, перед которым клянутся русские послы, изображен в виде статуи воина с копьем¹⁰, а Волос — в виде змеи у ее подножия. Змея — распространенный символ нижнего мира, мудрости, домашнего очага. Культ домашних змей (ужей), своего рода живых домовых, возникший в энеолите, был свойствен и славянам. Не случайно Вещий Олег, дерзнувший усомниться во всеведении волхвов да еще и угрожать им, гибнет от змеи и коня. Жрецы «скотьего бога» показали князю (если не в жизни, то в сложенной ими легенде), кто в этом мире «вещий».

В «Слове о полку Игореве» Боян, «Велесов внук», выглядит настоящим волхвом-шаманом. Он летает орлом в небеса, бегаёт по земле волком, а по дереву (мировому) — белкой («мысью»). Древо это — «мысленное», летает певец «умом под облака». То есть оборачивается и странствует по трем мирам не тело шамана, а его душа. Звуки его музыки обращаются в стаю лебедей, преследуемых соколами. В Ирландии филидами (словом, родственным имени Велеса) называлась корпорация жрецов-прорицателей, певцов и магов.

Славой колдуна и оборотня пользовался тезка певца — болгарский князь X в. Баян. О герое «Слова...», князе

полоцком Всеславе Брячиславиче, летописец сообщал, что тот был «рожден от волхвования» и носил языческий амулет — науз. В поэме же Всеслав — оборотень, ночью бегаящий волком наперегонки с солнцем-Хорсом¹¹, и знаток гадания по птицам. Душа его — «вещая», шаманская. В былинах Всеслав (Волх Всеславич) — великий охотник и воин — оборотень, князь и шаман в одном лице. Не только он, но и его дружина может оборачиваться соколами, волками и щуками, чтобы передвигаться в трех мирах. А вражеский город они берут, пробравшись туда муравьями. Всеслав-Волх, подобно Вещему Олегу и Одину, побеждает не так оружием, как хитростью — мудростью и чарами.

Не случайно имени Волоса-Велеса родственно не только слово «волхв», но и слова, связанные с общиной и властью над ней: «*волость*», «*власть*», «*владыка*», тохарское *wal* — «царь». На Рязанщине «*велесом*» называли самовольно присвоившего власть. Борьба военных вождей (князей, царей) со жрецами-волхвами за власть — не простую, а священную — тянулась тысячелетиями. Царь Виштаспа, покровитель гонимого жрецами Заратуштры, сам был жрецом — кави. Белый и красный цвета в одеяниях индоевропейских царей и королей означали сочетание жреческой и военной власти. В Черной могиле — кургане черниговского князя X в. — рядом с оружием лежали два священных турьих рога, окованных серебром. Западные славяне

называли священника «князь» (польск. *ksiadz*, чеш. *knez*).

Принятие христианства для князей было удобным поводом покончить с волхвами. Но на смену тем приходили церковники, еще более сплоченные и при том связанные с внешними силами. В 1168 г. руянский князь фактически позволил датчанам разгромить священную Аркону и затем крестился вместе с народом. К концу XV в. на острове некому стало говорить по-славянски. На Руси князья, однако, не дали митрополитам и епископам «оседлать» себя. Владык духовных, требовавших поститься в дни языческих праздников, здесь сгоняли с кафедр.

Иван Грозный в юности справлял языческий аграрный обряд: пахал, сеял и ходил, наряженный в саван, на ходулях (этот обряд, как увидим, был связан с культом Волоса). В зрелые годы царь жестоко боролся с митрополитом Филиппом Колычевым и пародировал церковь в своем опричном «монастыре», где сам был «игуменом». По преданию, в 1570 г. царя, решившего разгромить Псков подобно Новгороду, остановил некий юродивый Микула, который имел много скота и был предсказателем. Да, удержать грозного царя от казней мог разве что бог Велес или его земное подобие! По другому преданию, Грозный узнал от волхов день своей кончины. При вскрытии же его могилы оказалось: руки царя были не скрещены, а сложены, как

у богов на Збручском идоле (правая рука на груди, левая — на животе)

Борьба русских царей с князьями церкви завершилась лишь при Петре I, который в ответ на требование духовенства сохранить патриаршество показал им кортик со словами: «Вот вам булатный патриарх!».

Волос был богом не только скотоводства, но и земледелия. По всей Европе было принято оставлять несжатый последний пучок колосьев. Считали, что в него вселяется божество урожая. У русских крестьян этот обряд назывался «оставлять волотку на бородку» или «завивать» («вертеть») бороду Волосу. «*Волоткой*» русские и украинцы именовали верхнюю часть снопа. Сербское «*власт*», чешское, словацкое и словенское *vlat, lat*, польское *włoc* означает «колос».

Волосу, очевидно, соответствует белорусский бог осени Жыцень, описанный Древлянским. Низкий, худой, согбенный старик, лохматый и трехглазый, он наказывает плохих хозяев неурожаем, а хороших награждает. Его напоминает галицкий «житный дед» — длинноротый, трехглавый, с тремя огненным языками.

«Волохатый» Хозяин Зверей выступал в облике медведя — древнейшего бога человечества. Неандертальцы хранили в каменных ящиках головы и лапы пещерных медведей. А русские крестьяне называли «скотым богом» повешенную в хлеву медвежью лапу. По местному преданию, в Медвежьем Углу возле устья Шексны было капище

Волоса. Его почитатели натравили на Ярослава Мудрого медведя, но князь зарубил священного зверя топором и основал здесь город Ярославль. Отсюда и герб последнего — медведь с секирой.

Возможно, Волос — бог крестьян, купцов и волхвов — перенимал кое-что у княжеского Перуна. Святилища Волоса были не только в низинах, но и на горах (Волосова гора на Вологодщине) или у дуба — священного дерева Перуна (в селе Поклоны Ростовского уезда). В том же Медвежьем Углу в честь Волоса жгли неугасимый огонь (как в капищах Перуна) и молили его о дожде. Медведь был также священным зверем Громовника: «ведмідь пиво варить», — говорили гуцулы о тучах, собиравшихся на вершинах гор.

На земле Велес был медведем или змеей, а на небе — Месяцем. В русских загадках месяц — рогатый пастух звездных стад. Плеяды — одно из самых ярких созвездий — русские звали Волосынями, украинцы — Волосожаром, черногорцы — Влашичами. В Люнебурге на Лаббе (где славяне жили еще в XVIII—XIX вв.), согласно Э. Шедиусу (1648), почитался бог «Луна» с острыми звериными ушами и золотой луной в руках. В украинских колядках и русских поверьях Месяц — муж Солнца и отец звезд. В сербских песнях звезда Денница (Венера) — то жена, то сестра, то мать Месяца. Изначальным все же, видимо, был миф о браке Месяца и Солнца (он известен также

германцам, балтам и индийцам). Но, как уже сказано, и Солнце, и Денница (Жива) — астральные образы Лады. От Велеса и Лады, очевидно, и пошли все славянские боги.

Супружеской верностью Месяц-Велес, впрочем, не отличался. В украинской песне Месяц «перебирает» звезды, ища себе возлюбленную. В литовском же мифе он изменил Солнцу с Утренней звездой (Венерой), за что и был рассечен грозным Перкунасом-Перуном. Не удивительно, что Мать Лада нашла себе, как увидим, других супругов.

Арабский путешественник Ибн-Фадлан в 922 г. видел, как купцы-русы молились об успехе в торговле идола бога, окруженному изображениями его жены и детей. Это, очевидно, и был Велес-Месяц со своим небесным семейством.

У с. Ставчаны на среднем Днестре исследовано святилище черняховской культуры II — V вв. В нем друг против друга стояли два каменных идола: бог в островерхой шапочке, с бородкой, с рогом в руках и изображением домашнего животного на спине и женская фигура с кругом (символом солнца?) на груди. Это напоминает белорусский обычай ставить рядом с «бородой» последний сноп — «Бабу». Велес с Ладой и на небе, и на земле несли людям изобилие и богатство.

В Новгороде в слоях X—XIII вв. часто встречаются деревянные фигурки мужичков с бородками, в островерхих шапочках. Их принято считать домовыми. Но кто такой

Велес, если не главный домовый, заботящийся о скотине и вообще о достатке в доме усердного и благочестивого хозяина?

Чехи верили, что на луне сидит царь Давид и играет на арфе. В древнерусской «Повести града Иерусалима» Давид уподобляется месяцу на золотом дереве-царстве. Библейский царь — пророк и псалмопевец с чертами шамана (он скакал перед ковчегом) напоминал славянам их бога-вохва. В XII в. на стенах церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире русские мастера, современники «Слова о полку Игореве», высекли грандиозную композицию. Вертикальной осью ее служит длинное и узкое окно. Над ним, в арке-закомаре, восседает на троне Давид с гуслями. По обе стороны окна, друг над другом, — многочисленные звери и птицы — орлы, львы, грифоны, барсы, олени, а еще — святые всадники в нимбах и герои, побеждающие чудовищ. Взоры их всех обращены к окну и к царю-пророку. Вся живая природа, дивная и прекрасная, словно поет гимн — не библейскому творцу-Саваофу (его здесь и нет), а древнему богу-шаману, Хозяину Зверей, восседающему на Мировом Дереве.

Храмы балтийских славян были, по словам очевидцев, покрыты изображениями людей и животных, столь искусно вырезанными, что они казались живыми и дышащими. Те храмы были сожжены немецкими «просветителями». Но русские мастера того же XII в. сохранили в камне языческую картину мира, лишь слегка христианизировав ее.

Видимо, в ту же эпоху сложили «Стих о Голубиной книге» — поэму о сотворении и устройстве мира, столь же поверхностно христианизованную, но восходящую к индоевропейским космогоническим мифам. Стих повествует о чудесной книге, упавшей с неба. Ее «глубинная» мудрость раскрывается в диалоге царей Давида и Волота (Волотомана).

Этот таинственный Волотоман явно принадлежит к миру волотов-велетов — мифических великанов, само имя которых родственно имени Волоса-Велеса. В славянских легендах эти могучие существа воспринимаются как предки или, скорее, предшественники людей. Курганы называли «волотовками», а на Волотовом поле под Новгородом возвышался курган Гостомысла — легендарного предшественника Рюрика. Волотов считали основателями многих селений. Былинный Святогор — это богатырь-волот, которому не осталось места в мире людей. Он может лишь лечь в гроб, передав свою силу богатырю-человеку (воплощающему в то же время нового бога — Перуна).

Диалог Давида и Волота явно напоминает такой же космологический диалог Одина с великаном Вафтрудниром в «Старшей Эдде». А также сказание «Калевалы» о певце-волшебнике Вейнеймейнене, оживившем мертвого великана-чародея Виппунена и выведавшем у него магические тайны. Подобно скандинавским великанам или греческим титанам, волоты — предшественники богов и людей, обреченные на исчезновение, уход в безвозвратное прошлое.

Но они также и предки, достойные почитания. Потому Волот, признав превосходство Давида в мудрости, выдает свою дочь за его сына (премудрого Соломона).

Да и сам Велес-Месяц — бог мертвых, предков. Его индоевропейские «сородичи» — балтские божества смерти Велс и Велона, литовские *veles* — тени усопших, скандинавские валькирии и Валгалла («зал мертвых»), греческие Елисейские поля. Все эти мифологические имена, как и имя Велеса происходят от индоевропейского корня **wel-*, — «умирать». В идущей из Месопотамии астрологической схеме понедельник — день Луны. У славян Понедельник — «божий ключник», провожающий умерших на тот свет (на подобие Гермеса-психопомпа).

Поляки еще в XV в. почитали на Троицу божество Ныя¹². По Длугошу, этого бога, подобного Плутону, просили «после смерти отвести в лучшие места преисподней души покойников.

Имя Ный родственно чешскому *náv* — «загробный мир». В Древней Руси и Болгарии навьями называли птицеобразных духов умерших. Преисподняя же здесь — скорее дань христианским представлениям о том, что все язычники попадут в ад. По славянским же народным воззрениям, под землей находится только пекло (ад) и змеиный ирий (куда уползают на зиму змеи), а соответственно, ирий (вырий, рай), куда улетают птицы (на зиму) и души праведников, находится на небе либо где-то далеко на юге

или востоке, за горами, рекой или морем. Так что Нья, судя по всему, — тот же Велес.

Еще два славянских бога потустороннего мира — Мерот и Радамаш — упоминаются в чешской хронике Вацлава Гаека. Первого просили провести душу усопшего светлым путем, второго — справедливо определить его посмертную участь. Этот второй — явно античный Радомант, судья загробного мира. Его культ мог проникнуть к славянам с юга. Имя же первого связано со славянским обозначением смерти, умирания. Оба, вероятно, были ипостасями или помощниками Велеса.

Вспомним теперь обряд, исполнявшийся Иваном Грозным. Царь с боярами пахал и сеял, а затем, нарядившись покойником, ходил на ходулях. То есть посеянное («погребенное») зерно должно было «воскреснуть» и вырасти. Мертвец превращался в волота и тем обеспечивал урожай. Такое сочетание мотивов естественно для культа Волоса — бога земледелия и загробного мира.

Существовала и женская ипостась Велеса-Ньи. Древнерусские поучения упоминают поклонение «Веле богине». В македонской песне фигурирует вила Вела. Вообще вилы, эти прекрасные и своенравные птицедевы, близки к Велесу не только своим именем, но и связью с шаманством, плодородием, богатством и миром мертвых. Они любят и знают чудесные песни и мелодии, но могут увлечь человека в безумный, доводящий до смерти танец. Становятся же ви-

лами, по словацким поверьям, души умерших невест. Вилы одаривают людей богатством, приносят урожай. Польские историки XVI в. Стрыйковский и Гваньини отождествляют Нью не с Плутонем, а с Церерой. У Прокоша (Диамантовского) Нья — также женское божество. Чешская Нива — жена змееборца Крока и мать трех вещих княгинь-жриц — Либуши, Кази и Тетки. У чешского историка Странского Нива — богиня, соответствующая Прозерпине. Эта Нья-Вела, скорее всего та же Лада. Как увидим ниже, Нья Прокоша соответствует скифской великой богине-змеедеве, матери богов и людей.

Школа В. В. Иванова и В. Н. Топорова считает чуть ли не аксиомой, что Велес — общеиндоевропейский змей-дракон, виновник засухи, враг Перуна-Громовника и соблазнитель его жены. Да, этимологически Велес — «родич» литовского Вельняса (черта), врага Перкунаса и ведического Валы, противника Индры. Вельняс к тому же колдун, музыкант и владеет скотом, а Вала прячет коров в пещере. Вила Вела затворяет источники воды. Велес в карпатской легенде посылает одноглазого демона Сыроеда, и от взгляда того пересыхает река Велесница. Она пробивается в другом месте, но в ней заводится змей-людоед, которого люди с трудом одолевают. Но другая легенда из тех же мест говорит о «Деде», хозяине подземных вод, не дающем им выйти наружу и затопить землю. То есть этот Дед (тот же Велес) — не враг, а защитник людей и земного мира.

Главное же, Вельняс, Вала и им подобные — не боги, а злобные чудовища, способные лишь вредить людям. Индоевропейцы не почитали их, а проклинали. Поклонялись же нечисти, по представлениям славян, лишь злые колдуны и ведьмы. И не среди бела дня в капище на Подоле, а глухой ночью на Лысой горе. А в славянских сказках и легендах о змееборцах змей никогда не зовется Велесом или похожим именем. Будь Велес кем-то вроде Сатаны и дракона, вряд ли один поэт назвал бы другого его внуком. Кокетничанье с Сатаной вошло в моду позже, в XIX—XX вв.

И все же демонизация древнего бога имела место и у славян. Возможно, еще в дохристианские времена. «Волосатиком», «ёлсом» в русских областных говорах называли лешего, водяного, черта, «елесихой» — бесовку, «волосом», «волосенем» — мифическое существо вроде ожившего конского волоса, будто бы проникавшее в тело и вызывавшее болезни. «Волос буду!» — божились русские крестьяне. «Какой черт, или какой Велес, или какой змей тебя против меня настроил?» — вздыхал Ткадлечек, чешский автор XIV в. «Оставим эти грехи у Велеса», — писал в 1471 г. один чешский проповедник. А чешские же переводчики книги Сираха в XVI в. желали злой жене обратиться в дикого гуся и улететь за море к Велесу (или «дясу»-черту). В последнем случае речь явно идет о языческом ирии.

Дело здесь не только в церкви, объявившей всех языческих богов бесами. Именем Перуна или Дождьбога так

не ругались. Но слишком таинственным и пугающим был древний бог, связанный с колдовством, загробным миром, ночью, бледным светом луны и звезд. Вот и представляли нечистую силу похожей на него. Привычный нам черт, скопированный с античных фавнов и сатиров, пришел в Россию с Запада в XVII в. В Древней Руси бесов изображали волосатыми, остроголовыми и часто крылатыми. Волосатым и остроголовым представляли и лешего (тоже хозяина зверей). Вспомним также островерхие шапочки ставчанского идола и новгородских «домовых».

Праздник Велеса отмечался, видимо, 6 января, в конце святка¹³. В этот день кончались обходы и шествия ряженных. Среди них выделялись маски животных Велеса — медведя, быка, лошади и др. Ряженные, изображавшие собой толпу выходцев из потустороннего Велесова царства, заклинали богатство и изобилие в каждом доме, за что их щедро одаривали. А на скупых и неучтивых хозяев посланцы Велеса накликали несчастья. В этот же день хозяин в кожухе мехом наружу (словно в медвежьей шкуре) совершал над скотом магические обряды: бросал через стадо топор крест-накрест и т. д.

В христианские времена место Велеса заняли святые Власий и Николай (Никола, Микула). Власий Севастийский еще в Византии был покровителем скотоводства. А на Руси даже имя его почти совпадало с именем низвергнутого бога. Иконы Власия помещали в хлеву и величали

его «коровьим богом». Считали его и защитником от змей, а на иконах рядом с ним изображали существо с головой медведя.

Еще более популярен был в народе Николай Мирликийский. Как увидим далее, он заменил Сварога, Стрибога, Морского Царя, но ряд черт Николы Угодника роднит его с Велесом. Николу, в отличие от грозного Ильи-пророка (языческого Перуна), считали добрым защитником народа. Юродивый, остановивший царя Грозного, звался Микулой. Никола почитался как покровитель скотоводства, земледелия, охоты, проводник душ на тот свет, податель богатства. «Бороду» в поле завивали также и Николе. «Неразменный рубль» поляки звали «миклюзом». Верили, что Никола карает змеями.

Волосов Никольский монастырь (в Ростовском крае) был поставлен на горе на месте святилища Волоса. Но затем, по преданию, икона Николая стала исчезать оттуда и появляться у подножия горы висящей на дереве, на волосах. В конце концов монастырь был перенесен туда. Так монахи следовали капризам языческого бога (вернее, народным представлениям о нем), дабы сохранить паству. Еще один монастырь (в Новгородской земле) именовался Никола Медведь, а другой (под Чигирином) — Никола Медведовский.

В Коренице на Руяне почитался загадочный бог Поренут. Он имел четыре лица, а пятое держал обеими руками

на груди, как люнебургский лунный бог — изображение луны. Имя его родственно польскому *poronisc* — «родить». Видимо, это был двуполоый бог — андрогин, породивший другого бога или богов. И при этом — повелитель Вселенной: четыре головы (у Рода-Святовита, Брахмы и др.) означали власть над четырьмя сторонами света. В Иране таким четырехликим андрогином, отцом двух владык мира — Ахурамазды и Анграмайню — был бог времени Зерван Акран, Бесконечное Время. У славян Бог и Сатанайл, языческие Белобог и Чернобог, считались братьями. Матерью их была, очевидно, Лада: в болгарской песне Богоматерь рождает «Бела бога». А отец? Можно предположить, что им был древнейший из богов — Велес-Месяц, супруг Солнца. Он же, видимо, Поренут.

Такой непростой путь — от зверобога до святого и черта — прошел древнейший из богов. Он не всегда ладил с молодыми богами (своими же потомками). Но в общине славянских богов у него было свое место — волхва-шамана, пастуха и земледельца.

Баба-Яга — владычица смерти

(Ендза, Ежибаба, Коризма, По-
кладня Баба, Несреча, Кривда.)

Бабу-Ягу (польскую Ендзу, чешскую Ежибабу) принято считать страшилищем, верить в которое пристало лишь малым детям. Но еще полтора века назад в Белоруссии в нее — страшную богиню смерти, губящую тела и души людей — верили и взрослые. И богиня эта — одна из древ-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

нейших. Этнографы установили ее связь с первобытным обрядом инициации, справлявшимся еще в палеолите и известным у самых отсталых народов мира (австралийцев и др.).

Для посвящения в полноправные члены племени подростки должны были пройти особые, порой тяжелые, обряды-испытания. Исполнялись они в пещере или в глухом лесу близ одинокой хижины и распоряжалась ими старая женщина-жрица. Самое страшное испытание состояло в инсценировке «пожирания» испытуемых чудовищем и их последующего «воскресения». Во всяком случае, они должны были «умереть», побывать в потустороннем мире и «воскреснуть».

Яга — это распорядительница инициаций и чудовищепожиратель в одном лице. Главное же — Хозяйка Леса, владычица потустороннего мира смерти, богиня древняя и страшная, мало похожая на добрую Мать Мира. Сам ее вид — уродливый, порой полужвериный. Старуха огромного роста, еле уместающаяся в своей избушке, косматая, мохнатая, с огромными грудями (костяными или железными), с костяной (как у скелета) ногой или одноногая. Возможно, она представлялась змеей или полужмеей. Ее имя родственно индоевропейскому названию змеи (слав. «уж», лат. *anguis*, иран. *agi*), она — мать змеев.

Все вокруг нее дышит смертью и ужасом. Засовом в ее избе служит человеческая нога, запорами — руки, замком — зубастая пасть. Тын у нее — из костей, а на них —

черепа с пылающими глазницами. Она жарит и ест людей, особенно детей, при этом печь лижет языком, а угли выгребает ногами. Изба ее покрыта блином, подперта пирогом, но это — символы не изобилия, а смерти (поминальная еда).

По белорусским поверьям, Яга летает в железной ступе, с огненной метлой. Где она несется — бушует ветер, стоит земля, воют звери, прячется скот. Ее сопровождает ведьма и уродливая богиня смерти Паляндра, которая отдает души покойников на съедение Яге и ведьмам.

Яга — могущественная колдунья. Служат ей, как и ведьмам, черти, вороны, черные коты, змеи, жабы. Она обращается змеей, кобылой, деревом, вихрем и т.д.; не может лишь одного — принять сколько-нибудь нормальный человеческий облик.

Обитает Яга в глухом лесу или подземном мире. Она и есть хозяйка подземного ада: «Ты хочешь идти в пекло? Я — Ежи-баба», — говорит Яга в словацкой сказке. Лес для земледельца (в отличие от охотника) — недоброе место, полное всякой нечисти, тот же потусторонний мир, а знаменитая избушка на курьих ножках — как бы проходная в этот мир. Потому и нельзя в нее войти, пока на не повернется к лесу задом. С Ягой-вахтершей трудно справиться. Героев сказки она избивает, связывает, вырезает ремни из спин, и только самый сильный и храбрый герой одолевает ее и спускается в преисподнюю.

При этом всем Яга имеет черты повелительницы Вселенной, выглядя какой-то жуткой пародией на Мать Мира. Яга — тоже богиня-мать: у нее три сына (змеи или великаны) и 3 или 12 дочерей. Возможно, она и есть поминаемая в ругательствах «чертова мать» или «бабушка». Она — домовитая хозяйка, ее атрибуты (ступа, метла, пест) — орудия женского труда. Яге служат три всадника — черный (ночь), белый (день) и красный (солнце), ежедневно проезжающие через ее «проходную». С помощью мертвой головы она повелевает дождем.

Яга — богиня общеиндоевропейская. У греков ей соответствует Геката — страшная трехликая богиня ночи, колдовства, смерти и охоты. У германцев — Перхта, Хольда (Хель, Фрау Холле). У индийцев — не менее жуткая Кали. Перхта-Хольда обитает под землей (в колодцах), повелевает дождем, снегом и вообще погодой и носится, подобно Яге или Гекате, во главе толпы призраков и ведьм. У немцев Перхту заимствовали их славянские соседи — чехи и словенцы. На Богоявление (6 января), когда Перхта летала со своей «дикой охотой», итальянцы сжигали чучело старой ведьмы Бефаны.

Тогда же, на святки, славяне играли в «слепую бабу» («слепого деда»): один участник игры с завязанными глазами ловил остальных. Яга тоже бывает слепа или одноглаза. Напоминают Ягу и воплощения Великого поста — черногорская Баба Коризма и хорватская Покладня Баба.

Чучело последней (в виде зубастой женщины) хоронили в первую среду поста. Так славяне воспринимали аскетические предписания новой религии. По их мнению, требовать от человека умерщвления плоти могла только богиня смерти. И к Яге, и к Пятнице близка сербская Гвоздензуба, карающая огнем плохих прях. Нерадивых прях наказывает и Перхта.

Германцы и их соседи-славяне (чехи, словаки, хорваты, словенцы), а также финны и венгры 13 декабря почитают святую Люцию. (До конца XVI в. на этот день приходилось зимнее солнцестояние.) Ее представляют то уродливой старухой, волосатой, с гусиными ногами, то прекрасной девушкой в белой одежде и короне из горящих свечей. В свой день она запрещает прясть, ходит с ряжеными и, подобно Санта-Клаусу (заменившему Водана), Перхте или Бефане, награждает или наказывает детей.

Яга иногда как бы расщепляется на трех Ягишен, пересылающих героя друг к другу. Геката изображалась с тремя лицами и тремя телами, а кельтская богиня смерти Морриган являлась в виде трех богинь — Махи, Бадб и Неман. Вспомним также трех прях-владычиц судьбы (парки, норны, судицы и др.). Такая троичность богинь может быть связана с тремя вертикальными мирами, тремя фазами луны либо тремя возрастами (девушка — женщина — старуха).

В одних сказках Яга сражается с героем или норовит его съесть. В других, наоборот, указывает герою путь, дает

ему чудесного коня и волшебные предметы (меч-кладенец и др.) или же награждает девочку-сиротку за трудолюбие и послушание (подобно Перхте-Хольде). Может показаться, что между Матерью Ладой и Ягой вообще нет особой разницы, что они — два лика одной Великой Богини.

Скорее, однако, эти две богини изначально составляли антагонистическую пару — задолго до Ахурамазды и Анграмайню, Белбога и Чернобога. В мифологии некоторых австралийских племен мир творят не два брата-близнеца (как у многих народов мира), а две сестры. У кетов на Енисее доброй богине Томэм противостоит злая Хоседэм (в частности, пожирающая души людей). У индийцев Адити-Бесконечная, мать богов, имеет сестру Дити — мать демонов-даитьев. Третья сестра, Дану — мать демонов-данавов, в том числе дракона Вритры, главного врага Индры. Германцы различали черную («ужасную») и белую («красивую») Перхту.

У славян подобную пару составляют сербские богини доброй и злой судьбы Среча и Несреча (украинские Доля и Недоля). Первая — прекрасная девушка, прядет ровную золотую нить. Вторая — старуха с мутным взглядом, нить ее — плохая, тонкая. В «Стихе о Голубиной книге» Правда и Кривда борются в виде двух зверей, после чего Правда удаляется на небо, а Кривда остается на земле. В болгарских песнях Богоматери, восседающей на золотом троне на вершине Мирового Дерева, противостоит Юда —

грабительница, выходящая из моря верхом на олене. Вполне возможно, что сестрами-соперницами были и Лада с Ягой, которые и стоят за всеми этими парами.

Не стоит, однако, думать, что славяне-язычники считали земной мир безраздельным царством Кривды-Яги. Зло царило в преисподней, Добро — на небе. В среднем же мире Добро и Правду отстаивали Правда-Лада и ее потомки — светлые боги.

«Доброта» же Яги весьма относительна. Над сироткой она жестоко издевается, задает ей непосильную работу, постоянно угрожая изжарить и съесть. «Гостеприимную» Ягу в этой роли могут заменять ведьма, ала (злая змеица), кобылья голова¹⁴ (соответственно, в белорусской, сербской и украинской сказках). Помощь же Яги герою-воину, идущему в потусторонний мир, может объясняться какими-то счетами сварливой богини с другими хозяевами этого мира. На такую мысль наводит лубочная картинка: Яга верхом на свинье бьется с «крокодилом», имеющим человеческую голову с длинной бородой. Этот «крокодил», вероятно, змей-ящер, владыка нижнего мира, либо Чернобог.

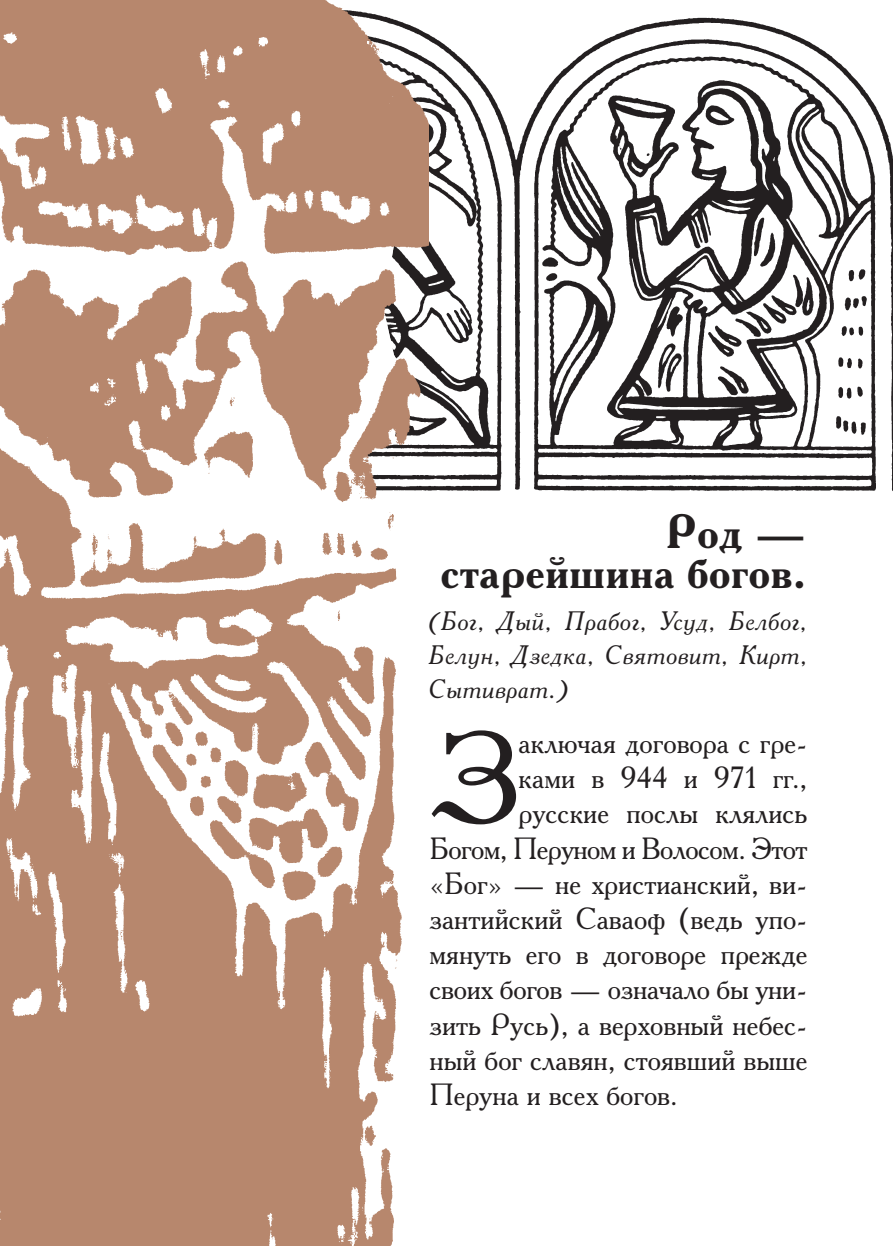
В некоторых сказках и легендах герой, победив змея, вынужден бежать от его матери-змеихи. Усмирить ее и запрячь в плуг может лишь божественный кузнец Кузьма-Демьян (языческий Сварог). В Ригведе Индра тоже, победив дракона Вритру, бежит от его матери Дану.

В ряде сказов древняя лесная богиня вдруг становится похожей на степнячку-кочевницу. Она владеет стадами

скота и табунами коней, сражается верхом на коне с кузнечным молотом в руках. У нее есть чудесные мастера — кузнецы и швеи, создающие ей воинов. При этом Яга и ее дочери (или невестки — жены змеев) остаются опасными чародейками: чтобы погубить героя, обращаются яблоней с ядовитыми плодами, криницей с отравленной водой, постелью, проваливающейся под землю.

Здесь сказались контакты славян со степняками, особенно с «женоуправляемыми» сарматами. У скифов и сарматов были популярны изображения Афины-воительницы, с которой они, видимо, отождествляли свою богиню любви и войны Артимпасу. Но Афина — также покровительница ремесел. На алтаре Артимпасы из Тускулана в Италии были изображены ремесленные орудия. Отсюда, надо полагать, и чудесные ремесленники у Яги.

Древняя лесная богиня, в отличие от своей доброй сестры, не вписалась в земледельческий пантеон славян. Подобно Чернобогу и прочей нечисти, она противостояла общине славянских богов, хоть и была с ними в родстве. Поэтому поклонялись ей разве что ведьмы, столь же отвергнутые обществом.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

Этот бог воцарился в индоевропейском небе на грани неолита и бронзового века, когда степные скотоводы одолели матриархальных земледельцев Триполья. Плуг, запряженный быками, победил мотыгу — женское орудие, и хозяином в небе и на земле стал мужчина — патриарх, хозяин стад и рабов. До поры, до времени старейшине-патриарху подчинялась воинственная молодежь — дружинники и военные вожди.

Бог-патриарх, олицетворявший (в отличие от ночного Велеса) светлое дневное небо, звался у древних индоевропейцев *deiwo*. Это — индийский Дьяус, греческий Зевс, германский Тиу. (Последний, впрочем, превратился во второстепенного «бога меча».) С его именем связано и обозначение бога вообще у индийцев (*deva*), греков (*θεος*), римлян (*deus*), германцев (*tiwaz* — «боги»).

У славян этим именам родственно слово «Дый». Им называли то греческого Зевса (*Δίος*), то какого-то славянского бога. На амулете XIV в. из Новгорода нанесено слово «*Дайјос*»; на одном обереге-змеевике — «*Дојјос*». Это записанное греческими буквами славянское имя «Дый». «Беседа св. Григория Феолога» говорит о поклонении Дьню и Дивии. Эта божественная пара, очевидно, Небо (Род) и Земля (Лада).

И в то же время этот древний термин означает у славян нечистую силу. «Щоб на тебе Див прийшов!» — бранились галичане еще в начала XIX в. В «Слове о полку

Род — старейшина богов.

(Бог, Дый, Прабог, Усуд, Белбог, Белун, Дзедка, Святовит, Кирт, Сытиврат.)

Заключая договора с греками в 944 и 971 гг., русские послы клялись Богом, Перуном и Волосом. Этот «Бог» — не христианский, византийский Саваоф (ведь упомянуть его в договоре прежде своих богов — означало бы унижить Русь), а верховный небесный бог славян, стоявший выше Перуна и всех богов.

Игоре» Див — злое существо. С дерева он предрекает поражение и гибель русской рати, а затем бросается наземь — и беды обрушиваются на Русь. Древнерусское «див» означает грифона. Еще в скифские времена этого льва-орла считали воплощением солнца — и в то же время смерти, подземного мира. У южных славян «дивы» — злые великаны, «самодивы» — те же вилы, существа своенравные, порой злые и жестокие.

Из всех индоевропейцев только славяне и иранцы дивами (дэвами) называли злых демонов, а бога именовали словом, восходящим к индоевропейскому *bhagos* — «счастье, удача». При этом русские еще в XVI в. употребляли слово «бог» в его древнем значении: о муже хорошей жены говорили, что у него есть «бог в кике» (кика — женский головной убор).

У иранцев такая перемена терминов была вызвана «религиозной революцией» Заратуштры, объявившего всех богов-дэвов демонами, недостойными поклонения, а единственным настоящим богом Ахурамазду. Впрочем, дэвов пророк заменил «бессмертными святыми» с теми же функциями, а его последователи вернули «с черного хода» некоторых дэвов (Митру, Анахиту и др.) в качестве «язатов» — «достойных поклонения».

Восприняли славяне и много других иранских религиозных и этических терминов — «вера», «святой», «ирий», «небо», «гадать», «жертва», «благо», «зло», «каяться»,

«честь» и др. «Чистыми» зороастрийцами славяне, безусловно, не были. Но учение Заратуштры, осуждавшее грабительские войны, вполне могло найти отклик у земледельцев, страдавших от набегов кочевников — не только в Средней Азии и Иране, но и на берегах Днепра. Не отсюда ли повышенное внимание русского народа к проблемам правды, справедливости, моральной чистоты?

У славян Бог — не просто могущественное существо, а носитель наивысшей доброты, справедливости, святости. В их легендах он запросто ходит по земле в виде убогого странника, один или с несколькими святыми, помогает добрым людям, наказывает грешных. Иные из этих преданий полны юмора. Например, о том, как черти пытались спить святых и Бога, дабы тот благословил водку — изобретение бесов. Как это не похоже на библейского Саваофа, являющегося людям не иначе как среди грома и молний, вечно грозящего и карающего, произвольно устанавливающего и меняющего моральные нормы!

Индоевропейцы считали Небо-Отца и Землю-Мать супругами и всеобщими прародителями. Таковы индийские Дьяус и Притхви, греческие Зевс и Деметра. А вот Уран (звездное небо) и Гея ближе к Велесу и Ладе. В русских заговорах Небо зовется отцом, Земля — матерью. К небесному супругу воздеты руки богини-оранты на энеолитических изображениях и русских вышивках. Верили, что он оплодотворяет Мать Сыру Землю через дожди, молнии, метеоры.

В Древней Руси Бог именовался также Родом. Именно Рода и Рожаниц чаще всего поминали и проклинали антиязыческие поучения. «Это тебе не Род, сидя на воздухе, мечет на землю груды и в том рождаются дети... Всем есть творец Бог, а не Род», — писал автор слова «О вдохновении духа в человека». То есть Род считался творцом мира, супругом Земли, всеобщим отцом. Он — оплодотворяющая, плодородная сила, пронизывающая всю Вселенную, включая землю, источники вод («родники») и подземный огонь («родрый», «рѣдьяный»), цвет огня и крови, возбуждающий страсть и энергию. Не случайно этот цвет стал эмблемой воинов и революционеров.

Подобно Зевсу, Род был громовержцем. Древнерусское «*родиа*» означает молнию, при том шаровую, наиболее загадочную и опасную. (Обычные молнии-стрелы были уделом младшего громовника — Перуна.) Видимо, к Роду относятся слова Прокопия Кесарийского о том, что славяне «считают, что один из богов — создатель молнии —... единый владыка Вселенной, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных». У индийцев Роду соответствует громовник Рудра. Его тело — красного цвета, в облике быка он сходится с богиней земли Родаси. Позднее Рудра слился с доарийским богом типа Велеса (магом-йогиним и хозяином зверей) в единый образ Рудры-Шивы («милостивого»). Символ Шивы — лингам (фаллос), а его супруги — йони (женское лоно).

Арабский историк X в. Ибн-Русте рассказывает, как славяне после жатвы поднимают к небу ковш с зерном и говорят: «Господи, ты, который даешь нам пищу, снабди теперь нас ею в полной мере!». Этот «Господь», обитающий на небе и обеспечивающий урожай на земле, очевидно, тот же Род.

Род — не монотеистический бог-самодержец, окруженный лишь слугами-ангелами да святыми угодниками, в людях же видящий рабов, а старейшина рода-племени богов. По словам Гельмольда, балтийские славяне «признают и единого бога, господствующего над другими в небесах, признают, что он, всемогущий, заботится лишь о делах небесных, они (другие боги), повинувшись ему, выполняют возложенные на них обязанности, и что они от крови его происходят и каждый из них тем важнее, чем ближе он стоит к этому богу богов».

Как праотец богов, Род именовался Прабогом. Так называли Бога словаки. В соседнем Закарпатье это слово (видимо, под влиянием церкви) превратилось в ругательство, в синоним нечисти: «Иди до ста прабогов!».

Сербы называют большую Медведицу «Возачева Кола», «Кола Родина», «Родокола». Согласно хорватскому преданию, это и есть тот воз, на котором праведный возничий доставил на гору к виле Живе раненого в бою Бога (того же Рода).

О Роде (Усуде) как божестве судьбы, стоящем над Рожаницами (или Сречей и Несречей) уже говорилось. Это

патриархальное представление, несомненно, более позднее, чем вера в богиню судьбы.

Рода изображает знаменитый Збручский идол, окрашенный некогда в красный цвет. Он представляет всю Вселенную: четыре грани — четыре стороны света, три яруса — три вертикальных мира. Верхний ярус — небо с фигурами четырех богов: богини с рогом (Мокошь), бога-всадника с мечом (Перун), богини с кольцом в руке (Утренняя Заря¹⁵) и бога с солярным знаком на груди (Дажьбог). Средний ярус — земля с хороводом людей. Под двумя богами — двое мужчин, под Зарей — женщина, под Мокошью — женщина с ребенком. Нижний ярус — подземный мир с трехликим богом, стоящим на коленях и держащим на себе землю. (Часто его считают Велесом, но, как будет показано, скорее всего это Чернобог). Композицию увенчивает княжеская шапка. Она придает всему изваянию фаллический облик и в то же время напоминает: это не просто модель Вселенной, а образ ее повелителя — Рода.

Четырехликость — общеиндоевропейская черта космических, всеобъемлющих богов. Таким и представлялись индийский Брахма, иранский Зерван, римский Янус (обычно двуликий), греческий Гермес, манихейский¹⁶ Отец Величия (отождествлявший с Зерваном.) В с. Иванковцы на среднем Днестре исследовано святилище IV — VI вв., где стояли три каменных идола — четырехликий (Род),

четырехгранный, но одноликий (Сварог — см. ниже) и бородатый с мечом (Перун). IX в. датируется небольшой деревянный идол с четырьмя лицами из Волина в устье Одры и четырехликий костяной идол-подвеска из Преслава в Болгарии. Последний одновременно служил писалом (заостренным стержнем для письма). Заметим, что Брахма не только творец мира, но и бог мудрости. Быть может, славянские волхвы успели создать свою литературу и записать на бересте, например, Голубиную книгу?

Збручский идол — целый философский, теологический трактат, высеченный в камне. Задолго до Спинозы и Сковороды, отождествлявших Бога и природу, волхвы X в. видели единство мира в Боге-Роде, создавшем вселенную и пронизывавшем ее своей властью и огненной, порождающей силой. Существовал общеиндоевропейский миф о создании мира из тела космического великана. Этот гигант в Ригведе именовался Пуруша (Человек), в «Старшей Эдде» Имир. В «Стихе о Голубиной книге» мир творится из тела Бога.

Все боги на Збручском идоле выступают как ипостаси или аспекты верховного Бога. Такое сочетание многобожия с единобожием свойственно, например, кришнаизму. Подобное учение не требует отрекаться от отеческих богов и объявлять их бесами во имя единого Бога.

Збручский идол стоял до середины XIII в. на вершине горы Богит, окруженный кольцом из восьми священных

костров (жертвенных ям), ориентированный гранями по сторонам света. Мокошь при этом, очевидно, глядела на север, в сторону входа в святилище, Заря — на восток, а Дажьбог-Солнце — на юг. Еще одно святилище Рода было раскопано в 1908 г. в Киеве, на территории древнейшего в Киеве городища. Здесь каменная вымостка с четырьмя выступами по углам ориентирована также по сторонам света. На ней, вероятно, стоял идол. Рядом — жертвенник.

Власть Рода над миром не была, однако, безраздельной. Ему противостоял могущественный брат-соперник — Чернобог. По словам Гельмольда, славяне «во время пиров... пускают в круговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспеяния добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом». Добрый же бог, очевидно, звался Белбогом. Само это имя, однако, появляется в источниках в лишь в XVII в. в «Истории Каменской епархии», где упоминается о строительстве в Поморье (Померании) монастыря Белбук на месте святилища Белбога.

Память о Белбоге и Чернобоге еще в начале XX в. хранили потомки поморян — кашубы. Белбога они считали «нашим богом» и помнили о гаданиях с помощью двух коней, черного и белого, воплощавших этих двух богов. Это напоминает День и Ночь — черного и белого всадников —

из сказки о Бабе-Яге и авестийский миф о борьбе Тиштрии-Сириуса (бога дождя) с дэвом засухи Апаошей в облике белого и черного коней. В той же «Авесте» Ахурамазда именуется «белым», «сияющим». Сербь называют «Белым Богом» небо, болгары — счастье. В «Матер верборум» Белбог приравнен к Баалу — семитическому божеству неба и плодородия.

Возле Бауцена (Будышина), столицы лужицких сербов, возвышаются две горы. Северная зовется Чернобог (*Černy boh*), южная — Белбог (*Bely boh*). У зороастрийцев север также считался обителью Ангра-майнюю. О храмах Белбога и Чернобога на двух горах у села Гловицы рассказывали кашубы. По их словам, на месте храма Белбога была поставлена церковь Христа.

В урочище Белые Боги в Подмосковье, по местному преданию, на холме была заповедная дубрава и капище. В Костромской губернии существовал также Троицко-Белбожский монастырь. Топонимы, связанные с Белбогом, сохранились также в Чехии, Польше, Галиции.

Земной ипостасью Белбога, очевидно, был белорусский Белун, описанный Древлянским. Это — белобородый старик в белой одежде, с белым посохом. Он появляется то в лесу, то во ржи, помогает жнецам и заблудившимся путникам, а тех, кто не побрезгует вытереть ему нос, наделяет деньгами. «Темно в лесу без Белуна», — говорят белорусы. На Украине подобный персонаж именуется «Дід». К нему

близок описанный тем же автором Дзедка: странник с сумой, с огненными глазами и бородой. Он усыпляет путника и во сне советует ему, как избавиться от несчастья. Дзедка сторожит клады и может помочь деньгами попавшему в беду. Ему посвящена Дзедова (масленичная) неделя. Все эти персонажи сродни Богу-страннику народных легенд, Роду и Белбогу.

Белбог добр, но не всемогущ. Чернобог, в отличие от библейского Сатаны, — не провокатор и палач на службе у Бога, а его изначальный и могущественный соперник, но при этом — ближайший родич. Славянам удалось сблечь древний миф о двух творцах мира. У русских, украинцев, белорусов, поляков, болгар, боснийцев он сохранился в устной форме, у восточных и южных славян — также в виде письменного апокрифа (известного с XV в.). Два демиурга в нем зовутся Богом и Чертом (Сатанаилом и др.).

Согласно мифу, Бог и Черт — братья. Они плавали в виде двух уток (гоголей) по изначальному морю. Черт по велению Бога нырнул на дно моря и принес оттуда горсть песка. Из этой горсти и выросла земля. Ночью Черт попытался бросить спавшего Бога в море, но берег все уходил от него, и суша таким образом стала еще шире. Она была ровной, но Черт изрыл ее горами и оврагами. Из капель воды или искр, высеченных из кремня, Бог создал ангелов, а Черт — бесов. Бог творил все доброе и полезное (корову, собаку, пчел и т.д.), Черт — все злое и вредное (волка, козла, комаров, змей и т. д.).

Первую пару людей Бог вылепил из глины и отлучился за душами для них. Черт, подкупив собаку-сторожа, тут же оплевал и истыкал тела людей, и Богу осталось лишь вывернуть их наизнанку. Вся чертова скверна оказалась у человека внутри, и он стал болеть и грешить.

Небо создал Бог, подземное пекло — Черт. Последний поначалу тоже обитал на небе, но попытался захватить там власть и был сброшен на землю вместе со своими бесами. Упавшие в лес стали лешими, в воду — водяными и т. д. Сам же их предводитель провалился в пекло. Он, однако, унес с собой солнце (огонь, венец или одеяние Бога, молнию, меч). Громовник Илья (Михаил, Петр) хитростью похитил его у Черта: уговорил того нырнуть, а сам заморозил море и улетел на небо с солнцем. Разъяренный Черт проломил лед, погнался, но смог лишь вырвать у Громовника кусок мяса из стопы.

Когда люди перестанут праздновать Пасху и разрисовывать писанки, Черт вырвется из преисподней, найдет потоп и огненный дождь. Илья-громовник погибнет в бою и вознесется в рай, а земля сгорит от его крови или провалится в пекло от его молний.

С ортодоксально-христианской точки зрения, этот славянский миф — сплошное кощунство. Не соответствует он и учению манихеев и их славянских последователей -богомилы о том, что весь материальный мир создан Сатаной, а духовный — Богом. Очевидно, подлинные герои мифа — языческие Белбог и Чернобог.

Действительно, мифы о двух братьях-демиургах распространены по всему миру, в том числе у индоевропейцев (Прометей и Эпиметей, Ахурамазда и Ангра-майню). Миф о грядущей гибели-обновлении мира и богов в огне — тоже общеиндоевропейский. Однако из всех индоевропейцев лишь у иранцев и славян эти братья — не только творцы мира, но и его владыки-соперники. В то же время такая пара богов характерна для урало-алтайских народов: Ен и Омоль у коми, удмуртские Инмар и Кереметь, угорские Нуми-Торум и Куль-отыр, ненецкие Нум и Нга, алтайские Ульгень и Эрлик и др. Этим же народам свойствен миф о «ныряющем демиурге». Но славяне издавна соседствовали с иранцами, с финно-уграми же и тюрками столкнулись лишь в I тыс. н. э. Иранцы, в свою очередь, были соседями финно-угров на своей прародине в евразийских степях. Вероятно, миф о двух творцах и владыках мира проник от финно-угров к иранцам, а от тех — к славянам. Не случайно его герои у славян носят полуиранские имена (с компонентом «бог»). Иудео-христианский же миф о Боге и Сатане сложился, скорее всего, под иранским влиянием. Сатана появляется лишь в поздней книге Иова. Так таежные шаманы оказались поистине учителями человечества!

Своеобразный вариант этого же мифа сохранился в украинских колядках. Здесь мир творят две (или три) птицы, сидящие на Мировом Дереве посреди изначального моря. Они ныряют на его дно за камешками, и из них создают

небо и землю. Иногда эти птицы отождествляются с Богом и святыми Петром и Павлом. В украинской же легенде мир создают Петр и Черт под руководством Христа. У курдов-езидов Бог и архангел Гавриил сидят в виде птиц на Дереве среди первозданного моря и спорят о первородстве. Рассудил их Шейх-Синн (эманация Бога), сидевший на розовом кусте посреди того же моря. Подобным же образом в индийском сказании Шива примиряет Брахму и Вишну: он старше их обоих, но присуждает первородство Вишну, в облике вепря спустившемуся в преисподнюю к стопам Шивы. Наконец, в Иране «третий демиург» и отец обоих владык мира — Зерван.

Как уже было показано, у славян «третьим демиургом» и отцом Белбога и Чернобога был, скорее всего, Велес-Поренут. Матерью же — Лада (Богоматерь, рождающая Белого Бога). Но супруга Неба (Рода) — Мать-Земля, то есть та же Лада. Следовательно, Род-Белбог был мужем собственной матери, подобно Урану, супругу Геи и праотцу всех эллинских богов. При этом у славян, как и у эллинов, подобный инцест между людьми, даже совершенный по неведению, считался тяжким грехом. Зороастрийские жрецы, наоборот, освящали и даже насаждали кровосмесительные браки.

У балтийских славян Роду соответствует Святovit. Тот же Гельмольд называет его «богом богов», отождествляя тем самым с богом-отцом и владыкой славянских бо-

гов. Имя Святовита означало, согласно «Житию св. Бенно» (XVI в.), «святой свет». У восточных славян «белый свет» — вселенная, земной мир (в противоположность под-земному). Древнерусские проповедники порицали язычников, почитающих Свет в виде деревянного расписного «болвана». Индоевропейский Зевс-Дьяус, напомним, был богом именно светлого, дневного неба.

Главный храм Святовита находился в Арконе на Руяне, и его разрушение датчанами в 1168 г. было концом славянского язычества как официальной религии. Поздние авторы говорят о почитании этого бога также у чехов (Ян Дубравский), мораван (Стржедовский), лужичан (Френцель). Гамбургская легенда XIV в. сообщает о почитании славянами за Эльбой богов Святобога, Вителюба (Светлолюба?) и Радигоста. Первые два, видимо, соответствуют Святовиту. Культ Святовита в Арконе подробно описан (со слов разрушителей святыни) Саксоном Грамматиком.

Священный город находился на морском мысу. Высокие обрывы меловых скал и мощный вал делали его почти неприступным. Большой деревянный храм был покрыт красной крышей. Посреди его, между четырьмя колоннами с занавесами между ними, стоял искусно сделанный четырехглавый идол. Левая рука его упиралась в бок, правая прижимала к груди рог. Это внутреннее капище считалось настолько священным, что подметал его сам верховный жрец и при этом задерживал дыхание¹⁷.

При храме содержался священный белый конь. Верили, что бог по ночам сражается верхом на нем со своими врагами. В святилище хранились седло и меч бога. Конь служил также оракулом: по тому, как он переступал через поставленные определенным образом копыя, жрецы определяли волю бога. По окончании жатвы справлялся праздник. Жрец по уровню вина в роге Святовита гадал о будущем урожае, а затем, отпив из этого рога, остаток выливал перед идолом. Потом, спрятавшись за огромным пирогом-караваем, спрашивал народ, видят ли его, и желал, чтобы и на следующий год не увидели. Обряд, подобный последнему, исполнял на Рождество отец семейства у поляков (со снопом) и словаков (с хлебом). Как показали раскопки, храм, квадратный в плане, был ориентирован по сторонам света.

Сходство Святовита с Родом и Збручскими идолом бросается в глаза. Арконский бог — тоже владыка Вселенной (четырёх сторон света) и судьбы, податель плодородия. Его цвета — красный и белый (красная кровля, белый конь, меловые скалы). Но, в отличие от мирного Рода, Святовит — бог-воин. Его ночные скачки и битвы напоминают германского Водана, от которого эти черты им, видимо, и заимствованы. У сербов есть песни о Белом Виде, семь лет воюющем с турками и черными уграми. Вспомним и хорватское предание о Боге, раненном в битве. Южнославянские вилы — крылатые воительницы — напоми-

нают германских валькирий, в отличие от древнерусских вил — мирных птице-дев. Видимо, германские религиозные влияния проникали лишь на окраины славянского мира — в то время как иранские охватывали весь этот мир.

Збручский идол — образ Вселенной, Бога-мира, арконский — Бога-человека, хотя и четырехликого. В церквях в Альтенкирхене и Бергене на Рюгене сохранились каменные рельефы, изображающие Святовита. Здесь бог — с рогом в руках, но уже с одним лицом. Владыка мира мог принимать облик то грандиозно-фантастический, то вполне человеческий (подобно Белуну или Богу-страннику).

Четырехликий космический бог был владыкой не только пространства, но и времени года. Арабский географ X в. ал-Масуди описывает славянский храм на горе возле морского залива. Храм будто бы был сложен из красного мрамора и зеленого изумруда. В нем стоял идол из самоцветов четырех видов — зеленого хризолита, красного карбункула, желтого корналина и белого хрусталя, с головой из червонного золота. Перед ним — другой идол в виде девушки.

Столь роскошных храмов и идовов не было, конечно, даже в сказочной Индии. Однако в полуфантастическом описании нетрудно узнать Арконский храм. По остроумной догадке К. Я. Эрбена, четыре цвета идола означают времена года (зеленый — весна, красный — лето, желтый — осень, белый — зима), а золотая голова — солнце. Интересно, что в X в. Святovit еще соседствовал в храме с богиней (Ладой?).

Чешский историк Бальбин (комментатор хроники Гаека) сообщает, что в пражском Вышеграде стоял идол Святovита, разбитый и утопленный при крещении Чехии. Сохранилась, однако, его нижняя часть, возле которой женщины и дети в Жертвенное воскресенье топили гроб с чучелом. К сожалению, не ясно, хоронили ли самого Святovита или какое-то иное божество (Ладу? Ярилу?).

Арконский храм был столь авторитетен и популярен, что даже датский король-христианин Свен преподнес ему драгоценный кубок. А немецкие церковники объявили Святovита ... католическим святым Витом, будто бы «присвоенным» язычниками (почитавшими своего великого бога за много веков до рождения упомянутого святого). Есть мнение, что остров Буян русских заговоров — мифологический центр мира — это Руян, последний духовный центр языческого славянства.

В «Матер верборум» отождествляется с Меркурием «Радигост, внук Киртов». Радигост — тот же Дажьбог Сварожич. Кто же тогда этот Кирт, отец Сварога? У словенцев и хорватов «*кѣрт* (*krt*)» означает «огонь», «свет». Известны словенские выражения «*Kratova dežda*» — небо, «*wsi gremo w Krtowo*» — «все умрем», «*ne wsi w Krtowo, marsikteri i w Črtowo*» — «не все попадем в рай, иные и в ад». Топоним *Krtow* известен в Чехии. Лингвисты связывают имя Крта со словом «*кресити*» (воскрешать). А слово «*черт*», по их мнению, образовалось из «*Кирт*». Имя благого бога

обратилось в имя его врага. Наподобие этого немцы, поляки, сербы, бранясь, меняют в слове «бог» (*Gott*) одну букву, получая бессмысленное вроде бы *Tott*, «*Бор*» и т. д.

Итак, Кирт — бог неба, огня, света, хозяин рая, прародец богов, антипод Черта. То есть все тот же Род-Белбог. Ему же, возможно, тождествен саксонский бог Кродо. По описанию Бото, этот бог изображался стоящим босиком на рыбе, с колесом в левой руке и сосудом с цветами в правой и считался виновником зимы и подателем плодов, хранящим их от морозов. Память о нем сохранилась у немцев в ругательстве «*Krodenduwel*» — «черт Кродо». А еще в Тюрингии в песне, исполняемой весной, при обряде утопления чучела смерти: «Могуществу Кродена придет конец». Возможно, Кродо — это Кирт, заимствованный у славян их соседями-германцами. Рыба под его ногами, очевидно, символизирует нижний, подводный мир. Сосуд с цветами — плодородие. А колесо в руке — солнце или гром. На иллюстрации к хронике Бото это колесо имеет 6 спиц, напоминая этим «громовой знак», оберегавший от молнии русские избы. Словом, перед нами опять космический бог плодородия. А черты бога зимы и смерти у него, возможно, появились уже на немецкой почве.

Не исключено, однако, что Кирт был связан с зимой и у славян. Рождество на Руси именовалось «*Корочун*», у галичан — *Керечун*, у болгар и словенцев — *Крачун*. Это слово переняли румыны (*Кречуну*) и венгры (*Кара-*

чонь). В то же время оно означает внезапную смерть («хватил корочун»). Гуцулы встречали Корочун: вносили и осыпали зерном сноп, ставили на стол огромный каравай. Они верили, что Корочун наказывает негостеприимных, губя их скот. Зимнее солнцестояние — не только праздник рождения бога солнца (позже — Христа), но и самый короткий день года, начало святок — дней разгула нечисти. В то же время, как считалось, эти дни магически влияли на весь наступающий год. Не удивительно, что на Рождество почитали бога-владыку года.

В «Матер верборум» упоминаются также бог Сытиврат, отождествляемый с Сатурном, и его сын Страчек («Сорока»). «Сытиврат» объясняют как «возвращающий сытость» (или «возвращающий свет»). Римский Сатурн — бог плодородия, земледелия и в то же время смерти. Его праздник отмечался 17 декабря, незадолго до зимнего солнцестояния. Сорока же у славян и балтов — нечистая птица, в которую превращаются ведьмы. Вероятно, Сытиврат близок Кирту-Кродо-Корочуну, то есть Роду в его зимней ипостаси.

Из всех славянских богов многоименный Род (Бог) наиболее близок к единому Богу монотеистических религий. Однако Род — не деспот, самодержец и рабовладелец, а старейшина рода богов, порой грозный, но мудрый, добрый и справедливый к людям.

Чернобог — владыка зла

(Черт, «Сатурн», Хладолет, Ежи-бабель, Кадук, Мужичок с ноготок, Триглав, Тржи, Троян, Зюзя, Мороз, Кощей, Колодий.)

Грань между добрыми и злыми богами определяется язычниками довольно расплывчато. Добрые боги могут требовать человеческих жертв или жестоко наказывать за непочтение к себе либо за нарушение определенных норм. А духи-«боженята» зачастую не так злы, как проказливы. Чтобы поладить

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

с ними, достаточно весьма скромных жертв. Лишь Чернобог-Черт и подчиненные ему бесы злы по самой своей сути. Их назначение — всячески вредить людям, губить их души и тела. Тем не менее владыка тьмы, зла и смерти занимал важное место в славянской мифологической картине мира и даже имел свои храмы.

В народе Чернобога помнили еще в XIX — начале XX вв. «Чтоб тебя Черный Бог убил!» — ругались галичане и чехи. Древане и кашубы называли Чернобогом черта. Последние, как уже сказано, говорили о Чернобоге-черном коне. В Индии черным, ездящим на быке или черном коне представляли владыку загробного мира Яму. Черного коня имел также Шива-разрушитель. Топонимы, связанные с Чернобогом, известны в Лужицкой земле, России (Порховский уезд), Буковине и Сербии.

В Восточной Германии, на бывших славянских землях, известна легенда о том, как крестьяне, доведенные до отчаяния притеснениями феодала, решили обратиться к Чернобогу. И бог, и те, кто его вызывал, обратились в камни.

У Масуди описан славянский храм «Сатурна», стоявший на Черной горе. В нем находился идол в виде старика, ворошившего посохом кости мертвецов. Под его ногами были изображены грачи и другие черные птицы, муравьи и черные люди («эфиопы» и «негры»). Перед нами — бог смерти, связанный со всеми тремя мирами — небесным (птицы), земным («люди») и подземным (муравьи). Чер-

ные «люди» здесь, скорее, черти. Сатурн в астрологии — планета зловещая, смертоносная. В чешских источниках XIV в. она именуется Гладолет («голодный год»?). Посох, которым бог разгребает, будто уголья, мертвые кости, заставляет вспомнить кочергу — атрибут Черта («Ни Богу свечка, ни черту кочерга»). Черная гора, возможно, одноименный массив в Карпатах. В таком случае Чернобогов храм, в отличие от Святотовита, располагался не на богатом, густонаселенном острове, а в безлюдных горах, посещавшихся лишь пастухами да разбойниками.

Видукинд Корвейский, саксонский хронист X в., сообщает о почитании ваграми (в нынешней Голштинии) медного идола «Сатурна». Не ясно, был ли то Кирт-Сытиврат или Чернобог.

Видному русскому слависту И. И. Срезневскому лужичане показывали на горе Чернобог места, где был «ад», «чертово окно» где приносились человеческие жертвы.

Славяне не были склонны романтизировать владыку зла. В описанном выше космогоническом мифе он выглядит не величественно, а смешно: коварно, но тщетно пакостит Богу, творит неумело. Создал, например, волка, чтобы наравить его на Бога, а зверь вместо этого покусал своего творца. В сказках черт зачастую глуповат, его легко обмануть. Однако в поверьях и быличках он зол, коварен и опасен.

По народным представлениям, повелевает чертями «чертов дед» («старый дедушка», Дьявол, Сатана). Он вос-

седает в преисподней на железном троне (иногда — прикованный цепями). Не он ли супруг «чертовой бабушки» Яги? В лужицкой сказке выступает прекрасная дочь Чернобога, а в чешской — Ежибабель, муж Ежибабы. Он, таким образом, тоже праотец и старейшина богов — только черных, злых. Изображали Сатану в поверьях черным великаном-оборотнем. У белорусов, по Древлянскому, повелитель чертей именуется Кадук. Он сидит в болоте и похищает украденных чертями детей.

Черт может обогатить, излечить, выполнить трудную работу. Но он ничего не делает бескорыстно. За его «благоденствия» платят не только загробными муками, но и земными злодействами. Ведьма, например, должна была первым делом навести порчу на собственных родителей, а затем регулярно чем-нибудь вредить людям. Не удивительно, что ведьмы и колдуны считались уже не столько людьми, сколько разновидностью нечистой силы.

Следует заметить, что ад¹⁸ — вовсе не христианское изобретение. Уже в Ригведе выступает Нарака — преисподняя, где заточены враги богов — демоны, грешники и злые колдуны. Об их мучениях говорится в Атхарваведе. Нараке соответствуют греческий Тартар и германский Хель. Хозяин преисподней (потеснивший древнюю Ягу) — видимо, общендоевропейский образ: индийский Яма, греческий Аид, осетинский Барастыр, германский Локи. Последний, подобно иранскому царю-дракону Ажи-дахаке

(Заххаку), скован и заточен под землей до конца света. Дракон-Сатана Апокалипсиса явно срисован с Ажи-дахаки.

Черту приписывают изобретение косы, мельницы, кузнечного дела и т. д. (не говоря уже о табаке и водке). Этим он напоминает того же Локи — злого и хитрого пакостника, создающего или похищающего всевозможные культурные блага и чудесные вещи. Иногда Локи считали братом Одина.

Еще один образ злого подземного хозяина — сказочный Мужичок с ноготок, борода с локоток. Этот могучий карлик, подобно Яге, одного за другим избивает и связывает героев, и только самый сильный из них одолевает «мужичка» и, преследуя его, спускается в подземный мир.

В Поморье (особенно в Щецине и Волине) и Бранденбурге (Браниборе) почитался бог Триглав. В Польше ему соответствовал трехглавый верховный бог Тржи, отец бога Живе. Трехглавые идола, по свидетельству П. Альбина, стояли у Мейсена еще в 1586 г., и лужичане почитали их. Подобные идола в XX в. были найдены в Хорватии (Вачана) и в Брестской области.

Кульٹ Триглава подробно описан биографами Оттона Бамбергского, крестителя Поморья. Головы идола были отлиты из серебра, а глаза прикрывала золотая повязка. По словам жрецов, три головы означали власть бога над тремя мирами, а повязка — то, что он не замечает человеческих грехов. Богу был посвящен черный конь-оракул. По тому,

как он переступал разложенные на земле копыя, жрецы толковали волю Триглава. Казалось бы, перед нами бог Вселенной типа Рода-Святовита. Но почему конь его черный, как у Чернобога? Странно выглядит терпимость бога к грехам, как и его слепота, напоминающая игру в «слепую бабу» (Ягу) или «слепого деда» (Чернобога?). Трехглавость же в индоевропейской мифологии — черта злых богов и чудовищ. Таковы трехглавый Ажи-дахака, Триширас (враг Индры), Герион (великан, побежденный Гераклом), Геката, Цербер, сказочные трехглавые змеи. Таков же индийский Шива-разрушитель. С ним и его супругой Кали связано все наиболее жестокое и безнравственное в индуизме («путь левой руки»). Трехликому Шиве противостоит четырехликий Брахма, мудрец и создатель мира. Эта пара напоминает Ахурамазду и Ангра-майню, Белбога-Рода и Чернобога.

Злые «триглавы» хорошо известны и славянам. Бог Троян упоминается в древнерусских антиязыческих поучениях. В сербских и болгарских легендах Троян — чудовищный трехликий царь, тремя ртами пожиравший людей, скот и рыбу. Он имел козьи уши и скрывал их от людей (подобно Мидасу). В его царстве было 70 водоемов, полных золота и серебра. По ночам Троян ездил к любовнице, но однажды не успел вернуться до рассвета и ... растаял от солнца. Этот царь явно олицетворяет ночь и луну (три лунные фазы) подобно трехликой Гекате. В южнославян-

ском эпосе три головы имеют Черный Арапин и воевода Балачко, стерегущий королевну и двух ее служанок в городе Ледяне. В чешских же сказках трехглавый змей стережет трех королевен в ледяной или стеклянной горе (пещере). А чешский писатель XIV в. Щитный говорит о злой жене, что она «будто имеет три головы»!

У Трояна козьи уши, а головы Триглава, согласно «Матер верборум», были козлиными. Козел с его скверным нравом и запахом считался у славян творением Черта. Головы щецинского идола были из серебра, а это — металл Луны, связанный с загробным миром. По представлениям сербов, на тот свет ведет серебряный мост, а женщины там ходят в серебряной одежде. Сербская легенда говорит о поклонении серебряному богу в городе Трояне. Немецкий историк В. фон Эйхштедт сообщал, что Триглав имел три золотые головы под одной шапкой, а в руке — полумесяц. Стржедовский упоминает подземного бога эпидемий по имени Трибик. Словом, за поморянским Триглавом явно проступает злое божество ночи, луны и смерти, претендующее на власть над тремя мирами. Оно соответствует «Сатурну» Масуди, то есть Чернобогу. Не нужно, однако, считать поморян, поляков или браниборцев какими-то сатанистами. (Будь это так, их «просветители» не преминули бы сообщить о том.) Вероятно, культы Триглава и Святовита «поднимались на щит» жрецами соперничавших племенных княжений. Официально же Триглав рассматривался как ипостась Бога Богов, равная Святовиту.

Некоторые историки XVII—XVIII вв. (З. Гарцеус, П. Альбин, Э. Шедиус и др.) описывают Триглава как богиню луны под именем «Тригла». Следует учесть, что на месте его храмов ставились церкви Богоматери. Вероятно, культ Триглава потеснил культ женского божества типа Гекаты (Яги).

Кто же тогда трехликий подземный бог на Збручском идоле? Добрый Велес или злой Чернобог? Скорее второй. Он явно не рад своей участи: с трудом, согнувшись «в три погибели», держит на себе Землю. Атлант тоже держал небо в наказание за борьбу с Зевсом. В Силезии в XVI в. при земельных спорах клянувшийся становился в яме на колени с куском дерна на голове. Видимо, он тем самым накликал на себя (в случае ложной клятвы) судьбу Чернобога: провалиться сквозь Мать Сыру Землю и держать ее на себе.

Бог тьмы был, вероятно, также и богом зимы. Белорусский бог зимы Зюзя, описанный Древлянским — низенький длиннородый старик (подобный Мужичку с ноготок), в белой одежде, босой, без шапки, с железной булавой (вспомним некрасовского Мороза-воеводу). 31 декабря он трясет землю булавой, и ему приносят в жертву кутью. Это тот же Мороз (Морозко), которого восточные славяне также представляли низеньким длиннородым старичком (либо, наоборот, могучим мужем или старцем), который бегаёт по полям и стуком вызывает морозы. Он же — сильный кузнец, сковывающий реки и землю. На-

кануне Рождества его зовут есть кисель или кутью (вместе с волком и «нечистыми» мертвецами) и просят не губить посевы.

Мороз, казалось бы, не столь уж зол. В сказках он испытывает и награждает (подобно Яге) пришедшего в его ледяную избушку. Зюзя порой помогает людям, предупреждает о грядущих морозах. И все же некоторые данные говорят о его родстве с подземным хозяином тьмы.

Привычный нам новогодний Дед Мороз — скорее заимствованный с Запада Санта-Клаус (св. Николай, заменивший там Водана). А Снегурочка, дочь Мороза и Весны, — плод поэтической фантазии А. Н. Островского. В фольклоре же супруга Мороза — Зима или Смерть, как в белорусской песне:

Смерть с Морозом танцевала,
Танцевала и спивала,
И за море десь погнала.

Как будет показано ниже, эта Смерть — не Яга, а Морана, богиня весны и смерти, славянская Персефона. Чехи и словаки весной выносили чучела Мораны и Дедки с песней: «Дедка, наш, дедка, пожрал ты у нас все». Этот всепожирающий Дедка, несомненно, олицетворяет зиму, когда люди жили только летними и осенними запасами, которых могло и не хватить до нового урожая. В другой песне говорится, что из-за Дедки и умерла Морана.

Козьма Пращский упоминает чешского бога смерти и войны, называя его «зятем Цереры». Зять Деметры-Цереры — это Аид (Плутон), похититель Персефоны. В сказке (о чем речь впереди) ему соответствует Кошэй Бессмертный, похититель Марьи Моревны. Этот Кошэй — владыка ада (*krol pieklny* — в польской сказке). Имя его связано с древнерусским «*кощное*» (преисподняя), славянским «*кость*» и тюркским «*кошчи*» (раб). Его дворец, полный сокровищ, стоит на краю света на стеклянных (ледяных?) горах. Служит ему войско чертей.

Смерть Кошея запрятана в яйце, яйцо — в утке, утка в зайце, заяц — в сундуке, сундук же — под дубом на острове среди моря. Нетрудно узнать здесь остров Буян, Мировое Дерево на нем и мировое яйцо. Не случайно герою, чтобы добыть это яйцо, нужна помощь животных всех трех миров — земного (волк), небесного (орел) и нижнего (щука). Здесь перед нами снова подземный бог смерти с претензией на вселенское владычество (библейский Сатана — всего лишь «князь мира сего»).

На Украине существовал обычай: на Масленицу привязывать деревяшку к ноге тому, кто не торопился вступать в брак. Эта деревяшка именовалась «колодка» или «Колодий». Кроме того, женщины за 5–7 дней Масленой недели успевали отметить рождение, смерть и похороны Колодия. После похорон (сожжения) его оплакивали, а затем бурно радовались. По словам самих крестьянок, Колодий

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

был колдун, похищавший красивых женщин, откуда его не убили. Один крестьянин сказал, что это был языческий бог, изображение которого женщины и молодежь чествовали в понедельник перед великим постом. Этот похититель женщин, умиравший с началом весны, явно сродни Дедке и Кощею.

Автор этих строк слышал на Харьковщине (в с. Шевченко Сахновщинского района) рассказ о женщине, в летаргическом сне побывавшей на том свете. Сначала она попала к «скупому деду», у которого «всего было много, только все черное», затем — к «щедрой женщине». Та толкнула ее с обрыва, и заснувшая пришла в себя. «Скупой дед», очевидно, Чернобог, а «щедрая женщина», воскресившая временно умершую — Лада.

Чернобог богат (как хозяин земных недр), но богатство его никому не приносит добра. «Чорт гроші має, а в болоті сидить», — говорили украинцы. Он распространяет вокруг себя не плодородие (как Род или Велес), а бесплодие, смерть, холод. Оказавшись вне общины славянских богов, Чернобог и Яга создали свою антиобщину с антиморалью. Возможно, в эзотерическом учении их жрецов утверждалось, что Чернобог — законный владыка Вселенной, лишь временно заточенный светлыми богами. Но почитатели последних были уверены: с окончанием зимы он, как и всякая нечисть, гибнет, покидает земной мир.

Стрибог — дед ветров

(Пантелеймон, Вий, Касьян, Буняка, Соловей-Разбойник, Погода, Похвист, Никола.)

Отношение земледельца и скотовода к ветру неоднозначно. Ветер может принести долгожданные дождевые облака или желанную прохладу, а может обернуться страшным бедствием. Бог ветра, очевидно, был уже в общендоевропейской мифологии (греческий Эол, индоиранские Ваю

и Вата). При этом у иранцев было два Ваю — добрый и злой. Индийский Ваю — воинственный спутник Индры, отец его дружинников-марутов. Дети Ваю — обезьяний царь Хануман и богатырь Бхима — отличаются огромной силой и буйным нравом. У германцев бог ветра и бури слился с богом-колдуном типа Велеса и в образе яростного воителя Одина-Водана занял престол главы богов. Ветер, таким образом, представлялся если и не злым, то буйным, воинственным и своенравным.

У славян богом ветра был Стрибог. В «Слове о полку Игореве» «ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоревы». (Заметим, что индийское «Маруты» также означает «с моря веющие».) Моравское *stri* означает «ветер, приносящий непогоду».

Имя этого бога пытались объяснить как «распространяющий блага» (Р. Якобсон), индоевропейское «отец-бог» (*Pater bhagos*; М. Вей), иранское *Sri-baga* (возвышенный бог; Р. Пирхеггер). В нем пытаются видеть небесного бога-отца (т. е. Рода). Однако в славянских источниках хозяин ветров вовсе не выглядит благим небесным богом. Скорее наоборот.

В «Слове...» Стрибог враждебен русскому войску. Ярославна лишь молит Ветер-ветрилу не веять стрелами на воинов ее мужа. У с. Воронино Ростовского уезда по преданию, находилось капище Стрибога, где гадали по внутренностям жертвенных воронов. Вороны — спутники Оди-

на, а «черные птицы» — «Сатурна» Масуди (Чернобога). Болгары верили, что ветер обитает в пещерах и пропастях, а стерегут его там халы (драконы), одноглазая вештица (ведьма) или слепой старик (вспомним игру в «слепого деда» или «слепую бабу»). По сербским представлениям, ветрами повелевает Ветряной воевода (его праздник — 29 июня), св. Стефан (2 августа) либо св. Пантелеймон (27 июля); по чешским — Яга; по македонским — Илья-пророк, по украинским — сердитый старик за морями или Ветро-дуй, главный из пяти ветров; по русским же — Ветровый царь, Вихревой атаман, старший из четырех (семи, восьми) братьев-ветров. В восточнославянских сказках выступают Ветрова Мать и Ветров Батька.

Как видим, хозяева ветров у славян — либо Громовник и близкие к нему персонажи¹⁹, либо зловещие фигуры типа Чернобога и Яги. Но самое интересное поверье записано П. П. Чубинским на Западной Украине (в Грубешевском уезде). Согласно ему, ветрами повелевает некий «барин», сидящий под землей и держащий ее на себе. Тут уже впо-ру припомнить подземного бога на Збручском идолу. А еще — гоголевского Вия, казалось бы совсем не связанного с ветром.

Вий не вымышлен Н. В. Гоголем, хотя образ этот сохранился для науки только благодаря великому писателю (очень точно передававшему этнографический материал). В его повести Вий — подземный карлик (в черновике —

великан) с огромными веками. Он почти слеп (не может открыть глаз без посторонней помощи), но взгляд его всевидящ и смертелен. Следует заметить, что обитатели потустороннего мира обычно невидимы для людей, и наоборот. Яга не видит пришедшего к ней героя, лишь чувствует его «русский дух». И только Вий, этот шаман мира нечисти, видит Хому, даже огражденного магическим кругом.

Видный иранист В. И. Абаев сопоставил Вия с иранским Ваю и осетинскими вайюгами. Ваю (особенно в злой ипостаси) — бог не только ветра, но и смерти, неодолимый и безжалостный. А вайюги — одноглазые великаны, стражи подземного царства мертвых. В зороастрийском риваяте (послании) и у персидского поэта XI в. Асади-Туси богатырь Гаршасп (Кере-саспа) загоняет под землю злого дэва ветров, который с тех пор держит на себе небо и землю. Кере-саспа подобен индоевропейскому громовнику: грубоватый и буйный воитель, истребляющий палицей драконов и других чудовищ.

Славяне тоже делили ветры на добрые и злые. Считали, что в первых летают души праведных людей, а во вторых (особенно в вихре) — нечистая сила, в том числе змеи-халы. Белорусское заклинание призывает на вихрь молнию. То есть и славяне, и иранцы сближали ветер с чудовищем — врагом Громовника.

Огромными веками и губительным взглядом отличаются у славян также св. Касьян и Шелудивый Буняка.

Касьян Немилостивый (29 февраля) скорее напоминает злого демона. От него, чей день отмечается лишь раз в четыре года, крестьяне ждали только несчастий. Верили, что взгляд его губит все живое и даже уничтожает города, что он обитает в пещере, лишенной света, или погребен живьем, что его, скованного, избивают ангелы или черти. Касьяна считали также привратником ада, выпускающим оттуда 12 злых ветров, разносящих эпидемии.

Половецкий хан Боняк, погулявший со своей ордой на нынешней Западной Украине, превратился в местных легендах в настоящее чудовище — великана, людоеда и колдуна Шелудивого Буняку. Стоит ему поднять громадные веки — и он видит все на 100 миль вокруг, а от его взгляда проваливается целый город, уходят под землю царевна, королевич с войском и дворец с сокровищами. Убившим Буняку пришлось долго преследовать его отсеченную голову. Иногда он представляется ожившим мертвецом.

Подобный персонаж есть и в ирландской мифологии: Балор, вождь одноглазых демонов-фоморов, взгляд которого сжигает все.

Индолог Г. М. Бонгард-Левин и иранист Э. А. Грантовский в своей замечательной книге «От Скифии до Индии» сумели восстановить общеарийский (индоиранский) миф о Крайнем севере, сохранившийся, в частности, у скифов (в передаче греческих авторов). Согласно этому мифу, далеко на севере лежат неприступные высокие горы. Путь

туда стерегут чудовища — одноглазые аримаспы (подобные вайюгам), грифоны. В пещере среди гор обитает северный ветер (Борей). И лишь могучий герой или великий шаман может, преодолев горы, попасть в блаженную страну (Гиперборея, Швета-двипа — Белый остров). Страна эта, однако, имеет черты загробного рая, порой отождествляется со Сваргой — раем Индры.

У зороастрийцев, как и у славян, север — злая, смертоносная сторона. С севера, в частности, приходит Ангра-майню. Помнили славяне и о гнезде бога ветра в северных горах: русские называли северный ветер «горичем». Однако же главная грань Збручского идола была обращена на север.

Сродни Вию-Ваю и былинный Соловей-Разбойник. Подобно Ваю, он загораживает путь и губит всех, пытающихся пройти, Соловей восседает на трех дубах (Мировом Дереве) и издает звериный рев, змеиное шипение, птичий свист, то есть звуки представителей всех трех миров. Перед нами снова злой бог, претендующий на роль владыки Вселенной. И одолевает его (выбив стрелой один глаз) не кто иной, как Илья Муромец — воплощение Громовника (его даже прямо отождествляли с Ильей-пророком). Интересно, что у Соловья, как и у греческого бога ветров Эола, все сыновья женятся на собственных сестрах.

Так что Стрибог (Вий, Соловей и др.) — тот же Чернобог? Не совсем так. Все же его почитали в главном святы-

лице Киева, рядом с Перуном и Дажьдбогом, а не на Лысой горе. Вероятно, смертоносный Вий был особым, злой ипостасью Стрибога. Благой же Стрибог представлялся грозным соратником Перуна. Об этом могут говорить сербские песни, где Илья-громовник, Огненная Мария (его супруга-громовница — см. ниже) и хозяин ветров Пантелей вместе карают грешников.

Представление о двух богах ветра сохранили и польские историки XV–XVI вв. Длугош и его последователи упоминают Погоду — бога хорошей погоды или благоприятного ветра. В польском и чешском языках слово «погода» означает благоприятное для нив время, а в русских областных говорах — наоборот, ненастье. В то же время Кромер, Бельский, Стрыйковский говорят о боге непогоды и сильного ветра Похвисте; «Синописис» и Густынская летопись называют его Позвиздом (польск. *chwistac*, *gwizdac* — «свистеть»). Позвиздом звался один из сыновей Владимира Святого, а в уже упомянутой украинской песне русы молятся богу Посвистачу о благоприятном ветре на море, и бог этот «гуляет» с Мокошью. Следовательно, даже бог бурного ветра и ненастья не считался однозначно злым.

Стрибог и Посвистач связаны с морем. В христианские времена покровителем рыбаков и мореходов стал Никола. В былине он помогает Садко обуздать разгулявшегося Морского Царя. Поморы верили, что можно вызвать ветер

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

на море, дразня лысого деда (на иконах св. Николай изображается лысым).

Бог ветров стоит как бы на грани двух общин славянских богов, почти сливаясь то с Перуном, то с его врагами и Чернобогом. Нам неизвестна родословная Стрибога. Быть может, он не был потомком Матери Лады, а существовал извечно, носясь над изначальным морем, как библейский Дух Божий. Грозного и своенравного, его не любили, но почитали, поскольку видели от ветра не одно зло.

Сварог — небесный кузнец

(Кузьма-Демьян, Соломон, Никола, Микула.)

Хитрый древнерусский книжник сохранил для нас (как уже говорилось) в летописной статье 1114 г. языческий мир о богах Свароге и его сыне Дажьдбоге-Солнце. В этом мифе Сварог правит на земле как царь. Или, скорее, вождь-старейшина (давать царям дань стали только при его сыне). Люди тогда не знали ни брака (моногамного), ни металла,

сражались камнями и палицами. Но при Свароге с неба упали клещи, и люди стали ковать оружие. Царь-бог учредил моногамный брак и строго карал за супружескую измену.

Имя Сварога — индоиранское, родственное санскр. *Svar* — «сиять», «небо», *Svarga* — «рай Индры». Славяне заимствовали его у скифов или древних ариев (не разделившихся еще индоиранцев). Сыном Сварога — Сварожичем в антиязыческих поучениях называют также Огонь.

Бог-кузнец, помощник Громовника — общеиндоевропейский персонаж: греческий Гефест (куящий молнии Зевсу), индийские Тваштар (сковавший Индре громовую палицу-ваджру) и Вишвакарман (сделавший небо, как кузнец или плотник), балтский Телявель (выковавший солнце).

У восточных славян этого древнего бога позднее заменил святой Кузьма-Демьян. Святые Косма и Дамиан, лекари и бессребреники, обратились на Руси в одного персонажа. При этом не только первого кузнеца, но и первого пахаря и вообще первого человека. В свадебных песнях и закланиях он также покровитель брака, «сковывающий» свадьбу.

На Украине распространено сказание о борьбе Кузьмы-Демьяна²⁰ со змеем. Святой кузнец ковал первый плуг, когда к кузнице прилетел, гонясь за очередной жертвой, змей-людоед. Иногда жертва эта — богатырь, победивший одного или трех змеев, а преследует его их мать, ведьма-змеица. Глуповатое чудовище пролизло железную дверь кузницы, надеясь, что беглеца ему посадят прямо на язык.

Тут-то Кузьма-Демьян ухватил змея за язык клещами, запряг в плуг и пропахал огромную борозду. Ее отождествляют то с Днепром, то со Змиевыми валами²¹, защищавшими земледельческую лесостепь от кочевников. Добравшись до моря или Днепра, измученный змей пил воду, пока не лопнул.

В болгарской песне выступает Дривин — «юнак над юнаками» (т. е. главный из богатырей), сошедший с неба и научивший людей пахать плугом. На золотом наконечнике пояса, найденном в великоморавском городище Миккульчице (VIII — IX вв.), изображен бог с кузнечным молотом и рогом в руках. Очевидно, это Сварог.

Сварог (Кузьма-Демьян) — не только культурный герой, но и космическое божество: отец Солнца и Огня, бог неба и годового круга. В «Матер верборум» *svor* — «зодиак». В кузницу Кузьмы-Демьяна 12 дверей, 12 молотобойцев, раскинулась она на 12 верст и т. д. (по числу месяцев).

Этот грандиозный образ всемогущего кузнеца и пахаря, поборника патриархального брака возник в энеолите и бронзовом веке. Клещи Сварога — главное орудие в металлургии меди и бронзы. Именно бронзолитейщики снабжали металлическим оружием индоевропейских и индоиранских воителей. Тогда же плуг, запряженный быками, которым пахал мужчина, вытеснил женское мотыжное земледелие.

Но общеиндоевропейский бог-кузнец, видимо, не был к тому же первочеловеком, первоцарем и первым пахарем. Это уже — черты иранской мифологии. В легендарной истории Ирана Хушенг (авест. Хаошьянгза) — первоче-

ловек, первый царь, изобретатель земледелия, скотоводства и кузнечного дела, принесший огонь людям, борец с дэвами и драконами, отец солнечного царя Джамшида (Йимы).

У таджиков борозду через весь мир проводит Бобо-Дехкон («дед-земледелец») — первочеловек, первый пахарь, воплощение верховного бога Мухаммада-Али. Осетинский Курдалагон — небесный кузнец и создатель плуга.

Но наиболее интересные параллели мифу о Свароге и Дажьбоге имеются у скифов. Миф об их происхождении любознательные греки и римляне неоднократно записывали (в том числе Геродот — дважды), охотно отождествляя скифских богов и героев с античными. На основании пяти таких записей («скифской»²² и «эллинской» версий Геродота, Валерия Флакка, Диодора Сицилийского и греческой надписи из Италии) скифолог Д. С. Раевский восстановил скифский миф в следующем виде.

От брака бога неба Зевса-Папая и змеедевы Апи родился первочеловек (Таргитай в «скифской» версии, Геракл — в «эллинской» и в надписи, Скиф — у Диодора). Он победил чудовище (трехглавого Гериона, Аракса) и вступил в брак с собственной матерью. У них родились три (или два) сына. Младший из них (сколотский Колаксай, Колак у Флакка, Скиф — в «эллинской» версии и надписи) победил братьев в состязании, получил от отца священные предметы и стал родоначальником и первым царем скифов, но погиб от руки братьев.

И в «скифской», и в «эллинской» версиях первочеловек испытывает своих троих сыновей. Однако сколотский Таргитай — автохтон, «Геракл» же второй версии — бродящий лучник и угонщик скота, случайно попавший в пещеру змееной богини. Дары — пояс, лук и чашу, он сам оставляет сыновьям (Агафирсу, Гелону и Скифу) и уходит дальше. Выросшие дети должны суметь натянуть лук отца и опоясаться его поясом с привешенной чашей. Это удастся только Скифу.

Сыновья же Таргитая Липоксай («Гора-царь»), Арпоксай («Глубь-царь») и Колаксай («Солнце-царь») должны завладеть упавшими с неба золотыми дарами — плугом с ярмом, секирой и чашей. Но золото это — огненное, солнечное. Недостойный царствовать не может его даже коснуться: оно тут же вспыхивает огнем. Лишь Колаксай берет дары беспрепятственно.

Некоторые детали сколотского мифа (падение чудесных даров с неба, золотой плуг²³) напоминают мифы о Свароге и Кузьме-Демьяне. Поэтому Б. А. Рыбаков считает сколотов праславянами, а Таргитая и Колаксай — Сварогом и Дажьбогом. «Эллинская» же версия принадлежит собственн скифам — кочевым степнякам. За скифской маской, таким образом, прячутся славяне, а за эллинской — скифы. «Замаскировал» их, однако, не Отец истории, а его информаторы — соответственно, скифы и греки. Создатели и пересказчики мифов легко отождествляют своих богов

и героев с чужими. (Даже христиане придавали Христу черты Митры, Гермеса или Гора, Богоматери-Изиды и т. п.).

Но славянство носителей мифа вовсе не исключает его иранских корней. Не случайно все имена в «скифской» версии (включая само слово «сколоты») — иранские. Восточные, лесостепные праславяне были органической частью Скифской державы в качестве племени скифов-пахарей. Особенно сильно иранизирована была их знать — гордые воины-всадники, вооруженные по-скифски и разукрашавшие свое оружие и сбрую изображениями в скифском «зверином стиле». Вероятно, скифы-пахари были двуязычным, полуиранским народом. Скорее всего, тогда славяне и усвоили отмеченные выше иранские религиозные верования и термины. Перенимали при этом зачастую как раз то, что иранцы-кочевники (скифы царские) высокомерно отвергали. Например, элементы учения Заратуштры.

Образ первочеловека-царя, пахаря и небесного кузнеца, как уже сказано, общеиранский. Иранское и представление об Огне и Солнце как сыновьях неба (Сварожичах). В Авесте Митра (бог солнца) и Атар (огонь) — дети Ахурамазды. Совпадает у иранцев и славян и трехчленная родословная: верховный бог неба (Папай, Род-Кирт) — первочеловек (Таргитай, Сварог) — солнечный царь (Колаксай, Дажьдбог-Радигост).

Сведения Прокоша-Диамантовского о Живе-кукушке, как уже сказано, скорее относятся к богине Живе. Но дру-

гие его сообщения о боге Живе, а также о богине Ные, весьма напоминают скифо-славянский миф о «Геракле»-Таргитае-Свароге. Идол Живе в Кракове, по Прокошу, был вылит из золотистой бронзы и изображал мужа в львиной шкуре, с дубиной в руке, с быком и поросенком у ног. Нетрудно узнать в нем античную статую Геракла, которая могла попасть по Янтарному пути в Краков (древний Карродун).

Нья у Прокоша — польская королева, которую Геркулес Ливийский, внук Озириса, спас «от ига собственных подданных». У них родились три сына, старший из которых звался Скиф. Этот «Геркулес», вероятно, тождествен Живе, сыну верховного бога Тржи. Озириса же древнерусские книжники сопоставляли с Родом. А борьба «Геркулеса» с «подданными» Ньи напоминает сохранившийся Страбоном боспорский миф о Геракле, перебившем гигантов, которые покушались на честь пещерной богини Афродиты Апатуры. Миф этот в основе, видимо, скифский, а богиня — та же Апи-змее-дева. Ей соответствует подземная Нья (т. е. Лада).

Трехступенчатая родословная: Озирис-Геркулес-Скиф, Папай-Таргитай-Колаксай. В славянской же трехступенчатой генеалогии «Озирис» и «Геркулес» (Тржи и Живе) соответствуют Кирту (Роду) и Сварогу. Тогда «Скиф» — это Дажьдбог-Колаксай.

Считался ли Сварог, подобно Таргитаю, мужем собственной матери-Земли? Видимо, да. В гуцульской легенде

царь Соломон участвует в пахоте золотым плугом и едва не совершает инцест со своей матерью. В белорусской же легенде Кузьму-Демьяна заменяет кузнец Соломон с 12 учениками. Под именем библейского царя-мудреца, вероятно, скрывается Сварог. В таком случае, Лада дважды вступала в кровосмесительный брак — с сыном (Родом) и сыном-внуком (Сварогом). Но, как увидим, породила от них могучих светлых богов и богинь. Древние, изжитые людьми формы брака становились достоянием богов и предков. Инцест же между людьми славяне, подобно эллинам, считали тяжким грехом.

Никола-Угодник, как уже отмечалось, отчасти заменил Велеса и Стрибога. Перенял он, видимо, и некоторые важные черты Сварога. Русские, украинцы, поляки, болгары верили, что после смерти Бога его заменит Никола. Последний, в частности, покровительствует земледелию и свадьбам (подобно Сварогу и Кузьме-Демьяну). А былинный Микула Селянинович пашет золотым плугом и забрасывает его на небо. Недаром род Микулы «Мать Сыра Земля любит». И не могут превзойти могучего пахаря даже самые сильные богатыри-воины.

Для христианского богослова назвать Адама или св. Николая богом, сыном или наследником Бога — ересь и богохульство: человек — раб и тварь Божья, ничтожное и греховное создание. Для язычников же Человек — часть природы, и потому — тоже бог. От Неба и Земли, верхнего и нижнего мира, родился Человек. Ему для труда и подви-

гов предназначен средний, земной, материальный мир («Таргитай» — «владеющий земным, телесным миром»). Мир этот — не зло и не «юдоль страданий», но поле битвы Правды и Кривды. А небесный, духовный мир — для богов; человек может познать его, но не жить в нем, оставаясь живым. Таков сокровенный смысл скифского мифа.

«Геракл» степных скифов — бродячий воин и борец с чудовищами вроде греческого Геракла, сакского Рустама (предания о нем принесены в Иран саками — степными скифами), русского Ильи Муромца. Близок он и к иранскому Траэтаоне-Феридуну, победителю Ажи-дахак и отцу трех сыновей. Рустам также имеет трех сыновей и побеждает дракона. Геракл носит шкуру льва, Рустам — одежду из шкуры барса или тигра. Этот образ богочеловека, великого воина и охотника, вечного бродяги, видимо, сложился еще у охотников мезолита (когда распространилась индивидуальная охота с луком и стрелами). Сварог, Таргитай, Хушенг, Бобо-дехкон, однако, не «бродяги» и вообще в первую очередь культурные герои, а не воины. Кузьма-Демьян даже змея побеждает, ухватив его клещами и запрягши в плуг.

Образ Сварога — настоящий гимн труду человека-мужчины. Он не воин, не колдун, а труженик, могучий и искусный, но мирный. При всех своих небесных и космических чертах он не тождествен Роду. В семье славянских богов Сварог — не старейшина, а кузнец и пахарь. Его не боялись, а уважали.

Перун — грозный князь богов

(Йеша, «Юпитер», «Хаммон», Черноглав, Илья-пророк, Илья Муромец, Михаил, Михайло Потык, Добрыня.)

Со школьной скамьи у нас знают Перуна как верховного бога славян. Да, он был главным богом — для князей и знати Киевской Руси X в. Идол его стоял на холме напротив княжеского дворца, его именем клялись, заключая дого-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

воры с греками. Но в народе выше Перуна ставили Рода — не только крестьяне, но и ученые волхвы в Богите над Збручем. Бог воинов возвышался по мере того, как поднималось над обществом само их сословие.

Имя Перуна восходит к общеевропейскому имени Громовника *Per(kw)unos*. Это имя сохранили также индийский Парджанья, хеттский Пирва (бог-всадник), балтский Перкунас, германская Фьоргин (мать Тора). Ему соответствуют германский Тор-Донар, греческий Зевс, римский Юпитер, кельтский Тараннис, индийский Индра, иранский Веретрагна.

То был бог воинственный, буйный и своенравный. Он мчался на колеснице по небу и оттуда метал стрелы в демонов и чудовищ, бил их палицей или каменным топором-молотом. Главным его врагом был Змей, похищавший скот и мешавший дождю. Птицей громовника был орел, деревом — дуб (в который часто бьет молния из-за его уходящих глубоко в землю корней). Примерным поведением великий воитель не отличался: был склонен к любовным похождениям и хмельному питью. Но именно таковы были почитавшие его военные вожди и их дружинники периода энеолита и бронзового века, погребенные в степных курганах с топорами и кинжалами из камня, меди или бронзы, с кремневыми стрелами в истлевших колчанах.

За власть над обществом древних индоевропейцев боролись сословия жрецов-правителей (шаманов и старейшин)

и воинов. Боролись и их боги. Индра оттеснил древнего Дьяуса, став царем богов. В Греции Громовник вообще слился с богом неба, присвоив его имя (Зевс) и функции. У германцев их обоих отодвинул на второй план бог-шаман, слившийся с богом ветра (Один).

У славян имя Перуна понималось как «бьющий» или «очищающий», «моющий». «Сбей тебя Перун!», «Коб цябе Пярун треснуў!», «Patom te zabiv!» — бранились, соответственно, псковичи, белорусы и словаки. Белорусское «*пярун*», польское *piogun*, словацкое *peron* и поныне означает молнию, гром. Пожар от молнии не гасили, считая его божьей милостью или, наоборот, карой, которую грех отвращать. Грозный бог также мог покарать болезнью, припадком: «Схвати тебя Перуном!» — ругались в Ржевском уезде.

Идол Перуна в Киеве имел серебряную голову и золотые усы. Очевидно, бога представляли седым, но златоусым. Белорусы (по Древлянскому) описывали Перуна несколько иначе: зрелым мужем с черными волосами и золотой бородой, с луком и колчаном. Он летает на огненной колеснице либо на жернове (жернов Индры упоминают Ригведа и Атхарваведа).

Перуна, как уже сказано, изображает бородатый идол с мечом из Иванковцев (IV — VI вв.), а также всадник с мечом на Збручском идоле. С Перуном связывают также фигурку IX в. из Старой Ладogi, вырезанную из красного дерева (тиса): бородатый старик в шлеме, со змеевидным

телом, перехваченным широким поясом, ниже которого идет штриховка (символы тучи и дождя).

Немецкий путешественник XVI в. И. Вундерер видел у Пскова двух каменных идолов: одного с крестом в руке, другого — с мечом и молнией в руках, попирающего змея. Этот второй, очевидно, Перун. (Сам Вундерер окрестил идолов «Усладом» и «Хорсом» — именами, взятыми у Герберштейна²⁴.)

Археологи прозвали «перунчиками» распространенные в Новгородской земле в XII в. амулеты — фигурки бородатого воина в кольчуге и шлеме. Вместе с новгородскими купцами и сборщиками дани «перунчики» попадали далеко на восток, до Перми и острова Вайгач, где их находили в ненецких святилищах.

Перун воинствен. Славяне называли «громовыми», «Перуновыми» древние каменные топоры и стрелы, а также белемниты («чертовы пальцы»). Верили, что это и есть оружие, которое Громовник мечет с небес в нечистую силу. При этом он нещадно разит и крушит все, за чем прячутся бесы — камни, дубы, скот, людей. Человека же, помогающего ему в этой охоте, награждает. Согласно гуцульскому преданию, народный мститель Олекса Довбуш застрелил черта, притавшегося от Бога за скалой, за что Бог сделал ружье Довбуша не знающим промаха. В белорусских поверьях, по Древлянскому, Перуна сопровождает дружина гарцуков — грозových духов. Они летают в виде всадников

или хищных птиц, вызывая ветер и бурю, и носят самого Перуна на жернове. Эти духи подобны индийским марутам.

Еще одно оружие Громовника — палица (у Индры, Геракла, Кересаспы и т. д.). По преданию, низвергнутый при крещении Новгорода идол Перуна бросил свою палицу на мост со словами: «Тешьтеся, люди новгородские, а меня поминайте!». С тех пор в определенные дни горожане устраивали здесь ритуальные побоища, используя палицы с оловянными наконечниками, хранившиеся до XVII в. в церквах. Когда же в городе одновременно собирались два веча, они выясняли отношения между собой всеобщей дракой на мосту.

Громовержец карает, порой жестоко, не только чертей, но и грешных людей. В словацкой песне женщина, работая в поле, подтерла ребенка колосьями. Паром (Перун), не стерпев такого надругательства над хлебом, поразил его громом, и она окаменела вместе с ребенком.

Грозного бога умилюствовали человеческими жертвами. 12 июля, за 8 дней до его праздника, по жребию отбирали для жертвоприношения отрока и девушку. В 983 г. в Киеве такой жребий пал на Иоанна, сына богатого варяга-христианина Федора. Отец отказался выдать сына, еще и принялся поносить языческих богов, тогда толпа расправилась с обоими. По представлению язычников, прогневивший громовержца накликать его месть на всю общину. Еще не так давно на мужика, посмевшего работать в поле

20 июля, набрасывались всем селом, отбирали и пропивали сброю.

Византийский историк Лев Диакон описал страшный обряд, совершенный русами, осажденными в Доростоле на Дунае 20 июля 971 г. Ночью, как только взошла луна, воины Святослава утопили в Дунае петухов и младенцев, а затем стали сжигать своих убитых. Очевидно, Перун был связан, подобно Велесу, также с луной, ночью, смертью.

В XIX в. жители одного русского села в Бессарабии, доведенные до отчаяния засухой, хотели принести человеческую жертву: утопить первого попавшегося прохожего. Для вызова дождя существовали и менее жестокие обряды. В Болгарии еще в XVIII в. водили по селу и обливали водой парня, закутанного в листву, и величали его «краль Перун». Позднее водили и обливали додolu (пеперуду) — наряженную подобным же образом девушку.

20 июля также приносили в жертву и поедали всей общиной быка. По северно-русскому преданию, некогда в этот день жертвой служил олень или одна из двух ланей, добровольно приходивших из лесу. Это предание и обряд явно восходят к глубокой древности, когда мезолитические охотники на оленя почитали двух богинь-олених.

Топонимы, связанные с Перуном, известны по всему славянскому миру. Особенно характерны названия гор (у болгар, словенцев и др.), дубрав (у хорватов), дубов (еще в галицкой грамоте 1302 г.). Ведь молния чаще всего бьет

именно в дубы и вершины гор. На нижней Десне дважды — в 1909 и 1975 гг. — поднимали со дна стволы священных дубов со вбитыми в них челюстями вепрей. В X в. византийский император Константин Багрянородный описал, как русы, пройдя днепровские пороги, приносили петухов в жертву перед вековым дубом на острове Хортица.

В Перыни у истоков Волхова раскопано святилище Перуна IX — X вв. Идол стоял на холме, на площадке, опоясанной круглым рвом с 8 выступами, в которых горели костры. (О неугасимом огне перед идолом Перуна и самоцвете, плававшем, словно молния, в его руке вспоминал Стрыйковский.) Этот ров напоминал цветок с лепестками, вроде цветка *Iris germanica*, который болгары и сербы называют перуникой.

Но подобный круглый ров с восемью углублениями — жертвенными ямами ограждал Збручского идола. Ров в Перыни ориентирован строго по странам света. Следовательно, он символизирует не столько священный цветок, сколько власть Перуна над миром, подобную власти Рода. Слово «Перун» стало синонимом неба. «Колико есть небес? Перун есть мног», — утверждалось в одном древнерусском сочинении XV в. Литовцы также считали, что Перкунасов много — 5, 7 или 9.

Таким образом, младший громовник начал вытеснять старшего в роли владыки вселенной. Возможно, даже существовал миф об их борьбе. Чеченцы верили в бога-гро-

мовника, Пирьона, создателя и повелителя неба и земли, строгого, но справедливого. Он уважал хлеб и стариков, любил детей. Но стал враждовать с Богом и был погублен шайтаном, женщиной или ведьмой. По мнению Л. С. Клейна, Пирьон — это славянский Перун, заимствованный вайнахами у соседей-русов, селившихся на Тереке по крайней мере с XII в.

Полабские древяне называли четверг *perūndan* — днем Перуна. В астрологической системе, идущей из Месопотамии, четверг — день верховного бога-громовника (Мардука, Юпитера, Донара-Тора, Ормазда). Чехи в XIV в. именовали планету Юпитер «Краломоц» («царская мощь»). Древнерусские книжники называли Перуном греческого Зевса. «Матер верборум» также отождествляет Перуна с Юпитером, а Козьма Пращский говорит о почитании чехами как верховного бога «Юпитера» — очевидно, Перуна.

Перун был богом не только войны, но и магии — клятв и прорицаний. Его именем клялись при заключении договоров и предсказывали будущее. В греческих «Чудесах Св. Димитрия Солунского» славянский князь VII в. перед походом на греков обращается к «оракулу Пырину» [Πυρίνος]. Под Ромнами находится городище VIII — IX вв. Монастырище. По преданию, здесь до начала XVIII в. стоял каменный идол Перуна, к которому жившие в лесу колдуны и ведьмы ходили за прорицаниями; 20 июля возле него справлялись игрища.

Перун напоминает не только Индру-громовника, но и Варуну — сурового и мрачного бога воды и магии, покровителя клятв и карателя грешников, связанного с воинским сословием. В качестве царя богов он предшествовал Индре. В древнерусских списках богов Перун соседствует с Даждьбогом-Хорсом, как ведический Варуна — с солнечным Митрой. Жуткая тризна воинов Святослава, совершавшаяся ночью, у воды, при свете луны, напоминает опять-таки Варуну, связанного с ночью, луной, водой. Хотя главным соответствием Варуне у славян был Волос, которым клялись вместе с Перуном.

Согласно легенде об основании Гамбурга, записанной в XIV в., местные славяне-язычники почитали бога Хаммона, или Святобога. На иллюстрации к хронике Бото этот бог, немолодой, бородатый и усатый, в короне, восседает на троне с мечом и скипетром в руках, попирая ногами змея. Спинка трона украшена изображениями молний и туч, на ней сидит орел.

Здесь нетрудно узнать общеиндоевропейского громовника-змееборца. Орел (сокол) — птица Зевса, Юпитера, Индры, Веретрагны²⁵. В русских заговорах орел мечет громовые стрелы и топоры. Меч, как мы увидим далее, был атрибутом славянского громовника, но не греко-римского или германского. Так что эта деталь явно не придумана позднесредневековым художником. «Хаммоном» в античном мире называли египетского Амона-Ра и отождествляли его

с Зевсом. На египетского бога солнца гамбургский бог, впрочем, мало похож. Возможно, древние германцы отождествляли своего Донара с римским Юпитером-Амоном. Затем пришедшие с востока славяне, в свою очередь, увидели в боге эльбских германцев своего Перуна или Святовита (Святобог в легенде упоминается вместе с Вителюбом и Радигостом).

Похоже, германцы-язычники умели ладить со славянами даже в религиозной сфере, покуда «просветители» не объяснили им, что славяне-язычники — низший и богопротивный народ, истреблять и поработать который — дело праведное.

Главный враг индоевропейского Громовника — Змей. В основе этого персонажа — древний хозяин нижнего, подземно-подводного мира, чей образ сложился еще у рыболовов мезолита. Этот зверобог сочетал черты змеи, ящерицы, крокодила, быть может, еще каких-то пресмыкающихся, о самом существовании которых ученые до сих пор спорят. Криптозоологи, например, предполагают, что в болотах Новгородской и Псковской земель обитали или даже обитают существа типа крокодилов или варанов. По крайней мере, псковская летопись под 1582 г. вполне серьезно и буднично сообщает о нашествии «крокодилов».

Бог-ящер был хозяином не только земных вод, но и дождя. Что тучи образуются из влаги, испаряющейся из водоемов, люди поняли давно, а водяной смерч и подавно напоминал им дракона, рвущегося в небо. Дракону-ящеру

придавали крылья птицы или нетопыря — и тем самым превращали его во владыку всех трех миров. Обычной жертвой хозяину водных глубин служила девушка-«невеста».

В Китае и поныне почитают драконов как хозяев рек и дождя. Но у индоевропейцев и семитов вожди и дружинники — приверженцы молодого Громовника — объявили войну древнему богу. За многочисленными мифами и сказаниями о змееборцах стоят вполне реальные набеги воителей на капища Змея. При этом воин мог и убить священное пресмыкающееся и освободить его «невесту». Побеждал он не столько большую старую змею или ящера, сколько тысячелетний страх перед богом-чудовищем. В сознании же пораженных общинников такой налет превращался в грандиозную космическую схватку Громовержца со Змеем Глубин.

Тем удивительнее то, что у славян нередко сам Перун выступал в облике змея-дракона. По Длугошу, верховным богом поляков, подобным Юпитеру, был Йеша. Имя это Б. А. Рыбаков сближает с польск. *jaże* — «змея», рус. «ящер». Русская детская игра сопровождалась песней о ящере, сидящем в ореховом кусте, грызущем золотые орехи и выбирающем себе невесту. Йешу поминали в тропических песнях вместе с Ладой, Лелей и Ныей, явно не считая его злым божеством. Силезский историк Мартин Ганка сообщал о том, что Йеша почитался на горе Соботке как податель плодов. Бог-громовник и здесь потеснил Ладу с ее дочерью.

В поздней новгородской летописи XVII в. сохранилась легенда, отождествляющая Перуна с князем-колдуном Волховом. Он якобы создал «волховной городок» в Перыни, а сам в облике «крокодила» плавал в Волхове и топил всех непокорных. В конце концов бесы удавили его в воде. Когда люди стали хоронить «мерзкое тело крокодилово», оно провалилось в преисподнюю. В XIX в. похожую легенду записал в тех местах П. Якушкин. Согласно ей, «зверь-змеяка Перун» жил в Перыни, а ночами ходил в Ильмень спать с «волховской коровницей».

Легенда о Перуне-змее известна и в Днепровском Надпорожье. Здесь они связаны со скалистым островом Перун (затонувшим после сооружения Днепрогэса). В этот остров будто бы превратился идол Перуна Киевского, брошенный в Днепр при крещении Руси. Или же идол, оборотившись семиглавым змеем, поселился в пещере на острове, похищал девушек, жил с ними, а потом съедал. Некий богатырь убил его и освободил похищенную царевну.

Здесь Громовержец совершенно слился со своим извечным врагом. То же произошло и в былинах «Добрыня и Змей». Ее герой убивает Змея, освобождает Забаву Путятичну, после чего идет дождь. Все, как и положено в мифе о Громовнике-змееборце. Только сам герой — не кто иной, как Добрыня Малкович, дядя и наставник Владимира, сначала насаждавший, а затем искоренявший культ Перуна в Киеве и Новгороде, Забава же, вероятно, дочь боярина

Путяты, вместе с Добрыней крестившего Новгород «огнем и мечом».

Грозного и сурового Громовника в народе боялись, но не любили. Поэтому превращение Перуна в официального главы пантеона популярности ему не прибавило, а падение его кровавого культа многие восприняли с удовлетворением и даже злорадством. Новгородская летопись рассказывает о гончаре из пригородного села, который оттолкнул от берега поверженного идола Перуна со словами: «Ты, Перунище, досыта пил и ел, а ныне плыви прочь».

Однако сила мифологического мышления и языческих традиций таковы, что даже воспеть падение бога народ мог только с помощью мифов... о нем же. Вот и оказался Добрыня в роли Перуна, а Перун — в роли Змея.

Но отождествление Перуна со Змеем-Ящером началось, видимо, задолго до крещения Руси. В мифологии крайности сходятся, космические верх и низ нередко дублируют друг друга. Старого бога побеждают, отождествляя его с молодым. В южнославянских мифах известны драконы двух видов: небесные огненные змеи и водные халы (аждаи, ламии). Первые добры и защищают людей от вторых, насылающих засуху и вихри. Новгородский же Перун-ящер — существо водное, хозяин бурного Ильменя и Волхова. Но в воде он постоянно не живет.

Княжеским богом Перун был не только на Руси. На Руге почитался бог войны Черноглав, изображавший-

ся с серебряными усами. Внешность его напоминает Перуна (киевского и белорусского). Его святилище было уничтожено лишь через три года после падения Арконы, когда крестился князь руян Яромир.

Можно было проклинать низвергнутого бога, издеваться над ним в былинах и легендах, но хозяйство славянина не переставало зависеть от своевременного дождя. Поэтому одни (судя по «перунчикам» и поучениям) поклонялись Перуну тайком. Другие же заменяли его христианскими святыми и ангелами. Громовниками считались Илья, Георгий (Юрий, Егорий), архангелы Михаил и Гавриил.

Пророк Илья уже в Ветхом Завете имеет черты громовника: вызывает дождь во время засухи, низводит с неба огонь на своих врагов, возносится в небеса на огненной колеснице. Его день (20 июля) в точности совпадает у славян с языческим днем громовника. Не удивительно, что славяне перенесли на него многие черты Перуна. В Болгарии многие церкви Ильи стоят в дубравах на горах. Илья разит нечисть с неба громовыми стрелами, не жалея при этом ни человека, ни животного, ни дома, ни даже церкви. В его день резали быка и справляли общественный пир-братчину. В космогонической легенде он, как уже сказано, изгоняет бесов с неба, а затем похищает у Черта солнце (либо гром и молнию), являясь, таким образом, посредником между небом и землей, Богом и Чертом. Илья не только воин, но и кормилец людей: в украинской колядке жито вырастает там, где он махнет железной плетью.

Но при всем этом грозного Илью боялись, считали суровым и немилостивым к людям, в отличие от доброго Николы. От громовника по-прежнему ждали справедливости, строгости, но не доброты.

Русский фольклор приписывает Илье белого коня и огненный меч. Как оружие громовника меч известен лишь славянам, балтам и иранцам. Мечом вооружен авестийский Веретрагна, а скифы и сарматы вообще почитали соответствующего ему бога войны (греки звали его «Ареем скифским») в виде меча, воткнутого сверху в кучу хвороста. Осетины — потомки сарматов — видели в молнии блеск меча героя-громовника Батрадза. Персы верили, что мечом-молнией владел святой халиф Али.

Видимо, мотив грозового меча попал к славянам от иранцев. Ведь именно от киммерийцев и скифов славяне впервые познакомились с мечом (ранее, в энеолите и бронзовом веке, были лишь медные и бронзовые кинжалы). Следует заметить, что меч долгое время был оружием знати. В курганах рядовых скифов обычно находят лишь наконечники стрел.

Радугу индоиранцы считали луком Индры, Али, Рустама. Славяне тоже видели в ней небесный лук («Ах ты радуга-дуга, ты убей мужика!»).

Земным подобием громовника у индоевропейцев был бродячий воин-богатырь: греческий Геракл, иранский Рустам, русский Илья Муромец²⁶. Последнего белорусы

и мордвины отождествляли с Ильей-пророком. Муромский богатырь разбивает стрелами дубы и маковки церквей, сбрасывает с дубов Соловья-Разбойника (злого бога ветра), побеждает Змея (в белорусской сказке). Он напоминает громовника не только своими подвигами, но и склонностью к хмельному питью: сбитые с церкви золотые маковки пропивает, щедро угощая голь кабацкую.

Нрав у Муромца гордый, независимый, порой буйный. Отчасти поэтому он терпит гонения и несправедливости от князя Владимира, как Геракл от Еврисфея, а Рустам — от Кай-Кауса. За этим конфликтом героя и царя, Громовника и Красного Солнышка стоит социальный конфликт, идущий из глубокой древности.

Общество древних индоевропейцев делилось на три сословия: мудрецов (шаманов и старейшин), воинов (вождей и дружинников) и простых общинников-производителей. Покровителем старейшин был бог солнца, а воинов — Громовник (индийские Митра и Индра). Воин защищал племя, но правил-то им старейшина. Нередко между ними вспыхивал раздор, и тогда старейшина обвинял воина в буйстве и непослушании, а тот его — в неблагодарности, несправедливости и трусости. В конечном счете восторжествовали воины: царская власть перешла от жреца-старейшины к военному вождю. Но проблема общественного долга, вынуждающего воина служить бездарной и несправедливой власти, пережила тысячелетия. Достаточно вспомнить отношения Суворова и Павла I.

Михаил, архистратиг небесного воинства, в славянских поверьях, заговорах и легендах дублирует Илью-Перуна: разит громовыми стрелами и пламенным копьем нечисть, громит и гонит с неба бесов, отнимает у Черта похищенное солнце (или огненный меч). В былинах ему соответствует Михайло Потык. О злключениях этого богатыря, едва не погубленного коварной женой-ведьмой, и о весьма сходной истории Добрыни и колдуньи Маринки речь пойдет ниже, в главе о женах Перуна. Здесь отметим лишь, что герой, подобный громовнику, становится здесь жертвой собственных недостатков — женолюбия и пристрастия к хмелю.

Черты громовника имеют и два сербских эпических героя (юнака). Змей Огненный Волк рожден от огненного змея, в «сорочке» или с волчьей шерстью. Он дышит огнем, из глаз мечет молнии. Может, подобно Волху Всеславичу, оборачиваться волком, птицей и т. д. и оборачивать свою дружину. Он и его конь имеют позолоченные крылья, а на груди героя переплетается змея. Вилы усыпляют его вином из золотой чаши и водят вокруг него хоровод. Преданного женой, его убивает турок Джерелез-Алия. Бьется юнак-оборотень ночью, а убивают или усыпляют его днем.

Змей-Деспот-Волк (исторически — Вук Бранкович, участник Косовской битвы) тоже рожден огнедышащим, в волчьей шапке, с орлиным крылом, со «змеиным кругом» на груди. Он побеждает змея, летающего ночами к сербской царице Милице. Джерелез-Алия, усыпив героя вином

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

из золотой чаши, похищает его невесту, но юнак убивает турка стрелой.

Оба эти юнака сочетают черты «грозового» героя и героя «одинического», «велесова», Перуна и Велеса (а также, возможно, Ярилы — волчьего пастыря; см. ниже). Народная фантазия уподобляла популярного воителя богу или даже нескольким богам.

О родословной Перуна прямых данных нет. Индра считался сыном Дьяуса или бога-ремесленника Тваштара. Илья Муромец в былинах — сын пахаря, а в белорусской сказке — кузнеца. Вероятно поэтому, что Перун был, подобно Дажьдбогу, сыном Сварога, кузнеца и земледельца. В святилище IV—VI вв. в Иванковцах стояли три идола: четырехликий, одноликий четырехгранный и одноликий, бородатый, с мечом. Вероятно, они изображают Рода, Сварога и Перуна — три поколения рода богов. И от поколения к поколению облик божества все более очеловечивается.

Перун — типичный воин-варвар со всеми его достоинствами и недостатками. Отважный и гневный, суровый, жестокий и вспыльчивый, любитель женщин и хмельного, он, тем не менее, защищал добро и карал зло. Его боялись и чтили, хотя и не любили. В общине славянских богов он был князем-воеводой и постепенно прибирал к рукам верховную власть.

Даждьбог — Солнце-Царь

(Хорс, Зоревин, Иван Сучич, Иван Быкович, Иван Попялов, Радигост, Ладо, «Марс», Иван (Ян), Иван Царевич, Иван Родинович, Дабог, Флинц, Божич, Коляда, Ютробог).

Из всех стихий славяне больше всего любили солнце. Его называли святым, праведным, светлым, чистым. Избегали указывать на него пальцем, даже поворачиваться к нему спиной. Солнце считали добрым, справедливым, защитником слабых и угнетенных. Им

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

клялись. Это вполне соответствует индоевропейским представлениям о боге солнца. Индоиранский Митра — бог солнца (и, шире, света), покровитель договоров и клятв. Он добр к людям (само его имя означает «друг»), но при этом всегда видит несправедливость и готов ее покарать. Греческий Аполлон — покровитель всего прекрасного, гармоничного, упорядоченного. Сама постоянность ежедневного пути солнца по небу рождала представление о нем как о гаранте справедливости, равенства, социальной гармонии.

Скандинавский Бальдр — самый прекрасный и безгрешный из богов. Погубленный злым Локи, он в грядущем воскреснет и будет царствовать в новом мире, когда старый мир, преисполнившись насилием и пороком, погибнет в мировом пожаре. Об огненной гибели — возрождении мира говорят и индийские мифы. Здесь последнюю битву с силами зла возглавляет красный всадник Калкин — аватара солнечного Вишну. (Вспомним Солнце — красного всадника в русской сказке). Эсхатологический красный всадник есть и в иранской традиции.

Сходство этих мифов с библейской эсхатологией не случайно. Представления о грядущем спасителе, конце света, последней битве, страшном суде, обновлении мира в иудео-христианской традиции сложились под явным влиянием Ирана. В частности, зороастрийцы верили в приход трех спасителей (саошьянтов), сыновей Заратуштры, младший и самый главный из которых — Хварачитра, «Солнце-рожденный».

Индоевропейский бог солнца — не только грядущий обновитель мира, но и правитель блаженной страны, где социального зла уже нет, отсутствуют нужда, угнетение, войны, царит благочестие, мудрость и справедливость. Это — индийские Швета-двина и Меру, греко-скифская Гиперборея, иранская Кангха (Кангдиз), центрально-азиатская Шамбала, Беловодия русских старообрядцев. Страна эта лежит далеко на севере или на востоке (Беловодия), за высокими горами и морем. Именно оттуда выведет на последнюю битву непобедимую рать спаситель мира — Калкин, Хварачитра, Гэсэр, Ригден-джапо (правитель Шамбалы). Русские крестьяне верили, что из Беловодии придет с войском царь Константин (тот самый, от имени которого выступали декабристы) и принесет народу волю.

Вот почему в европейской социальной утопии, от Пифагора до Кампанеллы и Дени Вераса, явно проступают черты солярного мифа: город Солнца, культ Митры и т. д. Пифагора считали воплощением Аполлона Гиперборейского. Не случайно и то, что германцы сближали с Христом Бальдра, а славяне, как увидим — Дажьдбога. Ведь и сама церковь уподобляла Христа Солнцу, величала его «светом миру», приурочила Рождество ко дню рождения Митры.

Однако индоевропейский бог солнца — не кроткий и покорный страдалец за правду, а ее защитник, могучий и смелый воин. Таковы, в особенности, иранский Митра, Вишну в его героических аватарах (Рама, Кришна, Пара-

шурама, Калкин), Аполлон. К тому же Солнце приносит людям не только тепло и свет, но и бедствия — засуху, эпидемии. А по представлениям, сложившимся еще в бронзовом веке, ночью оно пребывает в подземном мире, двигаясь к месту восхода. Поэтому солнечный бог порой становится мрачным, смертоносным, даже жестоким. Но добрые, светлые черты в нем все же преобладают.

На Руси бог солнца носил два имени: Дажьдбог и Хорс. Первое имя — полуиранское и означает: «податель благ», «дающий бог». Второе — иранское (сарматское), родственное авест. [] — «солнце сияющее», «солнце-царь». Именно так — «Солнце-Царь» — назван Дажьдбог в летописной статье 1114 г. То же самое означает скотское «Колаксай». Это имя славяне перевели в скифское время, а слово «Хорс» заимствовали позднее от сарматов (осетины и теперь зовут солнце «хор», «хур»).

Дажьдбог и Хорс все же не вполне тождественны друг другу. У индоевропейцев было два солнечных бога. Один — обожествленное светило: иранский Хвар Хшаста, индийский Сурья, греческий Гелиос (все эти имена родственны славянскому «солнце»). Второй — человекоподобный бог, не привязанный жестко к солнечному диску: Митра, Аполлон, Бальдр. Действительно, Дажьдбог — царь и культурный герой. Хорс же — светило, которому перебегает дорогу князь-волколак. (По древнерусским представлениям, солнечные и лунные затмения вызывают волколаки, пы-

тающиеся пожрать оба светила). Церковные светильники-хоросы на Руси, видимо, ассоциировались с Хорсом: на них изображали солярных животных (грифонов, драконов). Возможно, имени Хорса родственны слова «хоро», «хоровод», означающие круговой танец.

Хорс был богом не только солнца, но и грома. Древнерусский апокриф «Беседа трех святителей называет Перуна и Хорса «ангелами громными». На распространенных в Древней Руси топориках-амулетах изображались и символы молнии (зигзаг), и солярные знаки. Так же украшались и гуцульские топоры. На летописной миниатюре XVI в. солнце изображено испускающим молнии.

В свое время среди «мифологов» боролись «солярные» и «метеорологические» направления, сводившие все мифы к олицетворению солнца или грозы. Славяне-язычники, однако, мыслили иначе. Солнце, скрытое тучами, казалось им источником молний. Главное же — для них все огни (в светилах, молнии, домашнем очаге и т. д.) были проявлением единого вселенского огня, Огня Сварожича.

Имя Дажьбога, помимо Руси, было известно в Польше, судя по средневековым именам Дачбог, Дадзибог. А Хорса — в Болгарии: князь, едва не вернувший болгар в конце IX в. к язычеству, звался Владимир Хросате (что напоминает Владимира Красное Солнышко).

В летописи Дажьбог Сварожич — первый настоящий царь. При нем были введены дань царям и солнечный ка-

лендарь из 12 месяцев вместо лунного. Устой моногамии он охранял не менее рьяно, чем отец: подкараулив одну неверную жену с любовником, велел ее носить всюду в корзине, а прелюбодея обезглавить.

В Череповецком уезде Дажьбога помнили еще в XIX в.: «Поручись (помолись) Дажьбогу, управит понемногу». Топоним Дажьбог известен в Мосальском уезде. А на Украине в 1960–70-х гг. были записаны две песни о Дажьбоге. В одной он встречается с «князем» (женихом) у трех дорог. В другой — посылает из Ирия весной соловья за пирать зиму и отпирать лето. Солнечный бог, таким образом — покровитель брака (как и в летописи), бог весны и хозяин рая.

В «Слове о полку Игореве» о временах усобиц сказано: «погибала жизнь Дажьбожьего внука». О поражении же Игоря: «Встала Обида в силах Дажьбожьего внука». В 1307 г. некий книжник, автор приписки к псковскому «Апостолу», передал первое из указанных мест поэмы так: «погибала жизнь наша». То есть, Дажьбог считался предком (дедом) всего русского народа. Это сближает его с Колаксасом — первым царем скотов и предком их главного, царского племени — паралатов. Обитало это племя на берегах Рыси и Тясмина — там, где позднее, в I–II вв. н. э. сарматское племя росов осело и смешалось со славянами, положив тем начало Руси.

Нужно заметить, что в славянском фольклоре Солнце представляется то юношей, то стариком («дедом»). У сер-

бов Солнце — прекрасный юнак на злато-пурпурном престоле. Его окружают две Зари, утренняя и вечерняя, семь судей-звезд, семь вестников-комет, лысый дед-Месяц. Ездит этот царь светил на золотой колеснице, запряженной белыми конями. Украинцы же считали, что солнце — это костер, поддерживаемый Дедом. Болгары именуют Солнце «дедо Райко» или «дедо Еньо» (указывая тем самым на связь его с раем и днем Ивана Купала). В чешской сказке Дел-Всевед златовласый, видимо, воплощает всевидящее Солнце. Все же образ молодого и прекрасного солнечного бога более свойствен индоевропейцам. Именно так представляли Аполлона, Митру, Бальдра. Наоборот, Громовник (Зевс, Перун) обычно предстает зрелым мужем или старцем.

В сербских песнях отец Солнца — Царь Небесный (Род или небесный Сварог), брат — Месяц, сестра — Денница. Нередко упоминается мать Солнца. Но, как уже сказано, генеалогия богов-светил в этих песнях не отличается постоянством. Целая песня посвящена тому, как Царь Небесный женил Солнце и, собрав на свадьбу всех святых богов, раздавал им «дары» — должности: Илье — гром и молнию и т. д.

Вернемся, однако, к Дажьбогу Сварожному и Колаксай, сыну Таргитая. О родстве этих персонажей свидетельствует, по мнению Б. А. Рыбакова, восточнославянская сказка «Три царства». Ее герои — три брата, родившиеся

вечером, в полночь и утром. Самый сильный и храбрый из них — младший, носящий солярное имя (Световик, Зоревик, Иван Зорькин). Ведь родился он вместе с Солнцем — на рассвете.

Колаксай — тоже самый младший из трех братьев. Старшие его братья — Липоксай («Гора-царь»), предок авхатов, и Арпоксай («Глубь-царь»), предок катиаров и траспиев. Четыре племени потомков Таргитая составляли племенный союз скифов-пахарей. При этом авхаты («благие») считались племенем жрецов, паралаты («предназначенные») — воинов и царей, катиары («державшие плуг») и траспии («здравоконные») — пахарей и пастухов. Три брата-первопредка символизировали три мира и три сословия, а устройство общества уподоблялось устройству Вселенной. Три дара, добытые Колаксай, и означают три сословия (чаша — жрецы, секира — воины, плуг с ярмом — производители), Эта система трех сословий была свойственна всем индоиранцам и индоевропейцам.

В сказке младший брат, одолев Мужичка с ноготок или Ягу, спускается в подземный мир (или поднимается на высокую гору), побеждает там трех змеев и освобождает царевен трех царств — медного, серебряного и золотого. Каждая царевна собирает свое царство в яйцо из такого же металла, и старшие братья вытаскивают их наверх, после чего бессовестно покидают младшего брата в преисподней. Тот, однако, выбирается оттуда с помощью огром-

ной птицы. Все кончается женитьбой героя на царевне золотого царства, а его братьев — на двух остальных.

Символику сказки помогает понять индийский обряд ашвамедхи — царского жертвоприношения коня. В этом обряде участвуют три жены царя, принадлежащие к трем сословиям и действующие тремя иглами — золотой, серебряной и медной. У индоевропейцев золото и красный цвет символизировали воинов, серебро и белый цвет — жрецов, медь и черный (синий) цвет — тружеников.

Яйца-царства еще сродни мировому яйцу древнейших мифов. Но символизируют они уже не так Вселенную, как общество и власть над ним. Для обретения этой власти Колоксай завладевает дарами, упавшими с неба. А Зоревик спускается в нижний мир или поднимается в верхний (на высокую гору). В осетинском эпосе солнечный герой Созырко получает на небе от бога-кузнеца Курдалагона (тот же Сварог) плуг и другие дары. Словом, для получения власти нужно приобщиться к космической вертикали: небо-земля-преисподняя.

Власть же эта имеет солярно-огненную природу. У иранцев такое огненное воплощение власти именовалось «фарн». Оно могло проявляться в виде барана, хищной птицы или сияния-нимба. Недостойный может завладеть престолом, но не фарном. В Авесте с немалым юмором описывается, как злой царь Франграсьян (Афрасиаб), сняв штаны и неистово ругаясь, тщетно нырял за фарном в море. Царство-

вание же владыки, лишённого фарна, не будет ни удачным, ни законным. Колаксаевы дары — тот же фарн, и недостойный не может взять его — только руки обожжет. Точно так же братья Зоревики не могут завладеть главным, золотым яйцом-царством.

У скифов фарн воплощался не только в золотых дарах, но и в богине огня Табити, с которой вступал в брак Колоксай-Скиф (Д. С. Раевский проследил этот мотив по изображениям на скифском золоте). Этой богине вполне соответствует золотая царевна в сказке.

Появляется в сказке и Тартигай, даже под своим именем. Это слепой богатырь Тарк Тарахович, живущий во дворце на Сиянской горе. Или же старый богатырь с чертами культурного героя (он одомашнивает дику пшеницу, разводит скот). Этот персонаж враждует с Ягой и помогает герою.

Колаксаевы дары во времена Геродота хранились в земле паралатов. Каждый год, весной, справлялся праздник. Главный его участник (воплощавший Колаксай) проводил ночь с дарами, изображая этим брак Солнце-Царя с Табити. Ему давали столько земли, сколько он мог объехать за день (подражая дневному пути Солнца). До следующего праздника он не доживал: видимо, его приносили в жертву. Потому что солнечный бог, обретя дары и супругу в день весеннего равноденствия, полгода спустя, в день равноденствия осеннего, погибал от рук завистливых старших братьев. Гибель Колаксай-Скифа описана в «Аргонавтике»

Валерия Флакка и изображена на знаменитом гребне из кургана Солоха.

К сказке «Три царства» близка сказка «Бой на новом мосту». В ней царица, кухарка и собака (корова, лошадь) отвеживают чудесную золотую рыбу, и от этого рождаются три богатыря: Иван Царевич, Иван Кухарчик и Иван Сучич (Быкович, Кобылий Сын). Иногда последний носит имя, связанное с золой и огнем очага: Иван Попялов, Искорка, Запечный искр и др. На Калиновом мосту Сучич побеждает одного за другим трех змеев, пока его братья трусливо отсиживаются. Затем — поход в страну змеев, борьба с их матерью — Ягой-Змеихой, ее дочерьми и отцом змеев — стариком с огромными, как у Вия, веками.

Три брата, вероятно, и здесь символизируют три состояния: воинов (Сучич), жрецов-правителей (Царевич) и простых общинников (Кухарчик). Главным снова оказывается брат-воин. Связь его с собакой или золой — скифская черта. Лесостепные скифы-пахари ссыпали золу очагов в большие кучи — зольники, считавшиеся священными. В основании зольника у с. Пожарная Балка на Полтавщине найден жертвенный комплекс: очаг, скелет собаки и череп лошади; рядом в земле были вырезаны фигуры лебедей — птиц Солнца. Собак в зольниках хоронили и поздние (крымские) скифы.

По Геродоту, Кира воспитали пастух Митридат («данный Митрой») и его жена Спако («собака»). Царь здесь

уподобляется Митре, воспитанному пастухами. В индийском мифе братья Эката, Двита и Трита («первый», «второй» и «третий») рождаются от жертвенной золы. Трита связан с солнцем и огнем. Очевидно, миф о рождении солнечного бога от золы или собаки славяне переняли у иранцев в скифскую эпоху.

Северо-западные славяне (лютичи и бодричи) почитали Дажьдбога под именем Радигоста Сварожича. Его священный город Ретра находился в земле лютичей, на мысу у озера. В храме стояли идола Радигоста и других богов и богинь в доспехах и с оружием. По другим данным, золотой идол Радигоста лежал на пурпурном ложе. При храме был священный конь, служивший (как в Арконе и Щецине) оракулом. Жрецы гадали по тому, как он переступал через копыта. Верили, что в день, когда святыне будет грозить смута, из озера выйдет огромный вебрь с сияющими клыками.

Радигост, несомненно, также был богом солнца. Его золотой идол на пурпурном ложе напоминает, во-первых, злато-пурпурный трон Солнца в сербском фольклоре, во-вторых — описанную Аррианом гробницу Кира, где золотой гроб стоял на ложе, покрытом пурпуром. В таких образах представляли славяне и иранцы заходящее солнце, закату которого уподоблялась смерть Солнце-Царя.

Вебрь — также солярный образ. Славяне и германцы на Рождество (день рождения Солнца) или Новый год закаливали и торжественно ели поросенка. Солнечный Вишну

в облике вепря ныряет на дно моря, чтобы поднять землю, утопленную демонами. В Стынчешти (Румыния) найден скифский золотой налобник от сбруи в виде рыбы с головой вепря. А сияющие клыки, очевидно, символизируют лучи солнца.

Все храмы северо-западных славян были объединены в своего рода языческую церковь во главе с самым авторитетным и богатым храмом. В X — первой половине XI вв. такую роль играла Ретра. В 1065 г. полабские славяне восстали, убили немца-епископа Иоанна, а голову его принесли в жертву Радигосту. Но в следующем году епископ Бурхардт Гальберштадтский взял и разрушил Ретру. Святилище еще просуществовало до 1127 г., но роль его с тех пор перешла к Арконе. Примечательно, однако, что даже в лучшие времена Ретры Радигост не считался верховным богом, отцом богов и т. д. Порядок в общине славянских богов был достаточно консервативен.

Радигост был главным богом племени бодричей. Согласно Бото, здесь его изображали с секирой в руке, черной бычьей головой на груди и птицей на голове. Это описание напоминает герб герцогов Мекленбургских — онемеченных потомков бодричских князей. В нем уже с XIII—XIV вв. присутствовали коронованная бычья голова (черная на золотом поле, с символами Солнца, Луны и звезд) и грифон.

Ни геральдисты, ни хронист, видимо, не фантазировали: все эти элементы действительно связаны с мифами о сол-

нечном боге. Секира, несомненно, соответствует секире Колакская, древнерусским и гуцульским топорикам с солярными знаками. Грифон — солярное животное, спутник Аполлона Гиперборейского (скифского Гойтосира) и Митры. Бык же — главный враг бога Солнца. Митра на римских рельефах убивает быка, и из тела того вырастает пшеница. Черного быка побеждает армянский герой Мгер — воплощение Митры. Солнечное начало побеждает хтоническое, земное (воплощаемое быком), и это обеспечивает урожай. На некоторых римских фресках и рельефах Митра представлен конным охотником.

Мекленбургский герб удивительно напоминает молдавский: на обоих бычья голова окружена символами светил.

По преданию, воевода Драгош, охотясь на тура, нашел прекрасную долину, где жил лишь пасечник-русин Яцко. Драгош привел туда романцев, Яцко — славян. Так было основано Молдавское княжество. Основание царства уподоблялось охоте — подвигу солнечного бога.

Следует заметить, что Митра (и, очевидно, Дажьбог) был богом не только солнца, но и света вообще, всех небесных светил. Отсюда и символы всех светил рядом с головой быка, побежденного богом.

Корона Радигоста еще в XV в. хранилась в церкви в Гадебуше, вставленная в западное окно.

Народ, на земле которого стояла Ретра, носил три гордых имени: лютичи («сыны льва»), вильцы («волки») и ве-

леты («великаны»). Лев был священным животным солнца у многих народов (иранцев, индийцев, греков и др.). Волк — зверь Аполлона и, как увидим, Ярилы. А космический великан Пуруша отождествлялся с Митрой. Вероятно, львы, волки и великаны были посвящены Радигосту.

Судя по топонимам, Радигост был известен также в Чехии, Моравии, Польше и на Руси. Стржедовский говорит о храме Радигоста на горе Радгост в Моравии и его празднике там в день летнего солнцеворота.

Радигост, как свидетельствует его имя, мог, подобно Велесу, покровительствовать купцам («гостям»). Вообще же Радигост выглядит воинственное восточнославянского Дажьбога. То же относится к Святовиту и Роду. Постоянные войны с соседями-германцами, грозившие северозападным славянам истреблением и насильственным крещением-онемечиванием, сделали их светлых богов суровыми воинами.

В хронике Длугота Лада — не богиня, а бог войны, соответствующий Марсу. Вряд ли это ошибка: в другой своей работе («О гербах рыцарства польского») историк упоминает о богине Ладе. Польский гусит приводит слова из языческой троицкой песни: «Alado gardzyna jesse» — «А, Ладо, герой Йеши» (чеш. firdina — герой). То есть Ладо (Лада) действительно был богом-воином, подчиненным Йеше. Польский герб Лада включал в себя охотничий рог, белую подкову с крестом над ней и стрелу. (Из этого

вырисовывается образ бога-всадника, возможно, солярного, охотника и лучника). На шлеме — коронованный лев с мечом.

Лев с мечом в лапе и солнце — эмблема последних иранских шахов из династий Каджаров и Пехлева. У армян бог солнца Арэв скачет верхом на льве, держащем в лапе меч. В русской сказке Иван Царевич сражается верхом на льве с Кощеем. (В основе этой сказки, как мы увидим — миф о борьбе Дажьбога с Чарнобогом).

Ладо, таким образом, солнечный бог-воитель. Т. е. тот же Дажьбог-Радигост. А лев с мечом в его образе — иранский элемент.

На Украине в 1920-х гг. записана купальская песня, где упоминаются Ладо, Купало и Перун.

Гей , око Ладове,
Ніч пропадає,
Бо око Лада
З води виходить
Ладове свято
Нам приносить
А ти, Перуне,
Отче над Ладом,
Дай дочекатися,
Лада-Купала.

Ладо-Купало здесь явно божество солнца (мужского или среднего рода), а его око — солнечный диск. Речь идет

о купальской ночи. Участники празднества ждут на берегу реки солнечного восхода, опасаясь лишь грозы, частой в эту пору «воробьиных ночей», наполненных раскатами грома и вспышками молний. Примечательно, что Перун здесь назван отцом не Ладо, а «над Ладом». В Древней Руси старший в роду князь был младшим «в отца место». Можно поэтому предположить, что Перун (изображаемый старцем или зрелым мужем) был старшим среди братьев Сварожичей и предводителем их на войне.

В хорватской песне, записанной еще в XVIII в., Ладо выглядит скорее мирным и добрым богом (быть может — любви и брака):

Красивый Иво
Рвет розы
Тебе, Ладо, святой боже.
Песни наши поем тебе,
Сердца наши склоняем к тебе.
Ладо, слушай нас, Ладо!

У «Прокоша» Ладон (т. е. Ладо) — бог брака и учредитель брачных обычаев. Это вполне согласуется как с мифом о Дажьбоге — охранителе моногамного брака, так и с ролью богини Лады в свадебных песнях.

Бога Ладо славили в Купальскую ночь не только славяне, но и балты. По данным Стрыйковского, литовцы с 25 мая по 25 июня исполняли песни с припевом «Lado, Lado, didis musu dewie» («Ладо, Ладо, великий наш боже»).

Отсюда, очевидно, и восточнославянские припевы «Дид-Ладо», «Диди-Ладо» (иногда «Дид со Ладой»). Балтское *didis* как бы накладывалось на славянское «дід», «дед» (о Солнце как «деде» уже сказано).

«Поучение в понедельник св. Духа» (XVII в.) осуждает почитающих бога «орудий всякого дела речного» Лада и бога «плодов земных» Дида и прыгающих в их честь через костер. Вероятно, его автор слышал купальские песни, не дошедшие до нас, в которых у Ладо (Дида-Ладо) просили урожая и удачи в рыбной ловле. В этом же поучении говорится о боге скота и животных Коляде и водном боге Лаго. Можно лишь пожалеть, что любознательный проповедник, искавший следы культа славянских богов, не записывал песен, из которых делал свои выводы.

Кузьма Пражский упоминает «Марса» — чешского бога войны и его сестру «Беллону». Вероятно, этот «Марс» — тот же Дажьбог-Ладо-Радигост, а «Беллона», как увидим ниже — его сестра-воительница Морана.

В купальских обрядах и песнях часто выступает персонаж Иван (Ян, Ясь). Своим именем он обязан Иоанну Крестителю, с рождением которого совпал древний праздник. У сербов Йован — покровитель кумовства, побратимства, клятв. (Это вполне соответствует индоевропейскому и славянскому представлению о боге солнца — защитнике справедливости). Не зря Йована называют «золотым». Он же ведает «Йовановой стругой» — вратами

рая и ада. Древнерусский проповедник обличал празднующих Купалу и тут же величал Иоанна Крестителя «пре-светлым солнцем».

Украинцы в Купальскую ночь топили чучело Ивана, словенцы носили и сжигали чучело Яна. Поляки называли Яна «белым», «зеленым», что может указывать на его связь со светом и растительностью. У лужичан Яна изображает всадник в берестяной маске, разукрашенный цветами, которые с него срывают девушки. В белорусских песнях Ян отождествляется с Купальцем — предводителем парней в купальских обрядах (вот откуда «Лад-Купало»). В этих же песнях он, как и Илья, стережет посевы от ведьм.

При этом купальский Ян совершенно не похож на евангельского Иоанна Предтечу — сурового аскета, обличителя распутного царя Ирода и его коварной жены. Наоборот, он весьма женолюбив («Кто у нас на девки лас? Да у нас Яночка на девки лас!»). Иван-Ян едет конями или лодкой то «за горочку по водочку», то «за речечку по девочку». Если он рискует жизнью или гибнет — то из-за любимой девушки. В довершение всего он совершает инцест со своей сестрой Марьей.

Ян, таким образом, молодой бог-воин и всадник, враг нечисти, связанный со светом и растительностью. Он, подобно Ладе-Купале, тонет, т. е. уходит в нижний мир, обеспечивая в земном мире урожай. Сама его смерть несет торжество силам жизни и плодородия. По всей видимости,

он тождественен Дажьбогу-Ладо, т. е. Солнцу. Кони и лодка — обычные средства передвижения Солнца в мифе. Славяне скатывали на Купалу с горы пылающее колесо, и в то же время верили, что в этот день Солнце пляшет, скачет или играет. Самая короткая ночь года, после которой день убывает, в мифе оборачивается для Солнца гибелью — и торжеством.

В эту ночь Дажьбог, суровый поборник святости брака, превращается в легкомысленного женолюба и охотника за невестой, покровителя любовного разгула. Ведь этот разгул нес поражение силам тьмы, бесплодия, смерти, с которыми боролся светлый бог-воин.

О браке Дажьбога (Ивана) с Мораной (Марьей), их уходе в подземный мир и возвращении весной будет сказано в главе о Моране. Там же речь пойдет об Иване Царевиче и Иване Годиновиче — сказочной и былинной «масках» Дажьбога, столь же многоликого и многоименного, как его мать Лада.

Пребывая в нижнем мире ночью, осенью и зимой, Дажьбог приобретал мрачные, смертоносные черты. Такими же были некоторые его ипостаси.

В сербской легенде Дабог — владыка земного мира, столь же могучий, как Бог — в мире небесном, пожирал души всех умерших, пока у Бога не родился сын. Он победил Дабога, вставил ему в пасть копье, как распорку, и проглоченные души вышли оттуда. В другой, сербской же,

легенде архангел Гавриил похищает солнце у Хромого Дабо — царя чертей. В горе Дайбог, как верили сербы, обитает Серебряный царь — дух рудников. О связи серебра с миром смерти говорилось.

Даждьбог здесь как бы раздваивается на доброго Сына Божьего (Гавриила) и злого Дабога (Дабо), больше похожего на Чернобога. Здесь, конечно, повлияло и христианство, объявившее языческих богов бесами, и богомилство (манихейство), считавшее земной мир владением Сатаны. Но само это раздвоение могло начаться еще в языческие времена.

Нечто подобное произошло у индоиранцев с образом Ямы (Йимы, Джамшида) — солярного первочеловека, первоцаря, культурного героя и в то же время первого умершего. Ему соответствует скифский Колаксай. В Индии Яма превратился в повелителя загробного мира, едущего на черном быке и петлей вытаскивающего душу из тела. А в Иране сложился миф о грехопадении Йимы. Его царство было «золотым веком», свободным от нужды, зла, насилия, пока солнечный царь не возгордился: объявил себя богом, научил людей убивать скот и приносить кровавые жертвы. Тогда он лишился фарна и был свергнут и убит царем-драконом Ажи-дахакой.

Лужичане почитали бога смерти, известного под немецким именем Флинц («кремень»). Бото описывает его как живого мертвеца в плаще, стоящего на глыбе кремня. В ру-

ке его — факел, на плече — лев, своим ревом воскрешающий покойников. По более поздним источникам, он был так же богом лесов и обитал под большой липой. Есть легенда о его золотом идоле (или золотом быке), сброшенном в Шпрее. В пещере под разрушенным капищем, у села Эна под Бауценом, вход в которую затоплен, будто бы и поныне лежит этот идол среди множества сокровищ. Флинц, при всей его мрачности, бог не только смерти, но и воскресения, бессмертия (подобно Яме). Лев — солнечный зверь, а факел — знак огненного начала. Видимо, перед нами — Даждьбог в его смертельной ипостаси.

Вторник и планета Марс в Месопотамии посвящены богу смерти и войны Нергалу, у других народов — богам войны (римский Марс, гермасский Тюр, иранский Бахрам-Веретрагна). Чехи называли эту планету Смертонош. Возможно, это еще одна мрачная ипостась Даждьбога-Ладо, отождествлявшегося с Марсом.

Чешский хронист XIV в. Неплаха впервые упомянул бога Зелу (Zelu, в немецком переводе хроники — Zely). Это имя пытались объяснить из чеш. zele — «зелень», zelw — «черепашка», zly — «злой, черт», zeleti — «оплакивать». Зелоном или Добропаном чехи называли планету Меркурий. (Вспомним: в «Матер верборум» с Меркурием отождествляется Радигост). Гаек рассказывает, что княгиня Либуша велела отлить из золота идола Зелу в виде человека, восседающего на троне, и установить его во двор-

це. В жертву ему приносили человеческие волосы и ногти. Именно ему Либуша принесла жертву перед смертью. Позже ее мужу Пржемыслу Зелу и богиня Дирцея помогли победить предводительницу амазонок Власту. Произошло это весной, 14 мая.

К Зелу, видимо, относится и рассказ Гаека о князе Неклане, умершем от страха, когда стоявший в дворцовом святилище золотой идол вдруг сверкнул на него глазами и оскалил зубы.

Этот загадочный бог, скорее всего, связан с солнцем и растительностью («зелье», «зелень») и тождественен Радигосту-Дажьбогу. Но он также связан и со смертью. Его культ напоминает суеверный русский обычай собирать и хранить (хотя бы символически) срезанные волосы и ногти: на том свете придется-де давать отчет за каждый волос; а добираться туда надо будет, карабкаясь по стеклянной горе — тут ногти и пригодятся. (Литовцы с той же целью клали в могилу медвежьи и рысьи когти). Божество вроде бы доброе (Добропан), и в то же время мрачное, пугающее, смертоносное. Но разве не в земле лежали умершие предки, которых живые молили об урожае? Естественно, что бог солнца, нисходя под землю, становился богом смерти, но оставался богом плодородия.

И все же среди ликов солнечного бога преобладали светлые, добрые. В день зимнего солнцеворота язычники праздновали рождения Непобедимого Солнца — Митры.

Христиане превратили его в Рождество своего бога. Южные славяне называют этот праздник «Божич» и славят в песнях «старого Бадняка» и «молодого Божича». Это не просто воплощения старого и нового года. Бадняк — обрубок дерева, который жгут, осыпают зерном, поливают водой и бьют палкой, веря: чем больше искр, тем больше урожай и приплод. О Божиче поют, что он ездит на коне, золотит ворота, открывает пир. Или же представляют его добрым белобородым стариком в кожухе, верхом на кривом (или хромом) осле.

Очевидно, Бадняк — это Сварог, огненный бог и покровитель земледелия. А Божич — его сын Дажьбог, солнечный всадник, иногда представляемый «Дедом». В одной сербской песне Божич прямо назван Сварожичем. А хромой осел заставляет вспомнить и хромого Дабо, и Христа, едущего на осле. Так переплетались светлая и темная ипостаси солнечного бога.

В болгарской песне Богоматерь рождает златорогого оленя. Здесь отразились древнейшие, идущие от мезолитических охотников на оленя, мифы о Великой Богине-оленихе, рождающей оленей, и о солнце — крылатом олене с золотыми рогами. Мифы эти сохранились у саамов и других народов севера, а также в скифо-сибирских украшениях «звериного стиля».

Другое название Рождества у славян — Коляда (от лат. *calendae* — начало месяца, этот праздник почти сливается

с Новым годом). Южные славяне (кроме словенцев и болгар) носили в этот день изображение звезды и чучело Коляда. Поляки называли Дзядом или Колендой рождественский сноп. Автор «Поучения в понедельник св. Духа» считает Коляду богом скота и животных (не путает ли он его с Велесом?). А белорусы в конце святок, 6 января, рисовали на дверях Коляду — всадника на белом коне. Очевидно, Коляда, подобно Божичу, солнечный всадник, дарующий плодородие и изобилие земледельцам и скотоводам, и предок — «Дед». Вспомним: русичи — Дажьдбожьи внуки. Да и само слово «Русь» происходит от сарматского «рокс» (осетинское «рухс») — «светлый», «сияющий». Русы — народ Солнца!

Восточные славяне на святки носили плуг, кликали Коляду и «Плугу» (еще в XVII в.), и пели колядки о том, как Бог и святые пахали плугом, запряженным зверями и птицами. В польской же колядке Христос, Ян и Степан (св. Стефан — 27 декабря) пахут золотым плугом. Видимо, здесь сразу в трех обличьях предстает Колаксай-Дажьдбог, овладевший плугом из небесного золота. Или же имеются в виду Зоревик и два его брата.

Болгары в рождественских песнях воспевают юнака Дан-Богдана. У него на груди солнце, на мече — месяц, но коленях — звезды. Его оружие — золотой буздуган (палица) и щит. Он побеждает Старую Юду (вилу, едущую на олене, взнузданном змеями) и трехглавую ламию

(водяного змея). Из тела ламии текут три реки — пшеничная, молочная и винная. Дан-Богдан гонится за златорогим оленем, стовно огненный змей — за ламией. Он воет не только верхом, но и в ладье, преследуя злого змея.

Этот юнак — не только воин, но и священник. На Рождество его ждут, открыв ворота, чтобы он крестил, венчал, прощал. Своим кумам он дарит золотые чаши. Он — предводитель колядников. Но он же и бог смерти: забирает души людей (даже своих родственников), чтобы строить рай.

Дан-Богдан, очевидно, тот же Дажьдбог. Многое сближает его с иранским Митрой. На римских рельефах Митру окружают символы солнца, луны и созвездий. Т. е. Он бог не только солнца, но и всех светил, света вообще. Оружие Митры в Авесте — вазра, т. е. ваджра, грозовая палица Индры. На фресках и рельефах Митра верхом охотится на оленей и других зверей. Небесная охота Громовника на солнечного оленя — миф, распространенный по всей северной Евразии (у саамов, эвенков и др.). Но только у иранцев и славян небесным охотником оказывается бог солнца (не чуждый, впрочем, и черт громовника).

Немецкие и лужицкие историки XVI — XVIII вв. (П. Альбин, И. Кнаут, Ганнеман, Экхардт) выводили название города Ютербок (Ютербог) от имени славянского бога утренней зари Ютробога (по-лужицки [] — «заря», jutry — «Пасха»). Экхардт описал его идола — с лучами вокруг головы и огненным кругом на груди. А Ганнеман —

храм: четырехугольный, с дверью в западной стене и за-
решеченным окном — в восточной. Лучи восходящего
солнца, таким образом, озаряли все святилище. По преда-
нию, на месте храма был поставлен крест, но его разрушил
неведомо откуда взявшийся белый бык, а потом ночами
там раздавался шум и появлялась белая собака. Рядом с хра-
мом находилось круглое возвышение с липовым крестом
на нем. Здесь славяне плясали языческие танцы. (Вспом-
ним Ивана Быковича-Сучича и священную липу Флинца).
Ютробог, надо полагать, тот же Дажьдбог-Зоревик, рож-
дающийся на заре.

На золотых диадемах из Преслава в Болгарии (X в.)
и Сахновки на Роси (XII в.), а также на рельефе Дмит-
риевского собора во Владимире (XII в.) изображен Алек-
сандр Македонский, летящий в корзине (или на колеснице),
несомой двумя грифонами. Эта сцена лишь формально ил-
люстрирует легенду о полете Александра на небо из «Алек-
сандрии» — романа, созданного в начале н. э. и весьма
популярного в Византии и среди православных славян.
Но в православной традиции этот полет — символ гре-
ховного стремления сравняться с Богом. А на диадемах и ре-
льефе он занимает центральное место, бросая вызов всем
христианским понятиям о смирении.

В романе Александр летит на больших птицах. Грифоны
заменяли их здесь (в византийской литературе и искусстве)
с X в. Но в изображениях на диадемах есть и славянские

языческие элементы. На болгарской диадеме царя окру-
жают симарглы (крылатые псы), грифоны и крылатый барс.
На древнерусской — в его руках жезлы с растительными
символами, напоминающие тояги — жезлы болгарских ру-
сальцев, в наверхиях которых скрылись чародейные травы.

На колеснице, запряженной грифонами, изображались
греческий Аполлон Гиперборейский (скифский Гойтосир)
и иранский Митра. В восточнославянских сказках герой
(Зоревик, Иван Царевич, Иван Купеческий сын) летит
в «тридесятое царство» (т. е. в иной, потусторонний мир)
либо из подземного мира в земной на огромной птице,
иногда именуемой Могуль или Гриб, что напоминает древ-
нерусские названия грифона — «ног», «ногуй», «грипп».
Видимо, за молодым эллинским царем-полубогом у славян
скрывается языческий Дажьдбог.

Солнце-Царь Дажьдбог — один из самых светлых об-
разов славянского Олимпа. Он справедлив, даже суров,
но не жесток. Добр, но чужд всепрощению и непротивлению.
Это — рыцарь Света и Правды, защищающий их в зем-
ном мире, не дающий ему обратиться в вотчину Чернобога.
Дажьдбог — царь и предок-дед, не богов, а людей. А в об-
щине богов он — самый младший брат, воин под рукой
старшего — Перуна. Братья-боги порой поступают с ним
коварно и несправедливо, но праведный солнечный бог
не посягает на их долю в мироздании и обществе: каждый
брат получает свою царевну-богиню с царством.

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

Славяне, подобно иранцам, считали царя земным подобием Солнце-Царя небесного, правителя милостью божьей, но не богом. На Руси чтили царя не «доброего» (мягкотелого) и не жестокого, а праведного — законного и справедливого. Когда Лжедмитрий вступал в Москву, народ величал его «солнышком праведным». Но вскоре, увидев подлинное лицо авантюриста, сверг и убил его, а труп уничтожил огнем. Столь же бесславный конец ждал не одного самодержца, ставшего в глазах народа царем неправедным. Такое отношение к главе государства в нашей стране пережило и саму монархию.

Огонь Сварожич

Славяне глубоко уважали и ценили огонь, особенно огонь домашнего очага. Грехом считалось плевать в огонь, даже ругаться при нем. Огонь использовали при всевозможных обрядах, особенной же святостью и магической силой наделяли «живой огонь», добытый древнейшим способом — трением.

Огонь все очищал и освящал, соединял земной мир с небесным.

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

Покойника сжигали, веря, что его душа тут же вознесется на небо, так же, как жертва, сожженная в огне святилища. Огнем обезвреживали вредоносных мертвецов («заложных», «упырей») там, где преобладало трупоположение. В огонь же бросали живых или мертвых колдунов и ведьм. Церковь лишь переняла этот обычай у язычников.

При этом Огонь (Царь-Огонь русских заговоров) был не просто почитаемой стихией, а богом, сыном Сварога. Согласно антиязыческим поучениям, Огню Сварожичу молились под овином, в обширном помещении, где разводился огонь для просушки снопов. В болгарских песнях упоминается Огнян — брат Солнца (т. е. Дажьбога Сварожича). Представление об огне как сыне Сварога-Неба славяне переняли у индоиранцев. В Авесте Огонь-Атар всегда именуется сыном Ахурамазды. В Ригведе же Агни — сын Неба.

У белорусов, по данным Древлянского, почитался бог огня Жыж. Он ходит под землей и греет ее либо вызывает пожары. В белорусских болотах торфяные пожары — частое и опасное явление. Но был ли это подземный огонь тождествен Огню Сварожичу?

Огонь в славянской мифологии занимает довольно скромное место. Его не представляли в человеческом облике. Не сохранилось и сюжетных мифов о нем. Тем не менее он был одной из самых почитаемых стихий.

Ярила — веселое солнце

(Коструб, Джурило, Яровит, Юлий, Припегала, Герман, Калоян, Тур, Георгий, Юрий, Егорий, Жубрило, Еруслан).

Одни из древнейших земледельцев планеты — носители культуры Чатал-Гююк в Малой Азии — изображали Великую Богиню с человеческим ребенком или детенышем леопарда на коленях. Впоследствии леопард был священным зверем Диониса. Этот

ребенок-звереныш — спутник Матери Мира, ее сын, супруг или возлюбленный (иногда одновременно). Дионис и Семела у греков и фракийцев, малоазийские Аттис и Кибела, египетские Озирис и Изида, месопотамские Думузи-Таммуз и Инанна-Иштар, финикийские Адонис и Астарта-Афродита — эта многоликая пара повсюду одаряла земледельцев урожаем, проходя для этого через трагедию любви и смерти.

Юный, прекрасный, полный сил бог погибал, нисходил в подземный мир, а богиня (порой приведшая его к гибели) оплакивала возлюбленного, собирала его останки или спускалась за ним в царство мертвых. И он воскресал, и вместе с ним оживала растительность, расцветали сады, засуха сменялась порой урожая. Обычно он выступал беззащитной и безвинной жертвой темных сил (отсюда и вырос библейский образ Спасителя). Иногда же — воином-колдуном, победителем чудовищ, насылающим на врагов хмельное безумие. Бог преимущественно земледельческий, он порой предстает то охотником, то зверем-оборотнем, то источником шаманского экстаза.

Жизненная сила бьет у юного бога плодородия через край. Он крайне любвеобилен. Веселье, хмельной разгул, оргия, неистовые пляски — его стихия. Обряды его зачастую непристойны и кровавы. Но это не «забавы» извращенцев-маньяков, а магия плодородия! Силой крови и любви, «смертию смерть поправ», бог оживал сам и оживлял при-

роду, обеспечивал урожай. А значит, спасал людей от бедствия — голода.

В Италии этому богу соответствовал Марс — бог не только войны, но и плодородия. В Скандинавии — бог солнца и плодородия Фрейр. В иранском мире — герой-мученик Сиявдш. В Индии многие его черты перенял Шива, в котором греки узнавали своего неистового Диониса. Они же называли «Дионисом Гелонским» бога, почитавшегося на Ворскле ираноязычными гелонами — ближайшими соседями праславян (скифов-пахарей).

Веселый бог, казалось бы, во всем противостоит богу солнца. Один сеет разгул и хаос, другой — утверждает порядок, гармонию, справедливость. Но оба они — боги света и жизни, противостоящие тьме, разрушению и смерти. Недаром греки считали Аполлона небесным Солнцем, а Диониса — подземным.

У славян веселый бог звался Ярила. Имя это, известное русским, белорусам и сербам, в письменных источниках появляется поздно — в 1765 г. (Житие Тихона Задонского), это, конечно, не значит, что самого культа до XVIII в. не было: соответствующий Яриле западнославянский Яровит известен в источниках XII в. Просто церковь воевала в первую очередь с бывшими государственными культами (Перуна, Дажьбога и т. д.). Культ же Ярилы был преимущественно простонародным. Корень «яр-» у славян означает весну, хлеб, молодых животных, страсть, половую силу, гнев.

В середине весны, когда земля и деревья одевались в зеленый наряд, славяне праздновали встречу Ярилы. А в конце весны и начале лета — его проводы-похороны. Первый обряд сохранился у белорусов во времена Древлянского и справлялся 27 июня. Второй же отмечался в Средней России (от Твери и Костромы до Воронежа и Тамбова) с большим разбросом во времени: от Троицы до первого воскресенья или понедельника после Петрова дня (29 июня). Древний праздник старались отметить до Петровского поста или после него. Местами день Ярилы слился с Купалой, или же отмечали «молодого» и «старого» Ярилу (16 и 22 июня). Напомним, что тогда же, в начале лета, справлялись проводы Весны-Лады-Костромы. Обряды же, связанные с чествованием березы, совершались в Семик — четверг седьмой недели после Пасхи (за три дня до Троицы).

Б. А. Рыбакову удалось, однако, установить языческий срок дня Ярилы (семика). В расшифрованном ученым календаре IV в. на кувшине из Ромашек знаком молодого деревца отмечен день 4 июня. Именно в этот день, по свидетельству А. М. Горького, в Нижнем Новгороде проводжали Ярилу, скатывая с горы огненное колесо. В тот же день справляли праздник Яровита поморяне. Тогда же, вероятно, провожали и Ладу.

Белорусы, по Древлянскому, представляли Ярилу прекрасным молодым всадником на белом коне, в белом плаще,

с венком на голове. В левой руке его — снопик ржи, в правой — человеческая голова. (Очевидно, ему, как и Ради-госту, приносились человеческие жертвы). 27 июня в поле встречали девушку-всадницу, наряженную Ярилой, и пели песню:

Волочился Ярила
Да по всему свету,
Полю жито родил,
Людям детей плодил.
А где ж он ногою,
Там жито копною,
Где он ни взглянет,
Там колос зацветет.

Интересно, что существует подобная песня о Козе или Козле («Где козел ходит, Там жито родит»). В Греции козел — обычный спутник Диониса. А девушка-Ярила напоминает Диониса, изображавшегося в женской одежде.

Если встреча Ярилы проходила вполне пристойно, то проводы-похороны его по части разгула немногим уступали Купальской ночи. «Он (Ярила) любовь очень одобрял» — объясняли сами праздновавшие. К пляскам, попойкам и любовным вольностям добавлялись кулачные бои, порой кончавшиеся смертоубийством. Ярилу изображал человек (в Воронеже) в бумажном колпаке, увешанный бубенчиками и разукрашенный лентами. (В Туле такой же ряженный мужик представлял Весну).

В то же время уходящего Ярилу представляли стариком. Место игрищ называли «Ярилиной плешью». Чучело Ярилы хоронил старик, или же водили хоровод вокруг старика. Либо по полю катали парня в вывороченной шубе, что напоминает русский обычай катать священника по полю со словами: «Уродился, сноп, толстый, как поп». Молодой или старый, Ярила сообщал земле свою неистощимую плодородную силу.

Суздальский летописец Анания Федоров (1754 г.) сообщал о почитании в его городе богов Яруна, Пиная и Облупы. Первый, несомненно, Ярила, а остальные два, видимо, покровительствовали пьянству («пияный») и обжорству («облопаться»). По свидетельству Саксона Грамматика, у славян считалось делом благочестия наестся и напиться на празднике сверх меры: верили, что тогда через год будет такое же изобилие. На Украине Яриле соответствовал Коструб (Кострубонько). Имя его, видимо, родственно имени Костромы. Чучело Коструба с подчеркнутыми мужскими половыми органами хоронили (сжигали или топили) в первый понедельник Петрова поста. При этом женщины оплакивали усопшего в откровенных выражениях восхваляя его сексуальные достоинства, а мужчины отпускали непристойные шутки. Оплакивание сменялось веселыми песнями и хороводами и сопровождалось молитвами Земле и Солнцу об урожае. Память о веселом боге сохранилась у украинцев и в песнях о Джуриле (Журиле).

Шел Джурило ледом,
Нес горилку с медом.
Сын, Джурило, сын,
Не топчи моего ячменя.
Куда Журило шел,
Там ячменек взошел,
А куда Ксения пошла,
Там пшеничка взошла.

Русские иногда изготавливали глиняные фигуры Ярилы и Ярилихи, которые затем разбивали и бросали в воду. А на семик чествовали ряженных Семика и Семичиху. Кто же эта спутница Ярилы? Судя по имени, его супруга. Скорее всего это не Лада, а Леля — юная богиня весны, о которой речь впереди.

В русском охотничьем заговоре белый муж Жубрило на белом коне загоняет дичь. С охотничьими функциями Ярилы (Георгия) мы еще встретимся.

У западных славян Яриле, как уже сказано, соответствует Яровит, почитавшийся в Вольгасте (Волегоще) в Поморье и у гаволян на нижней Шпрее. Имя его означает «весенний (ярый) свет». Он был богом войны, и в его храме висел священный золотой щит. Житие Оттона Бамбергского описывает, как жрец в Вольгасте выдавал себя за бога (очевидно, Яровита). Одевшись в белое, он предстал перед крестьянином и сказал: «Я — твой бог. Я покрываю всходами поля и листьями леса. Плоды полей и деревьев,

приплод скота и все, что служит нуждам людей, в моей власти. Это я даю только моим почитателям...». Услышав от «бога» приказ убить немецких миссионеров, крестьянин тут же прибежал в город, и «просветители» еле унесли ноги от язычников, уверенных, что бог покарает их неурожаем за измену отеческой вере. Веселый и разгульный праздник Яровита справлялся гаволянами 4 июня.

В одной из церквей Вольгаста сохранилась плита с фигурой человека с копьем. Считают, что это изображение Яровита. В соседнем городе Волине (Юлине) почиталось старое копье, прикрепленное к деревянной колонне и принадлежавшее будто бы... Юлию Цезарю. Епископ Оттон приказал волинцам не почитать «ни самого Юлия, ни копье Юлия». «Апостол Померании» был не книжником, а практиком. Что же это за «Юлия» почитали поморяне? Быть может, какой-нибудь оборотистый римлянин на Янтарном пути сбыв их легковверным предкам копье, якобы принадлежавшее божественному императору. Возможно также, что они как-то соотносили Юлия и его копье с Яровитом. По крайней мере, копье — обычный атрибут св. Георгия, заменившего, как увидим, Ярилу-Яровита.

Обряды, подобные встрече и проводам Ярилы, известны и другим славянам. 23 июня, в день Св. Георгия, хорваты и словенцы встречали Зеленого Юрия — ряженого, покрытого зеленью. Он ходил со свитой, прыгал, раздавал зеленые ветки. Верили, что это принесет хороший

урожай. В Лазареву субботу (перед Вербным воскресеньем) у сербов и македонцев ходили девушки-«лазарицы» во главе с Лазарем и Лазарицей и плясали с саблями. У западных славян на троицу ходили «король» и «королева» со свитой (у мораван — из всадников в женской одежде). У чехов и словаков этот обычай зовется «Летницы», у словаков также «Турицы» и «Русадла». Чехи при этом разыгрывали осуждение и казнь «короля». У сербов и хорватов также ходили «краль» и «красица» со свитой, вооруженной саблями.

Отметим особую роль в этих обрядах «амазонок», что напоминает всадницу-«Ярилу».

Австрийцы 23 июня водили «Зеленого Георга», а затем «охотились» на него, «убивали» и «хоронили». Другие германские и романские народы, а также венгры справляли близкие обряды 1 мая: чествовали майских «короля» и «королеву», водили «Джека в зелени», охотились на «дикого человека». На Троицу тоже встречали «короля» и «королеву» («жениха» и «невесту»), «зеленого короля». Немцы топили чучело Пфингстля (Троицы). Из всех этих весенних персонажей Ярила, пожалуй, наиболее сохранил облик языческого бога.

Столь же язычески выглядит почитаемый у болгар, восточных сербов и румын Герман (Калоян, Скалоян). Обряд в его честь справлялся 23 июня, 9 мая, 12 мая (день св. Германа), 24 июня, чаще всего — в случае засухи или затянувшихся ливней. Изготавливали глиняное чучело мужчины

с огромным половым органом, в шапке из красного пасхального яйца в красной или алой одежде. Кладли его в гроб, оплакивали и погребали на берегу, а на 3-й, 9-й или 40-й день выкапывали и бросали в воду. Участвовали в обряде преимущественно женщины. Если хотели вызвать дождь, пели: «Умер Герман от засухи ради дождя». Если же надо было прекратить ливни — то наоборот: «Умер Герман от дождя ради засухи». Иногда делали и второе — женское — чучело. В «похоронах» участвовала «мать», «сестра» или «вдова» Германа. Сам он в песнях изображается мальчиком-сиротой или неженатым парнем (реже — женатым мужчиной), крестьянином (пахарем, пастухом, виноградарем).

Культ Германа распространен на землях древних фракийских племен (четов, даков и др.). Поэтому исследователи видят в нем фракийское божество. Иногда его именуют Иван, Иванко, а обряд приурочивают к 24 июня. Следовательно, славяне отождествляли фракийского бога с купальским Иваном (т. е. Дажьдбогом). Но больше всего сходства у Германа с Ярилой.

Ярила-Яровит-Герман — бог не только плодородия и растительности, но и солнца, света. Белый конь был посвящен Солнцу у иранцев и славян: на колеснице с белыми конями ездит Митра в Авесте и Солнце в сербских песнях. Скатывание горящего колеса с горы (в частности, на Купалу) символизировало уход солнца в подземный мир. Зо-

лотой щит, видимо, также символ солнца: св. Георгий на древнерусских иконах изображался с солнцем на щите.

У веселого бога было несколько древних звериных обликов. Один из них — Тур. Русские на Семик исполняли песня о «Туре, молодце удалом», который вызывал девицу «на зеленой травке поборотися», но сам был ею побежден. При этом две девушки изображали Тура и его победительницу. Эротический смысл песни-игры ясен, как связь ее с магией плодородия. Не было ли у славян чего-то подобного критским играм с быком? У словаков, как уже сказано, Турицами именовалось чествование троицкого «короля» с «королевой», а галичане называли Турицами Семик. Игра в «тура» известна и украинцам. В сопровождающей ее песне Тур считает своих жен, ловит одну из них и сдирает с нее кожу. В культе веселого бога любовь соседствовала с кровью.

На горе над озером у Галича (костромского), по преданию, находилось Турово капище. А церковь Бориса и Глеба на киевском Подоле именовалась в XII в. Туровой божницей.

В XVI—XVII вв. церковники кляли справляющих «игры туры» и поминающих в святочных песнях «некоего Тура-сатану». Украинцы водили по дворам на святки «тура» — бычка, и хозяева радостно встречали его как гостя, несущего дому изобилие. В Дубровнике носили «турицу» — маску в виде кобылей головы со щелкающей челюстью. Поляки на святки и Масленицу водили «туроня» — быка

(его изображали двое ряженных) и разыгрывали его убийство и воскресение. А украинские и польские колядки воспевали «дивного зверя тура-олenea» с сияющими золотыми рогами.

Этот святочно-масленичный Тур мог быть связан не с весенним Ярилой, а с Дажьбогом — златорогим оленем и победителем быка. Но и здесь дикий бык, могучий и плодовитый, воплощает изобилие, солнце и победу жизни над смертью.

Священным животным эллинского Диониса были бык и леопард. В святилище Диониса Гелонского найдены глиняные фигурки быка и рыси. А в Древней Руси были распространены «коньки смоленского типа» — амулеты в виде своеобразного животного с ушами рыси, головой волка (или коня), лапами и хвостом кошачьего хищника и конскими копытами. Шкура его покрыта пятнами в виде солярных знаков. Столь же своеобразен зверь на владими́ро-суздальских рельефах, прозванный исследователями «пардусом» (гепардом): с волчьей головой, гривой, длинным хвостом и пятнистой шкурой. Волки, как мы увидим, подчинялись св. Георгию. Звери, посвященные одному и тому же богу, легко сливались в одно диковинное существо.

В христианские времена Ярилу заменил св. Георгий (Егорий Храбрый, Юрий). Этот воин-мученик, пострадавший при Диоклетиане, получил огромную популярность в христианском мире, видимо, потому, что к его образу при-

вязали древний змееборческий миф. Георгий, подобно Персею, убивает дракона и спасает царевну, обреченную в жертву чудовищу. У славян к тому же его праздник (23 июня) почти совпал с днем Ярилы (27 июня).

Лужичане величают Георгия «богом с небес». В русских заговорах он — на белом коне, в белой одежде, с белой бородой, в золотом венце; сходит с неба по золотой лестнице, неся 300 золотых стрел и луков; разит нечисть пламенным копьем и стрелами, сгоняет дичь шелковой плетью. Белорусы считали его коня золотым. В хорватских же песнях Зеленый Юрий едет на зеленом коне и приносит урожай. А в русских духовных стихах «Егорий светло-храбрый» предстает космическим божеством света: руки его по локоть в золоте, ноги по колена в серебре, во лбу солнце, на затылке месяц, в косах звезды. В болгарской же песне его шапка — солнце, плащ — месяц, перстень — звезда. На русских иконах его изображают, подобно Яриле, на белом коне. На одной иконе XV в. у него щит с ликом солнца.

Георгия почитали как покровителя земледелия, скотоводства (особенно коней), охоты. Девушки просили у него женихов. Верили, что весной он отпирает небесным ключом землю, росу, небесный свет или рай. Русские говорили, будто есть царство, где люди умирают на зиму и воскресают в Юрьев день. Змееборство его несет крестьянам изобилие: в сербской песне из убитого змея текут три реки — пшеничная, винная и молочная.

Русские и македонцы считали Георгия громовником, наравне с Ильей и Михаилом. В украинских поверьях он управляет фазами луны с помощью заслонки, в польских — играет на скрипке, сидя на месяце. Георгий (Ярила), воин и труженик, легко перенимал, таким образом, функции и Перуна, и Велеса.

Подобно Велесу, Георгий был хозяином зверей, особенно змей и волков. Верили, что волки — «хорты» (псы) Егория, что они вымаливают себе воем у него пропитание, и могут съесть только «обреченную» им скотину. Водит же волчьи стаи его помощник — «волчий пастырь».

В русских духовных стихах сохранился миф о Егории, практически не связанный с его житием и лишь слегка христианизированный. «Царице Демьянице» (Диоклетиан) живьем хоронит Егория в погреб-могиле и уводит в неволю его трех сестер. Через 30 лет святой выходит наружу и едет на поиски их. По одному его слову останавливаются «толкучие» горы, расступаются дремучие леса, расходятся бурные реки. Наконец, он находит сестер — обросших шерстью и древесной корой, пасущих стадо звериное и змеиное. Егорий возвращает сестрам человеческий облик, а зверей и змей рассылает по лесам. Наконец, он сражает в бою Демьяницу.

Все эти подвиги Егорий вершит вроде бы во имя христианской веры. Только что же в них христианского? «Воину Христову» положено терпеть мучения и молиться за своих

мучителей. А здесь молодой бог-воин, бог земледельцев и скотоводов, воскресает из мертвых и преобразует дикую природу. И разворачиваются его подвиги не на Ближнем Востоке, а на земле Свято-Русской. Такие мифы слагали те, кто не только охотился в лесах Восточной Европы, но и расчищал их под пашню, расселяясь на север и восток и раздвигая тем самым границы славяно-русского мира. А мир леса здесь — мир хаоса и дикости, повелитель же его Демьянице, скорее всего, не древний Велес, а Чернобог. Он еще может бесчинствовать зимой в своем лесном царстве, но весной наступает время воскресшего Ярилы. Скотину выгоняют на пастбище, лес вырубает под посевы — и держитесь, древние, темные боги! Словенцы, водя Зеленого Юрия, пели:

Зеленого Юрия водим,
Масло и яйца просим,
Ежи-Бабу прогоняем,
Весну рассыпаем!

Вполне возможно, что у славян существовал миф, подобный мифу о Персее, и героем его был именно Ярила. Во всяком случае, этот сюжет присутствует в восточнославянской сказке о двух братьях (см. следующую главу) и в популярной в XVII—XVIII вв. лубочной повести о Еруслане Лазаревиче. Этого богатыря литературоведы считают заимствованным из Ирана Рустамом, сыном Зала

(Заль-зера). Между тем далеко не все эпизоды повести находят соответствие в «Шах-наме».

Так, Еруслан, помимо подвигов, усердно ищет по свету царевну, краше которой нет. Переспав для начала по очереди с тремя царевнами-кочевницами, он приезжает в Индийское царство за царевной Анастасией Вахрамеевной. Спасает ее от трехглавого змея, женится на ней и... бросает в первую же брачную ночь, узнав, что царевна Солнечного града еще краше ее. Добыв эту царевну, живет в том граде, пока под стены его не приходит выросший сын Еруслана и Анастасии. В бою отец узнает сына по перстню и возвращается к его матери (в «Шах-наме» и былинах об Илье Муромце бой отца с сыном завершается трагически — гибелью сына).

Немецкий епископ Адельгот в 1108 г. описывал полабский культ бога Припегалы, которого он отождествлял с Приапом и «бесстыдным» Белфегором. Почитатели этого бога приносили ему в жертву головы пленных христиан, восклицая: «Побежден Христос, победил Припегала победоноснейший!». Этот «Припегала», очевидно, Припекала, т. е. бог жаркого солнца. Приап — римский бог плодородия, изображавшийся с огромным половым органом. Белфегор (Баал горы Фегор) — также божество плодородия (семитическое). Человеческие головы приносились в жертву Радигосту и Яриле. Таким образом, в этом боге солнца, плодородия и войны нетрудно узнать Ярилу.

На полотенце из Сибирской губ. изображены всадник на коне, отмеченном солярными знаками, и обезглавленный крылатый дракон. Между ними — женская фигура. Перед нами явная иллюстрация к мифу о змееборце типа Персея. Только на коне сидит... крылатая женщина. Но это-то и доказывает, что речь идет о Яриле: вспомним изображающую его девушку в белорусском обряде!

По некоторым данным можно восстановить родословную Ярилы. В сербской песне Юрий и Илья — братья Огненной Марии. Но, если Ярила — брат Перуна (сына Сварога — см. выше), то они оба, подобно Дажьдбогу — Сварожичи. Тогда, быть может, эти три Сварожича и есть три брата из сказок «Три царства» и «Бой на калиновом мосту»? А мать Егория в духовных стихах носит имя Софии Премудрой. В православной традиции София-Премудрость Божия — сближается с Богоматерью как ее земным воплощением. В Софии Киевской на самом видном месте находится изображение Богоматери-оранты, у всякого язычника вызывавшее ассоциацию с Ладой. Очевидно, Лада и была матерью Ярилы (как и остальных Сварожичей).

Ярила, в отличие от Перуна и Дажьдбога, далеко не образец добродетели и не суровый каратель грешников. (К разгулу, впрочем, склонны все трое, хотя и в разной степени). Но он не жесток и не зол, хотя и требует порой человеческих жертв. Когда надо, веселый бог готов сразиться с силами тьмы и даже отдать жизнь — чтобы потом непре-

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

менно воскреснуть. В общине славянских богов он — воин и труженик (земледелец, пастух и охотник). Ярила не претендует на верховную власть земную или небесную. Но обязанности свои исполняет добросовестно, легко и весело.

Близнецы-всадники

(Лель и Полель, Перун и Дажьбог, Дажьбог и Ярила, Борис и Глеб, Флор и Лавр).

По всему миру распространены мифы о двух братьях-близнецах. Индоевропейцы, первыми в мире приручившими коня, представляли их в виде двух молодых всадников. Это — индийские Ашвины, греческие Диоскуры, германские Хенгест и Хорса, балтские Сыновья Бога, иран-

ские Хаурватат и Амеретат. Сестрой (часто и супругой) их была солнечная дева — индийская Сурья (или Заря-Ушас), греческая Елена, германская Ровена, балтская Дочь Солнца, иранская Анахита. Братья и сестра обычно связаны со светом — солнцем, звездами, зарей. Подобно Солнцу, они передвигаются то на конях, то в лодке, связаны с лебедями и другими птицами.

Братья близки и добры к людям, всегда готовы помочь в беде. Они — герои и воины, но также целители и божества плодородия.

Между близнецами есть и различия. Один более связан с днем, другой — с ночью и смертью. (Например, Полидевк (Поллукс) бессмертен, Кастор смертен). Один — преимущественно воин, второй — мирный труженик.

У славян (поляков) эти боги звались Лель и Полель. Впервые их упоминает Мартин Крамер и отождествляет с Кастором и Поллуксом. Меховский добавляет, что их мать — Лада, и усматривает в ней Леду, мать Диоскуров. Это же повторяют Бельский и Стрыйковский. Меховский говорит также о трех разбитых каменных идолах, лежавших в церкви Троицы в Кракове, но, к сожалению, не называет их имен.

Между тем польские проповедники XV в. говорят о божествах Ладе и Леле, Длугош же отождествляет Ладу (Ладо) с Марсом, а Дзидзилелю (Лелю) — с Венерой. В лысогорской легенде фигурируют божества Ладо, Бода

и Лели (Леля?). Ни о каком Полеле речи нет. Однако всем этим авторам источником служили обрядовые троицкие и майские песни. Крамер же и Стрыйковский говорят, что Леля с Полелем поминали в застольных песнях. Вероятно, на весенних праздниках поляки славляли Ладу (Великую Богиню), а на пирах — Леля и Полеля.

А. Брюкнер иронически замечает, что Лель с Полелем пришли на славянский Олимп прямо из корчмы. Что ж, выпить и погулять языческие боги и их почитатели действительно любили. В песнях (не только пьяных) у поляков известен припев «лелюм-полелюм», «лели-полели», у русских — «люли-полюли», у сербов — «полялом-лялом». У польских писателей XVII в. выражение «лели-полели» означает беззаботное отношение к жизни. Его употребляют, например, говоря о шляхтиче, пропивающем имение; или о тех, кто надеется без труда получить царство небесное. В словацкой песне беспутного брата порицают словом «лало», а подобную ему сестру — «лойда». (Об этом уже говорилось в связи с Ладой).

Не без влияния церкви образ веселых богов стал демонизироваться. В книге «Порядок права чертовского» (1570) черт Кофель («Кубок»), напившись, зовет чертей Леля и Полеля. У галичан черт зовется «дідько», «Лелек». По-чешски *lelkovac* — «оглядываться», *lelka* — «слепая птица», *dedkovac* — «оглядываться», «беситься». Возможно, Лель, подобно Дионису, мог насылать хмельное безумие.

Все же, как будет показано в главе о богине Леле, имена ее и Леля, родственны главным образом словам, связанным с семейными отношениями и материнской лаской. «Полель» же означает просто «после Леля», т. е. младший брат Леля.

Оригинальные сведения о братьях-богах есть у Прокоша-Диаментовского. Он сообщает, что белокаменные идола Леля и Полеля стояли в Кародуне (Кракове), и им приносили в жертву поросят. При этом Леля почитала только знать как защитника свободы, посланного богами Тржи и Живе, а Полеля — весь народ как хранителя Родины. Действительно, связь богов-близнецов со знаменитыми воинами и простым народом — общеиндоевропейская черта. Так, в испанской легенде крестьянка рождает одного близнеца от рыцаря, другого от своего мужа. Первый становится героем Сидом, второй — простым землепашцем.

Прокош говорит также, что Лель, подобно своему предку Скифу, имел герб в виде полумесяца рогами кверху. В Польше существовал герб Лелива: золотая звезда над полумесяцем рогами вверх, в нашламнике — то же на фоне павлиньего хвоста. Эта эмблема — древний символ солнца и луны, восходящий к ахеменидскому Ирану. А хвост павлина — древнегреческий символ звездного неба («глаза Аргуса»). Лель, таким образом, подобно Радигосту, Дан-Богдану, Яриле, Митре — бог света и всех небесных светил.

На знаменитом скифском гробне из Солохи два воина, конный и пеший бьются с третьим. Он уже потерял коня

и с трудом отбивается, прикрываясь щитом в виде полумесяца рогами кверху. Как обоснованно считает Д. С. Раевский, это — Колаксай-Скиф, гибнущий в бою с братьями.

Российские авторы XVIII в., рассматривая Ладу (вслед за «Синопсисом») как богиню брака и любви, видели в ней Венеру, а в ее сыне Леле — Амура (Эрота). Отсюда и Лель — легкомысленный и любвеобильный пастушок в драме А. Н. Островского «Снегурочка».

Впрочем, подобный юный бог любви у славян, похоже был. У Древлянского описан Любмел — персонаж белорусской свадьбы. Это мальчик в белой рубашке, красном венке и красных сапожках. Он танцует с молодыми, дает им еду и деньги. Литовцы почитали богиню любви Мильдую и ее сына Кауниса — крылатого человечка. По сути, это тот же юный и веселый бог, сын Великой Матери, подобный Яриле.

Восточным славянам Лель и Полель неизвестны. Но близнецов-всадников почитали и здесь. Об этом говорят, во-первых, народные вышивки, во-вторых, очень популярные на Руси культы святых всадников — Бориса и Глеба, Флора и Лавра.

На вышивках богиня стоит между двух приветствующих ее всадников. В скифском, боспорском и дако-сарматском искусстве такая сцена (чаще с одним всадником) означала получение царем власти от богини. Царь при этом уподоблялся богу (Колаксаю-Скифу). Сам обряд инвес-

титуры состоял в питье из рога в честь богини и как бы совместно с ней.

Славяне, однако, переработали по-своему древний сюжет. Б. А. Рыбаков выделяет два типа вышивок. На одних вышивках богиня в высоком головном уборе замужней женщины, с воздетыми руками. Всадники — женщины, кони их иногда запряжены в сохи или бороны. На других — богиня без головного убора, с опущенными руками. Всадники — мужчины, у обоих кони отмечены солярными знаками. Первая композиция связана со встречей весны («Приехала Весна на сошечке, на боронечке»). Вторая — с солярным праздником Купалы. Первая, видимо, представляет Ладу-Весну и двух ее дочерей. Вторая близка к общеиндоевропейской: солнечные братья-всадники и их супруга.

В обоих случаях всадники совершенно одинаковы. Другое дело — иконы с парными святыми всадниками. Если Борис и Глеб — святые чисто русские, то Флор и Лавр в Византии на конях никогда не изображались, и такие их иконы в России даже осуждались церковью.

Святые всадники на иконах либо едут рядом, либо (Флор и Лавр) стоят по бокам архангела Михаила, напоминая этим богиню с «прибогами» на вышивках. Левый всадник, (Борис, Флор), как правило, бородат. Правый (Глеб, Лавр) — безбород. Кони у святых почти всегда разной масти, а одежда (плащи) разного цвета. У левого плащ чаще красный,

конь зеленый или темный (черный синий, сине-черный, темно-гнедой), изредка белый. У правого плащ чаще темный или зеленый, конь — красный или белый.

Иногда всадники различаются как воин и священник. На иконе XV в. из Третьяковской галереи Флор держит копье, Лавр — крест. На другой иконе рядом с Флором стоит святой воин (Георгий), рядом с Лавром — св. мученик Кирилл с Евангелием в руках. Иконописный «подлинник» XVII в. предписывал изображать Бориса вооруженным, а Глеба — безоружным.

Какие же языческие боги скрываются за братьями-святыми? Не Белбог и Чернобог, хотя им и были посвящены белый и черный кони. Этим владыкам мира соответствуют не святые, а Бог и Сатана. Значит, кто-то из младших богов (Сварожичей)? Перун бородат и немолод, Дажьбог (Зоревик, Божич) и Ярила чаще представляются молодыми. Конь Ильи Муромца — темной (бурой) масти, конь Ильи-пророка (в духовных стихах) — белый. Конь же левого всадника преимущественно цвета грозовых туч, редко — белый. Кони Солнца в славянском фольклоре — красные или белые, конь Ярилы и Георгия — белый. Ладожская фигурка Перуна — из красного дерева. Юрий (т. е. Ярила) у хорватов — «зеленый», на зеленом коне.

Можно, следовательно, предположить, что левый всадник — Перун, а правый — Дажьбог или Ярила. Что такая пара богов на Руси действительно существовала — тому

есть прямые подтверждения. На Збручском идоле справа от Великой Богини стоит бог-всадник с мечом (Перун), слева — богиня зари и безоружный солнечный бог. Уже говорилось о псковских идолах «Корса» (громовника-змееборца с мечом) и «Услава» (безоружного с крестом). Крест у русских язычников был связан с солнцем (судя по крестам-амулетам с солярными знаками) .

Однако на иконах старший всадник (предполагаемый Перун) стоит слева от Михаила, а младший (предполагаемый Дажьбог) — справа. Но ведь Михаил, по народным представлениям — громовник. Не случайно он одет, подобно старшему всаднику, в красный плащ. Вероятно, здесь он заменяет не богиню, даже не Перуна, а старшего громовержца — Рода (красный цвет — «родрый», «рѣдьяный»). Слева, т. е. по правую руку, «одесную» центрального персонажа, оказывается бог, более близкий ему по духу, по левую же руку, «ошую» — менее близкий. Естественно, владыке грома ближе воинственный Перун, Великой Матери — более мирный Дажьбог.

На ряде икон Борис и Глеб стоят пешие по бокам своего отца Владимира либо св. Николая. В «Чтении о Борисе и Глебе» Нестора-летописца сохранена легенда, в которой Борис, Глеб и Николай являются в виде трех всадников, причем братья называют святого своим отцом. Николай, «наследник» Бога, как показано выше, заменил языческого Сварога.

Итак, божественные братья-всадники — это Перун и Дажьбог (или Ярила) , в языческом «чине» сопровождающие Ладу, Рода или Сварога. На вышивках же выступают две дочери Лады в «весенней» композиции или два солнечных бога (видимо Дажьбог и Ярила) — в «летней».

Был ли прав В. А. Городцов, усматривавший в славянском «чине» иранское (скифо-сарматское) влияние? Или же дело здесь в общем индоевропейском наследии (Ашвины и Сурья, Диоскуры и Елена и т. д.)?

На скифских изображениях (от Крыма до Алтая) всадник, обычно вооруженный, стоит «ошую» богини — точно так же, как на Збручском идоле. На пластине от головного убора скифской жрицы из кургана Карагодеуашх «ошую» богини сидит воин с луком у пояса и рогом в руке, «одесную» — женоподобный жрец с ритуальным сосудом. Богиня вручала власть царю-воину, но ближе ей все-таки был мирный жрец.

На диадеме из Сахновки на Роси, в земле скифов-пахарей, справа от богини — бородатый воин с секирой и рогом и слуги, готовящие еду и питье, слева безбородый и безоружный персонаж с факелом (жрец?), два побратима (пьющие вино из одного сосуда) и жрец (приносящий в жертву барана и человека). Здесь представлено все скифское общество — жрецы, воины, простые труженики. При этом жрецы стоят «одесную» богини, воин и слуги — «ошую». И на украинских иконах XVII в. справа от Богоматери стоят цари, гетманы, казаки, слева — духовенство.

На Збручском идоле рог в руках богини украшен изображением ромба. Именно такая накладка в виде «ромба с крючками» — древнейшего символа плодоносящей земли и ее богини — есть на священном роге из Черной Могилы. Вспомним обряд с рогом в Арконе. Вероятно, черниговский князь-жрец тоже «пил на брудершафт» с Великой Богиней (как арконский жрец — со Святовитом), но вкладывал в этот обряд смысл получения власти от богини.

У осетин старший всегда едет справа от младшего — так же, как на иконах со всадниками.

На изображениях в митраистских храмах Митру сопровождают два юноши — Каут (с поднятым факелом) и Каутопат (с опущенным). На фресках Митра в красном плаще, «одесную» его — Каут в красной одежде, «ошую» — Каутопат в зеленой. (Все — как на иконах с Михаилом, Флором и Лавром). На древнерусской миниатюре из Хлудовской псалтыри слева стоит вечерняя Заря (в зеленом), справа — утренняя (в красном и поднятым факелом); между ними — солнце. Каут — это солнце, огонь, бесплодный (сухой и холодный) сезон, дух; Каутопат — луна, вода, земля, вегетативный сезон, материя. Первый более воинственен: он и Солнце смотрят прямо на Митру, убивающего быка, а Каутопат и Луна отворачиваются.

В Авесте Митру сопровождают его братья Рашну — справедливый судья и Сраоша — воин-жрец, крушащий палицей драконов и дэвов наподобие громовника. Рашну

идет «одесную» Митры. У могучего змееборца Керегаспы тоже есть брат — мудрец и законодатель Урвахшая.

Вся эта система восходит к общеиндониранским временам. Во II тыс. до н. э. царями и воинами-колесничими в царстве Митанни на севере Месопотамии были индоарии. На печати миттанийского царя Шаушшатара (XV в до н. э.) изображена богиня со зверями. Слева от нее — бог, убивающий быка (Митра), справа — бог, с рук которого стекает река (Варуна). Ниже богов — два героя, борющиеся со львами (видимо, соответствующие Кауту и Каутопату). Рядом с левым героем — звезда. Митра и Варуна — братья, сыновья Адити. Первый связан с солнцем, днем, жреческим сословием. Второй — с луной, ночью, водой, сословием воинов. Варуну сблизжали и даже отождествляли с громовником Индрой. Митра добрый и дружественный к людям, Варуна — мрачный, гневный, карающий. У славян этой паре соответствуют Дажьдбог и Перун (хотя Варуна во многом близок к Велесу).

Славяне, таким образом, охотно перенимали у своих иранских соседей то, что освящало царскую власть и сословный строй. Но перенятое у скифов, сарматов или дунайских митраистов накладывалось на общеиндоевропейские представления о близнецах-всадниках и трех сословиях.

Вернемся теперь к Лелю и Полелю. Иранских черт у этой пары почти нет (только Лель напоминает Скифа-Коласая), она больше сохранила древний индоевропейский

облик. Это скорее не Дажьбог и Перун, а Дажьбог и Ярила — два солнечных бога, княжеский и простонародный. Правда, из того, что мы уже знаем о трех Сварожичах, вытекает, что самый младший из них — Дажьбог, а самый старший — Перун, в средний — Ярила. Полель же (Ярила?) — младший брат Леля (близкого Дажьбогу). Но у славян, так же как у греков или индийцев вполне могли бытовать разные варианты генеалогии богов. Даже в Библии соседствуют разные родословные Иисуса.

Когда Перун и Дажьбог выступают в паре, то первый из них воин, второй — жрец. В сюжетах же стремя братьями Дажьбог (Зоревик, Сучич) — воин, Перун (Вечерник, Царевич) — царь-жрец, Ярила (Полуночник, Кухарчик) — труженик. Такие расхождения (связанные с борьбой сословий за власть) нетерпимы для рационального, научного мышления. Но не для мифологического, основанного на вере, традиции и эмоциях, а не на строгой и холодной логике.

Обратимся, наконец к восточнославянской сказке «Два брата», явно сохранившей древний миф о богах-близнецах. В ней один из братьев, в духе Персея или Георгия, спасает царевну от змея и женится на ней. Ведьма (мать змея) превращает в камни змееборца и его помощников-зверей. Второй брат, узнав об этом, побеждает ведьму и оживляет брата. Тот, однако, вместо благодарности убивает своего спа-

сителя, приревновав его к своей жене (принявшей за мужа его близнеца). Ошибка выясняется, и теперь уже змееборец воскрешает брата.

Два близнеца и их, фактически общая жена — триада общеиндоевропейская (Ашвины и Сурья, Сыновья Бога и Дочь Солнца). Возможно, змееборец и спаситель царевны — Ярила, а его брат — Дажьбог. Замечательна способность братьев воскрешать друг друга. Ведьма же, околдовавшая змееборца и его зверей, очевидно, зима-Яга.

Особенно интересен вариант, сохраненный А. Н. Афанасьевым (№ 155 в его собрании русских сказок) под названием «Два Ивана — солдатских сына». Один брат победил трех змеев и женился на спасенной от них царевне. Второй женился на царевне Настасье Прекрасной и звался с тех пор Иваном Царевичем. Охотясь на оленя и уток, он столкнулся с ведьмой (сестрой тех змеев). Она, оборотившись львицей проглотила его. Брат-змееборец одолел ведьму и воскресил Ивана Царевича. Позже ведьма, оборотившись львом, растерзала братьев: одного в поле, другого в саду.

На скифской чаше из кургана Солоха изображен бой двух молодых конных скифов со львом и с чудовищной рогатой львицей. А Лукиан сохранил скифские сказание о побратимах Белите и Басте, одолевших льва, но павших в бою с ним. У скифов лев — символ не только солнца, но также смерти и нижнего мира. Очевидно, этот мотив борьбы со львами заимствован славянами от скифов.

Иван Царевич, муж Настасьи, как будет показано ниже (в главе о Моране) — тот же Дажьдбог. А его брат-змееборец, видимо, Ярила. Гибель братьев напоминает растерзание и разбрасывание по полю чучела божества плодородия. Боги-близнецы должны были своей смертью обеспечить плодородие земли. Флор и Лавр, согласно их житию, были погребены в колоде. В мусульманских же легендах в колоде погребены были ангелы Харут и Амеретат, божества здоровья и бессмертия, сменившие древних богов-близнецов. Очевидно, захоронение их в колоде тоже должно было принести земле плодородие.

Что мир устроен диалектически, первобытные люди знали задолго до Гераклита и Гегеля. Но воспринимали его диалектику по-своему, по первобытному. Всякое племя делилось на два рода или фратрии, предками которых обычно и считались божественные близнецы. Вот доисторические философы и распределяли все явления природы и обществ по двум «родам», связанным с двумя богами. В развитой мифологии таких пар богов могло быть и несколько.

У славян на первом плане — роды Белбога и Чернобога. Здесь сказалось влияние иранцев и урало-алтайцев. Но сохранилась и общеиндоевропейская пара младших богов, близнецов-всадников, близких людям. Они не столь однозначно добры или злы, как два владыки мира (хотя те тоже близнецы-всадники). Но именно эти младшие боги защищают в земном мире добро и правду, не дают Черно-

богу действительно стать владыкой Вселенной (завладеть землей и небом). Они порой далеки от морального совершенства. Однако именно от них, а не от всеправедного, но далекого Бога в первую очередь ждал народ помощи или наказания.

Близнецы-всадники (иначе говоря, три Сварожича) были тесно связаны с системой трех сословий. Надо заметить, что эта система изначально не освящала социального паразитизма. Она выросла из системы возрастных классов, согласно которой общество делилось на юношей-воинов, зрелых мужей-тружеников и стариков-мудрецов. Позднее эти занятия стали пожизненными и наследственными для определенных родов. Но все равно предполагалось, что каждый должен исполнять определенные обязанности перед обществом, права же на безделье и тунеядство не имеет никто — как не имеют его и сами боги.

Морана — богиня весны и смерти

(Маржана, Масленица, Марья Моревна, Настасья, Коляда, «Беллона», Дирцея)

Длугош впервые описал как поляки выносили и топили Чучела Маржаны и Дзеваны. Маржана — богиня плодородия, подобная Церере. Справляли этот обряд в четвертое (Смертное) воскресенье великого поста, но хронист считал его воспоминанием о том, как при крещении Польши топили язы-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

ческих идолов, что якобы происходило в день 7 марта. Видимо, здесь Длугош сохранил память о языческой дате праздника, ставшего в христианские времена подвижным. Именно 7 марта в Индии носили с факелами изображение богини смерти Кали и бросали его на берегу Ганга (этот важный факт приводит И. Гануш). Возможно, сам этот обряд и даже дата его (7-й день весны) — общеиндоевропейские.

Впоследствии данный обряд был не раз описан историками и этнографами. Длугош не упомянул лишь о том, что Маржану считали воплощением смерти. Чучело, звавшееся у поляков Маржаной, у чехов — Мареной (Марженой, Морженой, Мораной), у словаков — Мореной (Мармуреной, Киселицей), торжественно выносили, топили, сжигали или погребали. Нередко его звали просто Смертью (например, у лужичан). «Матер верборум» отождествляет Морану с Гекатой. Словаки, помимо Мораны, носили еще и мужское чучело — Маржака (Смертяка); его несли парни, а Морану — девушки.

Кроме западных славян, выносили (изгоняли) Смерть только немцы, среди которых было немало онемеченных славян. В Лейпциге еще в XVIII в. публичные женщины выносили и топили чучула Маржаны и Дзеваны, считая, что это предохранит город от мора, а горожанок — от бесплодия. Что немаловажно, немцы понимали изгнание Смерти как борьбу Зимы и Лета.

У Гёрлица (Горлицы) в Лужицах на горе Тодтенштейн (Камень Смерти) в начале XVIII в. сохранялся камень с углублением. Горожане шли сюда с факелами, втыкали их полукругом в особые лунки на камне. Некогда углубление служило столбовой ямой идолу, и пламя факелов озаряло его сзади и боков. Участники обряда пели о том, что они вынесли Смерть и вернули Лето.

Словенцы в этот день топили или разрезали чучело Бабы, что напоминает обычай романских народов распиливать чучело старухи — воплощения поста.

Иногда обряд совершался в Вербное воскресенье, за неделю до Пасхи. В Силезии же «Маженку» выносили в масленичный понедельник, что сближает западнославянский обряд с русской Масленицей.

Морана, подобно Пятнице и Перхте, была, возможно, связана и с прядением. По окончании зимних посиделок-спрядок моравские девушки выносили и вешали на дереве чучело Пржадленки (Киселки). Словаки называли Морану, в частности, Киселицей.

Казалось бы, все ясно: весной изгоняли злую богиню зимы и смерти (Ягу?). Почему же тогда Длугош считал ее Церерой? Лужичане, вынеся и растерзав чучело Смерти, тут же одевали снятую с него рубашку на деревце и торжественно вносили это новое чучело — «Лето» — в село. Мораване несли «Маичек» — деревце в лентах, снятых с Мораны, чехи — «Новое Лето» — сосну или ель с жен-

ским чучелом на ней. Мораване пели песню о том, как Смерть отдала ключи Юрию, и о молодой Краловне, «ободравшей» Смерть. Девушку-«краловну» здесь чествовали не только на Троицу, но и в Смертное воскресенье. А чехи пели о Смерти, отдавшей ключи от неба Юрию и Яну. Мрачная, смертоносная богиня на глазах превращалась в светлую, добрую богиню весны и плодородия.

Немцы также чествовали деревце-«Лето» или изображение Госпожи Солнца — воплощение лета. У шотландцев же зиму воплощала Кайлеах («старая женщина»), а лето — Бригита. 1 февраля, по одной легенде, отважный рыцарь освобождает Бригиту, заточенную Кайлеах; по другой — Кайлеах омывается в волшебном ручье и превращается в Бригиту.

В античном мире весной омывали изображения Кибелы (25 марта), Венеры (1 апреля), Геры. А германцы раз в год погружали в воду колесницу богини плодородия Нерты. Эти обряды вполне родственны утоплению Мораны.

У восточный славян обряд вынесения Смерти неизвестен. Но ему во многом соответствует разудалая Масленица. На неделе, предшествовавшей великому посту, гуляли, ели и пили не меньше, чем на Купалу или Ярилу. (Зато сексуальных вольностей не было: зачем возбуждать плодородие земли, когда и зерно-то еще не посеяно). Важное место занимали воинские игрища (кулачные бои, взятие снежного городка), символизировавшие борьбу лета с зимой.

В центре же всего празднества было чучело Масленицы. Его возили на саних, чествовали, а затем «хоронили»: разрывали и сжигали. При этом «похороны» старались сделать как можно нелепее и смешнее. Наряд чучела, одежда возницы, сани, сбруя — все было старое, негодное, рваное. Правил саниями «чудный» старик, всячески потешавший добрых людей. А те вовсю шумели, плясали, глумились, часто непристойно, над «рваной старухой»-Масленицей. Насмехаясь над воплощением смерти и зимы, славяне магически преодолевали ее губительную силу.

И в то же время на сани водружали столб, увенчанный колесом — символом солнца. Иногда этот столб служил мачтой поставленной на сани лодке, и тогда все сооружение напоминало солнечную ладью, как ее изображали, например, на скалах Скандинавии в бронзовом веке. Главным масленичным угощением были блины — также солярные символы. Известны глиняные славянские сковороды I тыс. н. э., отмеченные косым крестом — знаком солнца. На них когда-то пеклись «солнечные» блины. Это все при том, что и кони, и ладья, и сани, и блины были у славян атрибутами похорон или поминок.

Масленица была праздником молодоженов. Они приезжали к теще на блины — а там их встречали куклы-чучела Масленицы и Масленика — не уродливые, как главное чучело, а забавные. Молодых катали на саних, заставляли целоваться при всех, а потом зарывали в снег и чуть погодя

выкапывали, как бы изображая их смерть и воскресение. В Индии весной разыгрывали свадьбу Шивы и Парвати, затем топили и оплакивали их изображения. Парвати — это добрая ипостась смертоносной Кали.

Солнце и тьма, смерть и жизнь сливались в этом истинно русском празднике и в образах его божеств — Масленицы и ее супруга (вспомним Маржака и Маржану). При этом они мало похожи на Ягу с Чернобогом — злобных, вызывающих лишь отвращение.

Масленица вполне сродни западноевропейскому карнавалу. На Западе, в том числе и у славян-католиков, накануне великого поста вовсю ели, пили и гуляли, а под конец сжигали, топили, судили казнили олицетворение праздника. Только это олицетворение (Карнавал, польский Запуст, чешский Масопуст, хорватский и словенский Пуст) — мужской персонаж типа Ярилы, обжора и гуляка. Часто его (в частности, у поляков и чехов) отождествляли с античным Бахусом-Дионисом. Изредка рядом с ним появляется женский персонаж («подруга Бахуса» в Польше).

В Болгарии на Масленицу выступали дружины ряженых-кукеров: ярко и причудливо одетые, с оружием и деревянными фалами. Они изображали пахоту, разыгрывали убийство «царя» и воскрешение его «молодухой». Весь этот обряд должен был принести плодородие земле. Кукерские игры, по мнению этнографов, восходят к фракийскому культу Диониса.

И только у русских главную роль играет женское божество — Масленица, «сударья», «честная», «широкая». Хотя рядом с ней — спутник-мужчина (Масленик). Кто же он? Общеславянский Ярила приходил в мир гораздо позже — в середине весны, а уходил в конце ее. Этим он отличался от захожего Бахуса (Запуста, Пуста и т. д.). Присмотримся, однако, внимательнее к польскому Запусту-ряженому. Он — в высокой шляпе с лентами, вывернутом кожухе, с топором, увешанным колокольчиками, иногда — верхом на деревянном коне; величается «князем» и осыпает всех пеплом. Топор — атрибут Дажьбога-Колак-сая-Радигоста. С пеплом связан один из его сказочных ликов (Иван Попялов). Не Дажьбог ли был спутником Мораны-Масленицы?

Более уверенно судить об этом позволяют украинские и белорусские обряды и песни. В них выступает пара: Иван (Ян, Ясь) и Марья (Марена, Марина, Ганна, Уяна, Катерина). Иван, как мы уже видели, соответствует Дажьбогу. А Марена? Изображающее ее чучело или деревце топят или сжигают. При этом поют, например, песню о Ганне (Анне), которая утонула, а тело ее превратилось в траву, калину, воду и рыб. Об этом объявляет людям мать Ганны. Имя это напоминает римскую богиню Анну Перенну — по преданию, карфагенскую царевну, утонувшую в реке и ставшую нимфой и женой речного бога. Ее праздник отмечали весной, 15 марта. А накануне, 14 марта, изготавливали Ветурия Мамурия, «старого Марса», воплощение зимы.

В представлении язычников подземный и подводный мир совпадали. Поэтому утонуть было то же, что уйти под землю. Но если тонула-уходила богиня плодородия — ее смерть оборачивалась на земле урожаем, обилием всего, что давала людям земля и вода.

Морана — дочь Весны-Купалы («Весна-весняночка, где твоя дочка Марьяночка?»). В ряде песен дочь Купалочки (Купалы) или Весны вьет венки, шьет в саду, гонит быков на пастбище, работает в огороде или саду, собирает ягоды.

А. А. Фаминцын предположил, что славянские Купала-Весна и Моргана соответствуют греческим Деметре и Персефоне. Богиня-дочь, похищенная злым подземным богом, уходит в преисподнюю и возвращается лишь весной. Миф, аналогичный греческому, был у балтов. В нем Деметре (Церере), Персефоне (Прозерпине) и Аиду (Плутону) соответствовали богини Крулине и Ниола и хозяин преисподней Поклус. Пребывая в нижнем мире, богиня-дочь становится мрачной, смертоносной, старой. (Анну Перенну тоже считали старухой, но при этом соблазвившей Марса). Однако весной она снова становится молодой и прекрасной и несет земному миру радость и изобилие.

Но в купальских песнях нет подземного владыки. Зато есть герой, в греческом и балтском мифе отсутствующий — Иван (Дажьбог). Он и Марья в этих песнях — брат и сестра, совершившие инцест и превратившиеся в желто-

синие цветы иван-да-марья. Иван — желтый цвет, Марья — синий. Здесь проглядывает мифологическая система, подобная китайской инь-ян. Мужское, солнечно-огненное начало противостоит женскому водно-земному. Ни одно из них при этом не является злым.

Здесь, кстати, истоки нынешнего украинского (первоначально галицкого) флага, в основе которого герб Львова: золотой лев на голубом щите. Лев, как уже сказано — зверь Солнца. Украинские националисты, плохо зная отечественную мифологию, объясняют свой флаг как солнце (или пшеницу) и небо. При этом они, вопреки языческой системе, поместили голубую (водную) полосу выше желтой (солнечной).

Среди греческих олимпийцев брак сестры и брата — довольно обычная вещь (Зевс и Гера, Зевс и Деметра). В Ригведе инцест совершают близнецы Яма и Ями. Яма (иранский Йима) — солярный первочеловек и первоцарь, хозяин загробного мира — соответствует Колаксаю-Дажьбогу. Заметим, что на древнерусских миниатюрах зодиакальные близнецы изображаются не двумя юношами, как обычно, а мужчиной и женщиной.

Но если Дажьбог и Морана — близнецы, то родились они вместе, на Рождество. О Коляде-мужчине, соответствующем Дажьбогу уже говорилось. Однако в Подмосковье Коляду изображала девушка в белой одежде, с распущенными волосами. А в белорусских колядках Коляда-жен-

щина прилетает с висока, приезжает в расписном возу или на вороном коне, Василий (или Иван) дарит ей девочку. Василий — воплощение Нового года (1 января — день Василия Кесарийского). А Иван, несомненно, Дажьбог.

В песнях Иван уходит в нижний мир вместе с Марьей.

Иван да Марья на горе купались:
Где Иван купался,
Берег колыхался,
Где Марья купалась,
Трава расстилалась.

Но он, в отличие от нее — не пассивная жертва. В словацкой купальской песне Анна тонет и зовет на помощь Ивана. В белорусской песне ветер уносит венок дочери Купалочки на море, его добывают три парня; за одного из них она выходит замуж. Эти парни уподобляются трем месяцам (третий — Иван), а три девушки — трем звездам (третья — Маринка). В латышских дайнах (священных песнях) похитители увозят Дочь Солнца на чужбину (в Германию) в самый теплый день года. Или же Дочь Солнца тонет, а Сыновья Бога ее спасают. Они же сватаются к ней.

Чехи сжигали в купальскую (святоянскую) ночь ель, а словаки — липу. Хорваты пели тогда же песню о невесте, что сидит под горящей липой и горюет о матери. Слово «Марена» у украинцев означает черноклен. На Полтавщине Маринку считали русалкой, в Купянском уезде Харьковской губернии — старшей русалкой. Морана, таким

образом, и дерево, и водяная богиня. Как, впрочем, и ее мать. Купалу в обряде обычно изображало деревце. На вышивках богиня и дерево легко заменяют друг друга. Вспомним также о виле Живе.

Супруга солнечного бога, связанная с водой, выступает и в болгарском обряде «Еньова буля» (Иванова жена). Женщины ходят 12 июня или на Новый год с ряженой девочкой по источникам и гадают (в частности об урожае). Болгары называют Солнце «дедо Еньо». В их песнях царица Домна ходит за прекрасным Еньо, гоняя облака, или же просит у Солнца зелья для деторождения, обещая ему свою дочь Марину. Эта небесная царица, несомненно, Лада.

В Самаре записана поэтичная легенда о Марине-русалке. Девушка, утопившись от несчастной любви к красавцу-музыканту Ивану Курчавому, стала русалкой. Ночами она выходила из воды и звала его к себе. И не выдержал Иван, оставил разлучницу и ушел за Мариной на дно речное — развлекать игрой водяного царя. А тот обещал потом отпустить их обоих на землю.

Заметим, что в воду бросали или сжигали не только Марену, но и Купалу (деревце или чучело). Видимо, богиня-мать тоже уходила в нижний мир на поиски дочери. Но уходила оттуда не позже времени жатвы, когда, как уже показано, чествовали именно богиню-мать. Она возвращалась к людям вместе с выросшим и собранным урожаем, а ее дочь и сын-зять — только весной.

В песнях и обрядах миф о Дажьбоге и Моране прослеживается лишь контурно, отрывочно. Зато весь сюжет сохранился в сказке «Марья Моревна» и былине об Иване Годиновиче.

Главный герой сказки — Иван Царевич. В тех сказках, где он (в отличие от трусливого брата Ивана Сучича) — единственный или младший сын царя, этот царевич наделен не только положительными, но и космическими чертами: «на лбу — месяц, а по краям — звезды», «по локти золотые руки и по колени золотые ноги, на голове золотые губы». Это в точности напоминает антские фигурки VI — VII вв. из знаменитого Мартыновского клада: пляшущий бог, у которого позолочены волосы, руки до локтей и ноги до колен. (По общеславянскому поверью, на Купалу солнце пляшет). В тот же клад входят фигурки златогривых коней. Словом, в этом Иване Царевиче можно узнать Дажьбога.

Он женится на царевне-амазонке Марье Моревне, пленившей самого Кощея. По доброте и излишней доверчивости Иван помогает Кощею освободиться, и тот уносит Марью в свое царство. Добыв у Яги чудесного коня, царевич побеждает Кощея и освобождает жену. В ряде сказок Иван бежит с Марьей от Кощея. Тот спрашивает своего вещего коня, далеко ли беглецы, и получает ответ: можно посеять пшеницу (или ячмень), убрать ее и испечь хлеб (или наварить пива), и все равно успеть. Т. е. Марья (Морана) от-

сутствует в Кошечьем преисподнем царстве с весны до осени, от сева до обжинок. Кощей дважды догоняет Ивана и отбивает Марью, и лишь на третий раз погибает сам.

Очевидно, временем похищения Мораны могли считать как Купальскую ночь, после которой день начинает убывать, так и конец лета (после обжинок) или даже осеннее равноденствие. (По народным представлениям, на Воздвижение, 14 ноября, змеи уходят в подземный мир и возвращаются лишь 25 марта, на Благовещение). Мифологическое мышление с такими противоречиями мало считается. Само действие мифа разворачивается некогда, в начале времен — и в то же время повторяется ежегодно, в определенные дни, отмеченные праздничными ритуалами. Не отпразднуешь как следует Купалу или Масленицу — и не вернется богиня из преисподней, не будет урожая, настанет голод.

Не случайно имена Иван и Марья настолько популярны в русском народе, что стали синонимами русского человека и русской женщины. Ведь за этими христианскими именами скрывается божественная чета, воплощающая природные силы, без которых невозможна сама жизнь земледельца — солнце, землю и воду.

О соответствии Кощей Бессмертного Чернобогу уже говорилось. В сказке его труп, подобно ритуальному чучелу, сжигают, а пепел размывают по земле. В Сибири на Масленицу появляется ряженный — старик в мохнатой одежде, увешанный мертвыми зайцами, воронами и воро-

бьями. Из особого лука с воронкой он стрелял в людей снегом. Не сам ли это Чернобог-Мороз? (Зима у земледельцев — главный охотничий сезон). Рядом с ним шла «старуха» с ребенком в руках (Морана?).

В белорусской обрядовой песне Смерть, пляшущую с Морозом, отсылают прочь, в леса, за море. Да, зимняя Морана все же супруга Чернобога, грозная и страшная.

В сказке Ивану Царевичу помогает Булат-молодец. Спасая Царевича, он превращается в камень. И тогда Иван, чтобы оживить друга, приносит в жертву своих детей, мальчика и девочку. Воскрешенный их кровью, Булат оживляет их самих. Это напоминает принесение в жертву Громовнику 20 июля отрока и девицы. Быть может, Булат — это Перун? Весной воскресает не только земля, но и гром, молчавший всю зиму.

Марья Моревна в сказке стойко хранит верность Ивану. Иначе обстоит дело в былине об Иване Годиновиче. Сцена из этой былины (точнее из мифа, легшего в ее основу) изображена на серебряной оковке священного турьего рога из Черной Могилы. Героиня ее носит имя Настасья Дмитриевна, казалось бы, не напоминающее Морану. Но «Анастасия» означает «воскресшая». В украинской сказке Солнце влюблено в прекрасную морскую царевну Анастасию. А «Дмитриевна», по мнению Б. А. Рыбакова — «дочь Деметры» (т. е. Персефона).

Иван Годинович добывает на охоте оленя, вепря и лютого зверя (льва). Потом он преследует и побеждает царя

Афромей (Кошья), похитившего его невесту Настасью и оборачивающегося туром. В митреумах — святилищах Митры — в Дура Эвропос и Сузах на фресках изображен Митра-всадник, преследующий двух оленей, льва, вепря и змею. Главный же подвиг Митры — убийство быка, олицетворяющего землю, хтонические силы. Миф о небесной охоте, как уже сказано, распространен по всей северной Евразии. Но лишь у славян и иранцев герой его — не Громовник, а солнечный бог.

В схватке между Иваном и Кошмем Настасья приходит на помощь последнему. Привязав Гоудиновича к дубу, Кошмей хочет расстрелять его из лука. Но тут на дуб садится вещая птица-ворон. Стрела, посланная в него, поражает самого Кошмю. Иван жестоко мстит Настасье — рассекает ее на части (что напоминает растерзание чучела Мораны или Масленицы).

На роге изображены Кошмий и Настасья с луками и стрелами, летящая в затылок Кошмю. Но вместо ворона здесь — орел (птица Перуна и Зевса). Ворон, впрочем, тоже грозная птица (по русскому поверью, он купается в ночь на чистый четверг — день Громовника). А герб Чернигова — черный орел. Очевидно, и тут Перун приходит на помощь Дажьдбогу. Странно лишь отсутствие самого Гоудиновича-Дажьдбога. С ним, возможно, связаны изображенные здесь же два грифона (животные Аполлона-Гоитосира) и поющий петух (символ зари). А фигуры еще одного орла,

волка и двух зайцев напоминают сказку, где Кошмю смерть скрыта в утке и зайце, добыть которых Ивану Царевичу помогают орел и волк. Два сцепившихся волка символизируют, видимо, борьбу зимы и лета, тьмы и солнца. Из их тел, и также из тел грифонов и крыльев петуха вырастают ростки хмеля, тем самым показывая суть всей борьбы мировых сил: победу жизни над смертью, плодородия над бесплодием и голодом.

В греческом мифе, как уже сказано, нет фигуры освободителя богини (если не считать сказания о попытке Тезея и Пирифея похитить Персефону и об освобождении Гераклом Тезея, скованного в Аиде, что несколько напоминает спасение Ивана Гоудиновича грозной птицей). Зато удивительно близка славянскому мифу индийская «Рамаяна». Равана, царь демонов-ракшасов, похищает Ситу — дочь Земли и жену царевича Рамы (воплощения солнечного Вишну). С войском из обезьян и медведей, собранным Хануманом, царем обезьян, Рама вторгается в царство Раваны, побеждает его и освобождает Ситу. Дальнейшая их жизнь, однако, омрачается подозрениями Рамы, что супруга изменяла ему с Раваной. И Сита уходит под землю, оставив мужу двух сыновей.

Не случайно героиня былины носит имя Настасья. Св. Анастасия (неделя) — воплощение воскресенья, так же, как св. Параскева — пятницы. В верованиях и фольклоре славян эти две святые часто выступают вместе. Обе

они карают за работу в их дни, особенно за женские работы (прядение и др.). В сербских и болгарских песнях Илья-Громовник и другие святые наказывают трудящихся в эти дни нечестивых жителей Троянова (Индийского) царства. Воскресенье — день Солнца. В галицкой песне Солнце жалуется на людей, работающих в воскресенье и пятницу. В словацкой сказке св. Неделя помогает герою победить змея. Русские и болгары представляли себе Неделю прекрасной высокой женщиной.

Болгары говорят: «Св. Пятница — мать Недели» («Света Петка — Неделина Майка»). В болгарской песне Неделя спит на коленях у Пятницы и видит во сне дерево от земли до неба. Очевидно, Пятница и Неделя — это богиня-мать и богиня-дочь, Лада и Морана.

Еще одна сказка, явно связанная с Дажьдбогом и Мораной — «Царь-Девница». Иван Царевич с двумя братьями отправляются за молодильными яблоками и живой и мертвой водой для старого отца. Все это есть далеко на юге, за огненным морем, в Подсолнечном (Девичьем) царстве. Правит им амазонка — Царь-Девница (Настасья-Прекрасная, Белая Лебедь). Царевич пробирается в шатер, овладевает ею и уезжает. Воительница рождает двоих детей, идет походом в землю старого царя, и легкомысленному царевичу приходится жениться на ней.

Царь-Девница (несомненно, Морана) здесь не только воительница, но и богиня солнца, подательница здоровья

и бессмертия, владеющая животворными силами воды и растений.

Козьма Пражский упоминает чешскую богиню войны — «Беллону», сестру «Марса». Если «Марс» — это Ладодажьдбог (см. выше), то «Беллона», очевидно, его сестра-супруга Морана, она же Царь-Девница и амазонка Марья Моревна. Римская Беллона, богиня войны и подземного мира, чаще считалась не сестрой, а матерью Марса.

У чехов легенды об амазонках, упорно воевавших с мужчинами, связаны с пражским Вышеградом. У словаков — с крепостью Девин (где почиталась богиня Дева). Греческим амазонкам покровительствовали Артемида и Арес. Согласно Гаеку, князь Пржемысл победил амазонок, когда от них отступились бог Зелу и богиня Дирцея. Не они ли скрываются под именами «Марса» и «Беллоны» у Козьмы? Если Зелу — Дажьдбог (см. выше), то Дирцея, очевидно, Морана.

У лужичан Мара — богиня, являющаяся в полдень на горе Катмарберг. Она заботится о росте трав и приплоде скота. Ее величают «матерью» и приносят ей жертвы. Она явно сродни полудницам — полевым духам, охраняющим посевы, но при этом губящим солнечным ударом тех, кто работает в полдень.

Морана, принадлежащая обоим родам-общинам славянских богов, одновременно светла и мрачна, благотельна и смертоносна, любима и презираема. Но не зла. Просто

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

ее долг — отбирать у людей жизнь. Она буквально разрывается между двумя своими мужьями — Дажьбогом и Чернобогом — и двумя мирами. И, тем не менее, обеспечивает единство всего «большого» мира богов и людей.

Леля — богиня весны и жизни

(Дзидзилеля, Кралица, Лазарица, Краловна)

Другой описывает польскую богиню любви и красоты, подобную Венере, по имени Дзидзилеля. В польских антиязыческих поучениях ей соответствует божество Leli, почитавшееся на Троицу вместе с Йешей, Ладой и Ныей. Очевидно, она именовалась Диди-Леля, «великая Леля», подобно Диди-Ладю, «великому Ладю».

Имя ее тесно связано с семьей и заботой о детях: рус. «лѣля» — «крестная мать», «игрушка», «детская рубашка», старослав. и болг. «Леля», укр. «Леліка» — «тетка», укр. «Лелі (лелько, лельо)» — «отец», болг. «леляк» — «дядя», серб-хорв. «лъелна» — «старшая сестра»; укр. «лялька», польск. lala, lalka, словен. lila — «кукла». Родственные слова есть и в балтских языках (лит. lele — «кукла», «младенец», латыш. lelle, lellis — «кукла»), и в индийском (lila — «игра», «шутка»). Такие слова свойственны многим народам, ибо происходят они (так же, как и «мама», «папа», «баба» и т. д.) от детского лепета. Но имя Лели близко и словам, обозначающим свет: «лелеть», укр. «леліти» — «сверкать», лит. lelis — «светлый».

У историков XVI — XVIII вв. Леля как бы затерялась в тени Леля и Полея. Но в белорусской и вольнской глуши о ней помнил народ. Древлянский описал «ляльник» — праздник, справлявшийся 22 июня (накануне Юрьева дня и за 5 дней до прихода Ярилы). На дерновой скамье восседала Ляля — девушка в длинной белой одежде и венке, разукрашенная зеленью. Ее окружали простые яства — сметана, сыр, масло, яйца, творог, хлеб, у ног лежали венки. Все это она раздавала девушкам, а те чествовали ее песней:

Дай нам жита да пшеницу,
Ляля, Ляля, наша Ляля!
В огороде, сеножати,
Ляля, Ляля, наша Ляля!

Ровны гряды, ровны зряды,
Ляля, Ляля, наша Ляля!

Лялю белорусы представляют молодой, красивой и высокой девушкой. Такой же обряд описан на Волини, в Кременецком уезде. Б. А. Рыбаков наблюдал во время раскопок в Курской обл. в июле 1939 г., как женщины «играли Лелю», ведя хоровод с воздетыми руками.

Леля явно сродни майским и троицким «королевам» и «невестам», известным, в частности, западным и южным славянам. Похожие фигуры появляются у них также на Юрьев день, Пасху и в Лазареву субботу (перед Вербным воскресеньем, за неделю до Пасхи).

В Юрьев день у сербов шествуют девушки во главе с Кралицей. В Лазареву субботу у македонцев и сербов ходят Лазарь и Лазарица со свитой из девушек-лазариц. У болгар в Лазареву субботу, Вербное воскресенье и на Пасху во главе девичьего хоровода пляшут Буенек («жених») и Булка («жена»). Первого изображает девушка в мужской одежде, с венком на шапке и саблей или топориком в руке. Вторую — девочка в свадебном платке. Верят, что этот танец принесет плодородие и здоровье, так же, как шествие по дворам девушек-лазариц.

На Троицу у поляков обходит поля Крулевна со свитой из девушек-«маршалок». У чехов и словаков в этот день шествуют «король» с «королевой». Ранее девочки-«кравовнички» носят «май» (деревце). А у сербов и хорватов

на Троицу ходят Краль и Кралица с вооруженной свитой. При этом сербы называют Кралицу также Русалкой, Русалией, а хорваты — Лелей (Lelje). Наконец, у хорватов и словенцев 24 июня шествуют девушки-ладарицы.

Евангельский Лазарь, восставший из могилы, явно ассоциировался у славян с Ярилой. Но вот две его сестры, Мария и Марфа, в народном обряде не выступают. Вместо них — одна Лазарица, отчасти ассоциируется с Ладой (воспеваемой в весенних песнях), но, несомненно, соответствующая Леле.

Леля приходила в мир почти одновременно с Ярилой, в середине весны, и вместе с ним исчезала в конце ее (хотя Лелю не хоронили, как Весну или Ярилу). Лишь иногда она появляется летом. Такая тесная связь Лели с Ярилой и Ладой-Весной (которую тоже провожали в начале лета) заставляет думать об их близком родстве. Б. А. Рыбаков считает Лелю дочерью Лады, видя в них древнюю пару богинь — мать и дочь. Это вполне вероятно, учитывая, что Великую Богиню на вышивках сопровождают две всадницы, тянущие за собой сохи и бороны. Видимо, Леля и Морана, две юные весенние богини, светлая и темная, и их мать Лада.

У земледельцев нео- и энеолита на Дунае известны керамические изображения двуглавой богини. Такая же богиня, только не глиняная, а деревянная, найдена на поселении Фишеринзее (Рыбачий Остров) в земле лютичей,

в слоях XII в. Б. А. Рыбаков видит здесь двух рожениц, мать и дочь, Ладу и Лелю. В принципе считаться двумя Роженицами и изображаться подобным образом могли также Лада с Мораной или Морана с Лелей.

Вполне возможно, что Ярила и Леля были, подобно Дажьбогу и Моране, братом и сестрой и в то же время супругами. В таком случае некоторые мифы о них можно восстановить по сказке о двух братьях и повести о Еруслане Лазаревиче. Вероятно, именно Лелю Ярила спасает от змея и женится на ней. Из-за нее убивает брата Дажьбог, но воскрешает его. И все же покидает Лелю ради солнечной царевны (Мораны-Недели («Неделя» — воскресенье, день Солнца). Но, едва не погубив в поединке сына от Лели, в конце концов, возвращается к ней.

Леля — едва ли не самый светлый образ среди славянских богинь. У нее нет никаких темных ипостасей, она не склонна ни к жестокости, ни к разгулу, никогда не изменяет своему неупутевому супругу. Но ее праведность — не бесплотная чистота ангела или святой монахини. Она — богиня весны, любви и жизни, и потому щедро дарит миру изобилие, плодородие, красоту.

Летница- громовница

(Огненная Мария, Додола, Перперуда, Царица-Молния)

Угрозного Перуна есть спутница жизни, владеющая, подобно ему, громом и молниями. Данные о ней скупы и отрывочны, но по ним прослеживается яркий и могучий образ.

В «Матер верборум» слова «Диана, дочь Латоны и Юпитера» переводятся: «Девана, дочь Летницы и Перуна». Летницами

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

(женскими Летницами) чехи и словаки называют 1 марта — первый день весны, а также троицкие обряды. Греческая Лето (Лато, римская Латона), возлюбленная Зевса и мать Аполлона и Артемиды — персонаж, скорее, ночной, хтонический: она зовется «черноодежной», ее имя сродни названию Леты — подземной реки забвения, ее мать — Феба-луна, а сестра — звезда-Астерия. Как уже сказано, и своим именем, и как богиня-мать она родственная славянской Ладе. Не тождественна ли Летница Ладе — тоже богине весны? Скорее, однако, это дочь Лады.

У южных славян распространен обряд вызывания дождя (заимствованный у них также восточными романцами, греками и албанцами). Обнаженная девушка, чье тело прикрыто лишь листвою и зеленью, пляшет, вымаливая у Бога дождь, а люди обливают ее водой. Девушку эту именуют «додола», «пеперуда» («пеперуна», «преперуна», «пеперуга»). В болгарской песне, записанной в XIX в. революционером и русским разведчиком Г. Раковским, «золотая пеперуда» летает перед Перуном, прося его о дожде. В подобной албанской песне имя Перуна заменено родственным словом «Перенди» означающим «Бог» «Небо». Изображения додол в одежде из травы, пляшущих среди струй дождя, известны еще на трипольских сосудах.

Казалось бы, ясно: богиня земли и растительности молит своего небесного супруга — Громовника. Сам дождь понимался язычниками как соитие Неба (Громовника) и Земли.

Только вот имя южнославянской богини означает не землю или растение, а гром. Слово «додола» родственно литовскому «Дундулис» (эпитет Перкунаса) и передает раскаты грома. А слово «пеперуда» (буквально означающее «бабочка»), «Преперуна» образовано путем удвоения корня в имени Перуна. К тому же девушку в обряде мог заменять обвязанный зеленью парень. В XVIII в. он именовался «краль Перун», позднее же — «прпац», а его спутники — «прпоруши». Иногда (у сербов) додол было шесть, а две главные звались Додол и Додолица. То есть, Перун и его супруга считались и громовниками и растительными духами. Заметим также: додола — обычно девушка, а не зрелая женщина, подобная Ладе.

А как обстоит дело у других индоевропейцев? Гера, ревнивая и гневная супруга Зевса, громовницей не считалась, зато имела хтонические черты: коснувшись земли, породила без мужа чудовище Тифона (или же его родила сама Гейя-Земля). Однако римская Юнона была богиней войны и имела прозвище Фульгура («Молниевеержица»). Античные философы считали Геру-Юнону воплощением воздуха или земли (небо и небесный эфир олицетворял Зевс). Балты почитали богиню-громовницу Перкунателе — мать или супругу Перкунаса. А мать Тора именовалась Ёрд («Земля») или Фьергинн (имя, родственное имени Перуна).

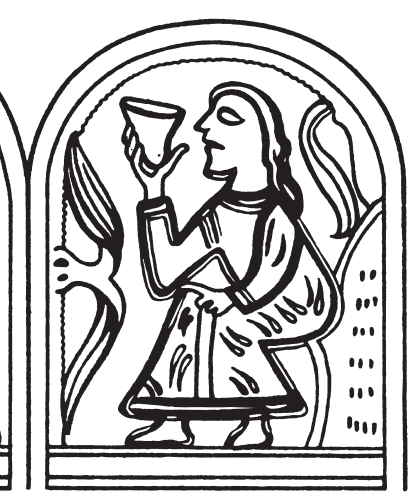
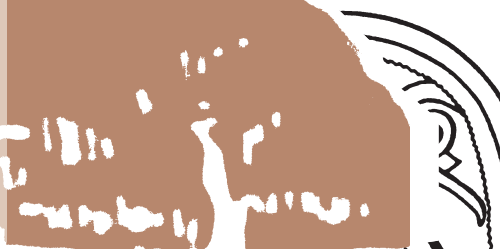
Не удивительно поэтому, что в других ликах супруги Перуна преобладают черты громовницы. 22 июля, через

два дня после дня Громовника, отмечается день Марии Магдалины, которую сербы зовут Огненной Марией. В песнях она с Ильей и Пантелеем (языческими Перуном и Стрибогом) нещадно карает грешников, при этом Илья разит громом, а Мария сжигает все молнией. Она считается сестрой Юрия и Ильи (подобно Гере — сестре Зевса). В русской сказке выступают Царь Огонь и Царица Молния (Маланьница). Они сжигают стада царя Змиуллона, который прячется от них в дереве. Здесь Громовник и Молниевеержица вместе борются со Змеем — давним врагом индоевропейского Громовержца. В русских заговорах тоже фигурируют Царь Гром и Царица Молния.

В матриархальном энеолите дождь считался материнским молоком двух небесных богинь (матери и дочери). Об этом говорят трипольские сосуды с изображением четырех грудей и трипольские же «бинокли», через которые лили на землю жертвенные напитки, изображая дождь, текущий из грудей богини. (Вспомним также миф о Млечном пути — молоке Геры). Очевидно, обе богини считались громовницами. Жена Перуна — не мать Мира. Это богиня нового поколения, такая же воинственная, как ее братья — Сварожичи и сестра Морана. В войны людей она, правда, не вмешивается, зато нечисть бьет и грешников карает не хуже своего брата-супруга. Но при этом остается ему послушной женой, молящей мужа о дожде для людей, — вполне в духе новых, патриархальных порядков.

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

Мы познакомились уже с тремя младшими богинями: Мораной, Лелей и Летницей. Судя по всему, они — дочери Лады и сестры своих мужей — трех Сварожичей. Очевидно, они и есть три сестры Егория, принявшие в плену у Демьяница (Чернобога) «древесно-звериный» облик. Они же, наверняка, три подземные царевны, добытые Зоревиками. Если золотая царевна — Морана, то серебряная, скорее всего — Летница (вспомним серебряную голову Перуна), а медная — Леля. Что же до отца трех богинь, то это, вероятнее всего, тот же Сварог.

Мара — губительница Перуна

*(Марья Белая Лебедь, Авдотья
Лиходеевна, Маринка, Середа)*

У Перуна была и другая супруга — злая колдунья из нижнего мира, которая несла ему лишь несчастья. Ее языческое имя в точности неизвестно. Предположительно оно было связано, как и у Мораны, с корнем «мар/мор». Поэтому условно назовем ее Мара. Это слово у славян означает при-

видение, а также злого духа, давящего людей во сне (родственно фр. *cauchemar*, «кошмар», англ. *nightmare*). Сродни ей кикимора (мара, маруха) — злая домовиха, связанная также с болотом. Лужицкая Мара, впрочем, добрая богиня (Морана?).

Индоевропейские корни *пег/пог* и *тег/тог* связаны с плодородием, мужской силой, водой (морем) и в то же время со смертью. Отсюда целый ряд мифологических имен и названий: Марс (Маворс, Мармар, Мамурий, Мамерк и др.) — итальянский бог войны и плодородия, Нерио — его жена, богиня любви и войны; Норея — богиня плодородия и воды у племени нориков (на верхнем Дунае); Нерта — германская богиня воды и земли; Ньёрд — бог моря, отец божеств плодородия Фрейра и Фрейи; инд. *para-ka*, тохар. *pare* — «преисподняя» (ср. славянское «нора»). Словом, корни эти охватывают нижний, подводно-подземный мир во всем его многообразии: мир жизни и смерти, куда ложится зерно и уходят покойники, откуда вырастают-воскресают растения, спасая от голода крестьянина и его скот.

Миф о Перуне и Маре хорошо сохранился в былине о Михайле Потыке. Архангела Михаила народ считает громовником, а «потык» означает «птица» — древнерус. «потька»). Крылатый (позднее — герб Киева) архангел мог ассоциироваться с орлом или вороном — птицами Перуна.

Герой былины, собирая дань, встретил царевну Авдотью Лиходеевну (Марью Лебедь Белую) — язычницу и колдунью. Они поженились, и Марья взяла с Потыка клятву: уйти в могилу только вместе. Вскоре она умирает, и ее хоронят в обширной могиле вместе с Михайлой и его конем. Под землей Лиходеевна превращается в огромную змею, и Потык ее убивает. Либо появляется змей, богатырь одолевает его, воскрешает жену и выходит с ней на белый свет.

Примечательны календарные сроки всех этих событий. Потык встречает Марью весной, уходит с ней в могилу осенью (в начале сбора дани), а выходит весной, на Пасху. Не случайны и имена героини. День Авдотьи (Евдокии) — 1 марта (чешские Летницы). Лебеди прилетают весной. Эти птицы связаны с нижним миром: ночью Солнце плывет под землей в ладье, запряженной лебедями.

Но злоключения влюбленного богатыря только начинаются. Его жену похищает чужеземный царь Ивано Окульевич (или Ахрамей). Трижды Потык догоняет похитителя, возвращает Марью, и трижды она опаивает его вином с зельем, а затем губит: хоронит живьем, превращает в камень, распинает в подземелье. В первый раз Михаила спасают другие богатыри, во второй — св. Николай, в третий — Анастасия, сестра похитителя. Только после этого богатырь убивает Марью и ее любовника и женится на своей спасительнице.

Былина весьма напоминает и «Марью Моревну», и «Ивана Годиновича». Совпадают даже имена героини (Ма-

рья, Настасья) и похитителя (Ахрамей). Царь-девица тоже носит подобные имена (Анастасья, Белая Лебедь). Быть может, данная былина — еще один вариант мифа о Дажьбоге и Моране? Но против этого говорит имя главного героя, не солярное, а грозное (Михаил), совершенно отсутствующее в купальных песнях.

Между тем к былине о Потыке близок иранский миф о Кересаспе. Этот воитель, напоминающий Геракла и вообще индоевропейского громовника, всюду крушил палицей драконов и других чудовищ. Но персидская колдунья Хнантаити погрузила его в чародейный сон. Герой пробудится лишь тогда, когда наступит конец света и змей Ажи-дахака вырвется из оков. Победить же его сможет только Кересаспа. Вспомним также чеченского Пирзона, громовника, погубленного ведьмой.

Космический цикл в мифологическом мышлении уподобляется годовому. Так, создание мира соответствует весне. Эпоха всеобщего упадка — зиме. А конец света и его обновление (через космическую битву) — началу весны. Поэтому, например, поединок со змеем — это и битва изначальных времен, и ежегодное весеннее сражение, и будущий эсхатологический бой. И не столь важно, бьется ли сам Громовник или его земное подобие — сын, герой, богатырь, святой.

В XIII—XIV вв. в Болгарии сложилась легенда о святом Михаиле из Потоки. Своим именем он был, видимо,

обязан герою русской былины. Однако в житии болгарского святого использован совсем другой, но тоже змееборческий сюжет: герой, подобно Георгию или Персею, спасает царевну от змея. (Георгий у русских также считался громовником).

Потыка хоронят в большой яме — комнате, перекрытой деревом, с женой и конем. Это напоминает древнерусские (а также скандинавские и великоморовские) дружинные погребения IX—X вв. Но на Среднем Днепре такой обряд был распространен у скифов-пахарей, а зародился здесь еще раньше, когда праславяне чернолесской культуры под влиянием киммерийцев стали хоронить своих знатных воинов в деревянных гробницах, иногда с конями.

В скифо-сакском мире такие погребения распространены от причерноморских степей до Алтая (Пазырык). На Днепре они исчезли с падением Великой Скифии. И вдруг в I в. н. э. сарматы, обосновавшись на Руси и Тясмине (в бывшем главном царстве скифов-пахарей), принялись хоронить своих воинов (вопреки собственным обычаям) в деревянных склепах. Такие же склепы встречаются здесь в II—V вв. (Черняховский могильник), после чего исчезают до X в.

Будто духи знатных скотов снова и снова вселялись в хозяев древней земли! Как вообще могла сохраняться у бесписьменных народов почти 2000 лет память о погребальном обряде? Только в мифе. Мифе о гибели и воскресе-

сении Громовника — бога знатных воинов, иранских и славянских. Лишь у иранцев и славян он и прослеживается и, видимо, был заимствован вторыми от первых не позже скифского времени.

Древние уподобляли смерть царя концу света — мировому пожару, гибели богов. Потому скифы (лесостепные и степные), саки и русы X в. поджигали и даже сжигали деревянные гробницы своих царей и князей. Но за гибелью следовало возрождение — приход нового царя. Славяне, как уже говорилось, тоже знали миф о гибели Громовника в битве с Чертом перед мировым пожаром. Но в «календарном» варианте мифа финал оптимистичнее: незадачливый бог четырежды воскрешает и, наконец, обретает достойную супругу. Это, несомненно, Летница-Громовница (в былине — Анастасия).

Что же до похитителя, то его солярное имя (Иван Окульевич) может намекать на какой-то конфликт Перуна с Дажьдбогом из-за Мары. Но, судя по другому его имени (Ахрамей), это тот же Кощей-Чернобог. Не скрывается ли за христианизированным именем Ахрамей (Варфоломей) иранский Ахриман?

Весьма близка к былине о Потыке былина «Добрыня и Маринка». Добрыня (также змееборец) влюбляется в распутную колдунью Маринку, а та превращает его в златорогого тура. Богатыря спасает лишь его мать-волшебница, пригрозившая обернуть ведьму «сукою-волочайкою».

Еще один фольклорный вариант мифа, возможно, отражен в романе А. А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Этот незаслуженно забытый писатель-мифолог «серебряного века» в 1930-х гг. оказался в дебрях Вольни, где и создал роман — настоящую энциклопедию народной мифологии. В нем болотная чертовка Марыська выгоняет из реки водяного, а потом, найдя на дне ее древний идол Перуна, объявляет себя женой низвергнутого бога. Роман привлек внимание В. Н. Топорова.

«Волховская коровница», к которой, по новгородской легенде, летал спать змей-Перун, вероятно, тоже Мара, связанная с нижним миром. У латышей Маря — богиня коров.

В. В. Иванов, В. Н. Топоров и их ученики восстановили миф о Громовнике и его неверной жене. Эта жена принадлежит нижнему миру, имя ее связано с корнем точ/теч-. Она изменяет Перуну со Змеем. У нее рождается девять сыновей. Узнав об измене, Громовник молнией сжигает ее дом, и в огне гибнут все дети, кроме одного — настоящего сына Громовержца.

Миф этот восстанавливается в основном на балтском и восточно-романском материале. Так, по литовскому преданию, Дундулис (т. е. Перкунас) сжег детей Лаумы — богини-ведьмы, подобной Яге. Напоминает Ягу и румынская Жоймэрица (олицетворение пасхального четверга). Она приходит с мертвецами к костру, но убегает, услы-

шав, что ее дом горит; боится ритуального огня, но карает огнем плохих прях.

У славян же следы этого мифа, возможно, сохранились в образе святой Середы. Ей, в отличие от Параскевы-Пятницы и Анастасии-Недели, не соответствует какая-либо православная святая. Середя, подобно Пятнице, помогает пряхам, но карает за прядение и другие женские работы в свой день. В украинских поверьях она — мать 12 дочерей, в ночь на среду ходит голая и прядет (подобно Макуше) брошенную Кудель. У болгар Середя — в черной или белой одежде, с большими зубами. Она нещадно наказывает женщин за работу в ночь на среду, но от нее можно спастись, крикнув: «На море Серединские дети погорели!». Тогда гневная богиня побежит спасать своих детей. Украинцы говорят: «Середя — дівка, а П'ятниця — жінка». Есть также выражение: «Кривится, как Середя на Пятницу». Иначе говоря, Середя моложе Пятницы (Лады-Мокоши) и враждебна ей.

Самое же интересное в том, что в астрологической системе (следы которой у славян мы уже не раз отмечали) среда посвящена богу магии и мудрости — вавилонскому Набу, иранскому Тиру (Тиштрии), римскому Меркурию, германскому Водану. Лишь у славян среда — день женского божества. А также у восточных романцев и иранцев (таджиков).

Романская Майка Мьеркуръ (Мать Среда) считается хозяйкой зверей и птиц и именуется «носителницей вод»

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

и «вилами земными» (на которых держится земля). Таджикская Биби-Чор-Шамбе (Госпожа Среда) обитает в пещере и охотно помогает людям, но строго запрещает пряхам работать в среду и пятницу. Эти две богини, особенно Мьеркуръ, близки к скифской Апи-Змедедеве — богине земли и хозяйке животных.

Кто же такая Середя? На добрую Лелю она совсем не похожа. Черт громовницы, как Огненная Мария, не имеет. Но она и не зла — скорее строга, как Пятница-Мокоша, которую отчасти дублирует. Возможно, в образе Середы слились черты Мары и скифо-славянской Великой Богини (Апи, Лады-Мокоши).

Происхождение Мары неизвестно. Скорее всего, она из рода Чернобога. Роду Белбога она несет лишь зло. Она не воительница, подобно Яге. Но лишь Мара может одолеть, хоть на время, непобедимого Громовника — женскими чарами, коварством и хмельным питьем. Впрочем (сходно по Середе), и она не чужда добра.

Дзевана — лесная охотница

(Девана, Дзивица, Дзевая).

По свидетельству Длугоша, весной топили изображения не только Маржаны, но и Дзеваны — богини лесов, подобной Диане. Как уже сказано, в Лейпциге еще в XVIII в. публичные женщины топили Маржану и Дзевану, дабы охранить город от женского бесплодия и мора. Эта лесная богиня имела черты и растительного духа: растение коровяк по-поль-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

ски *dziwana*. В «Матер верборум» Девана, дочь Перуна и Летницы, соответствует Диане.

Иначе говоря, Девана — племянница Мораны, сестры Дажьбога, Перуна и остальных Сварожичей. Здесь мы снова видим пару из двух богинь, старшей и младшей. Обе они связаны с растительностью и плодородием, только Морана — богиня земледельческая, а Дзевана — охотничья.

В обрядах, описанных этнографами XIX–XX вв., Дзевана, однако, уже не встречается. Но она сохранилась в образе Дзивицы у лужичан. Это — красивая молодая охотница с луком и собаками, появляющаяся в полдень или лунной ночью.

Дзеване, возможно, тождественна Дзевая — белорусская богиня девичества, расставание с которой оплакивали невесты перед свадьбой, о чем сообщает Древлянский.

Вероятно, к Дзеване и имеет отношение эпизод в легенде о монастыре на Свентокшиской Лысой горе, записанной в XVI в. На горе будто бы стоял замок некоей госпожи, которая победила Александра Македонского, от того возгордилась и велела называть себя богиней Дианой. Бог в гневе разрушил замок молнией, и на горе возникло святилище божеств Ладо, Боды и Лели.

Как уже показано, в Александре славяне усматривали Дажьбога. Быть может, за легендой скрывается миф о конфликте Дзеваны с Дажьбогом и вмешательстве в него Перуна? Во всяком случае, речь идет о смене культа другим.

Богиней древнегреческих амазонок была Артемида-Диана, и их представляли со щитами в виде полумесяца. Не была ли Девана (наряду с Мораной) покровительницей амазонок, укрепившихся, согласно легендам, в пражском Вышеграде и словацком Девине? И не было ли подобных легенд в Польше?

Легенды и слухи о племени, будто бы состоящем из одних женщин (как правило, воинственных), распространены по всему миру. Только вот этнографам такие женские племена нигде не встречались. В реальной жизни женщины-воительницы появляются там, где из-за частых войн погибает много мужчин. Кроме того, могли существовать небольшие общины приверженцев матриархального культа богини, где женщины были и жрицами, и охранниками святилища. А вести жизнь воинов богини могли, разумеется, главным образом девушки, полные сил и не обремененные семьей.

В Девине, по словам венгерского хрониста XIII в., почиталась богиня Дева. «Замок Дианы» на Лысой горе — это окруженное валами святилище раннего средневековья. А на Девичь-горе в устье Роси раскопан жертвенник начала нашей эры в виде очага с углублениями (по числу месяцев беременности). Его окружал могильник. Здесь могли почитаться и богиня-мать (Лада), и богиня смерти (Морана), и богиня-дева (Девана). Или же божество, сочетавшее черты их всех. Матриархальная богиня луны могла быть одновременно девушкой, женщиной и старухой, олицетворяя три лунные фазы и три стадии жизни женщины.

Амазонские легенды (например, на Кавказе) связываются со всякого рода «Девичьими крепостями (горами)». Конец «девичьего царства» в сказаниях обычно наступает с приходом героя-мужчины (Геракла, Тезея, Арджуны, того же Искандера-Александра, Пржемысла и т. д.). Нередко в него влюбляется царица амазонок, и их роман кончается либо ее гибелью, либо свадьбой. «Девичья война» в Чехии закончилась, по преданию, тем, что воины Пржемысла переженились с амазонками.

Мифологическую суть таких легенд хорошо раскрывает записанная на Смоленщине «Сказка о девичьем и мужичьем царствах». В ней мужчины и женщины живут двумя отдельными «царствами», не ведая о любви и браке, покуда не встретились однажды мужик с девкой и не полюбили друг друга... Для патриархального мифа амазонство — «доисторическое», изначальное, неестественное состояние, которое должно смениться нормальным, т. е. патриархальным.

Девана — самая младшая по возрасту из славянских богинь. Но образ ее — весьма древний. Еще на трипольских сосудах изображалась лучница с кошачьей головой. На кошке ездит германская Фрейя. Литовская богиня счастья Лайма именуется также Леле Менуле («лунная») и Медзюйна («лесная»). Хозяйка лесов и зверей, Девана, однако, резко отличается от еще более древней лесной хозяйки — Яги, старой, злобной, сеющей вокруг смерть и ужас. Молодая лунная охотница хорошо вписалась в мир земледельческих богов и семью Лады и Сварожичей.

Симаргл — крылатый пес

Богу Симарглу, входившему в пантеон «Владимира», решительно не везло с памятью потомков. Древнерусские книжники разделили его на богов Сима и Ргла. Мифологи XVIII в. обратили в «Зимцерлу» богиню весны и зари. В фольклоре его имя не сохранилось.

Исследователи давно предполагали в Симаргле иранского Симурга. Но доказать эту вер-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

сию на археологическом материале сумел лишь Б. А. Рыбаков.

Истоки этого образа — в трипольских изображениях крылатых псов, стерегущих посевы на небе. Имя же Симурга восходит ко времени арийского единства. В Ригведе птица, похитившая для Индры сому — божественный напиток, именуемая «шъена» («орел», «сокол», «ястреб»). В послеведической традиции ей соответствует Гаруда — огромная птица, на которой летает Вишну. А в иранской — птица саена (авест. []); в I тыс. н. э. произносилось «сэ-мурв», позднее «симург».

В зороастрийской мифологии саена-сэ-мурв — гигантская птица, стерегущая древо жизни. Она стряхивает с него семена всех растений, и те разносятся по свету. Саена имеет тройную природу (собаки, птицы и мускусного животного), обладает зубами и молочными железами, живет в пещере и ведет ночной образ жизни. Она создана первой из птиц и связана с потусторонним (духовным) миром.

У Фирдоуси Симург — громадная птица, живущая на мировой горе Альбурс, царь птиц, покровитель Рустама и воспитатель его отца Заля. В сказках типа «Трех царств» героя (соответствующего Зоревикю) выносит из подземного мира в земной исполинская птица. В сказках иранских народов (курдов, таджиков, памирцев, белуджей) она именуется Симург; в армянской сказке — «синама», в грузинском и осетинском эпосе о солнечном герое Амирани —

«пасконджи». В грузинском литературном языке «паскун-фии» — «грифон», в армянском «паскуч (паскудж)» — «гриф», «симуург». В сказках данного типа птица обычно враждует со змеем (от которого герой и спасает ее птенцов). Гаруда — враг змей-нагов, а на средневековых иранских клинках изображалась схватка Симурга с драконом. Общечеловеческий миф о борьбе орла и змеи означает противоположность небесного и подземного миров.

В иранском искусстве сэнмурв изображается с головой, парой лап и хвостом собаки, крыльями птицы и чешуей змеи (или рыбы), иногда с козлиной бородкой, с ростками на хвосте или плече или с процветшим языком. Из Ирана этот образ проник в Среднюю Азию и Европу. На фресках Пенджикента спутник Рустама — сэнмурв с головой льва. На болгарских сосудах IX в. из Надь-Сент-Миклошского клада изображены сэнмурвы с головами барсов, грифонов, рогатых львов, иногда с бычьими или конскими ногами и всегда — с процветшими хвостами. Словом, сэнмурв сочетает черты животных всех трех миров: небесного, земного и подземно-подводного. Недаром он обитает на мировом дереве или мировой горе.

В скифском искусстве подобные существа изображены на ножнах меча из Елизаветовских курганов на Дону, конском налобнике из Волковцев на Суле и бляхе из Семибратних курганов на Кубани. У всех них — пара лап хищника, крылья и чешуйчатый хвост. Первое существо (с головой

грифона и рыбьим хвостом) борется со змеей. У второго семь собачьих (или волчьих) голов, длинное чешуйчатое тело и рыбий хвост. Над ним — маска человека-льва. Третье имеет голову собаки или волка, козлиную бородку, крыло в виде головы грифона и змеиный хвост с головой утки на конце. А на навершиях из степных скифских курганов изображался «грифон-гиппокамп» с головой и лапами собаки (волка), гребнем на шее, крыльями, змеиным телом и хвостом рыбы.

Волковецкий налобник напоминает сцену на чаше IX в. до н.э. из Хасанлу в Иране: герой в львиной шкуре бьется с драконом о трех собачьих головах. В индоевропейских мифах чудовища часто многоголовы и имеют черты змеи, собаки, волка (Ажидахака, Кербер, волк Фенрир и т.д.). Львиную шкуру носит Геракл (греческий и скифский), тигровую (или барсовую) — Рустам. А злого Симурга побеждает у Фирдоуси Исфендиар, во многом повторяющий подвиги Рустама. Очевидно, волковецкое существо — злой дракон с чертами сэнмурва. А остальные — добрые Симурги (особенно елизаветовский змееборец). Глиняные фигурки крылатой собаки (сэнмурва) и птичеловека (Гаруды) найдены на Бельском городище.

У скифов образы сэнмурва, грифона и дракона как бы переходят друг в друга. Это не прихоть художника. Все эти существа призваны соединять три (или хотя бы два) вертикальных мира. В мире мифологических зверей идет та же

борьба, что и в мире богов: чудовище стремится завладеть всеми тремя мирами, но ему противостоит добрый чудо-зверь, которому доступны все эти миры.

В скифской космологии хищные птицы символизируют верхний мир, копытные животные — средний, хищники — нижний. У скифских же чудо-зверей, описанных выше, преобладают черты существ верхнего и нижнего миров. Скифы противопоставляли эти два потусторонних, загробных мира земному миру жизни. Именно с потусторонним (духовным) миром связан зороастрийский сэнмурв (саена).

У античных авторов грифоны иногда имеют черты волка или собаки («безгласные псы Зевса», по Эсхилу). Грифоны с чертами собак есть в древнем и средневековом искусстве Средней Азии. Крылатые собаки встречаются в легендах Средней Азии, Алтая и Хакасии. Все это подтверждает, что образ собако-птицы — общеиндоевропейский.

У славян изображения сэнмурва-Симаргла впервые появляются на преславской диадеме X в. Симарглы с головами барсов, грифоны и крылатые барсы сопровождают здесь Александра (Дажьдбога), летящего на грифонах. Особенно часто встречается Симаргл на древнерусских подвесках-колтах и русальных браслетах XII—XIII вв. В этих украшениях плясали на языческих русалиях княжны и боярышни. Хвост, крылья, язык Симаргла изображаются здесь процветшими или перерастают в растительную плетку. Иногда он имеет голову грифона или барса.

Древнерусский Симаргл крылат, однако связан не с небом, а с плодородной почвой. На браслете из Твери, на сербских и украинских книжных миниатюрах XII—XVI вв. Симарглы находятся у корней древа жизни, вырастающего из их тел. На металлический арке XII в. из Вщижа они изображены ниже птиц, символизирующих движение солнца, и выше ящеров — хозяев нижнего мира.

На браслете из Старой Рязани хвосты Симарглов перерастают в древесные корни. А на тверском браслете Симаргл вырастает из земли подобно дереву. Плясунья—русальница с рогом в руке держит его за крыло. Это позволило Б. А. Рыбакову отождествить Симаргла с загадочным богом Переплутом, поклонники которого (согласно антиязыческим поучениям), вертятся в танце, пили из рогов. Переплута исследователь усматривает и в изображениях птиц с мужскими головами в колпачках. На браслетах тела их, как и у симарглов, перерастают в корни или растительную плетку. На рельефах Георгиевского собора в Юрьеве-Польском у них — спирали на груди и процветшие хвосты.

Со спиралями (знаками солнца) и чешуйчатыми телами изображены (подобно семибратненскому сэнмурву) симарглы на воротах собора Рождества Богородицы в Суздале (XIII в.). Сэнмурвы со спиралями на крыльях известны и в венгерском искусстве X в. А на крыльях «переплотов» на старорязанском браслете — солнечные косые кресты. Эта связь Симаргла одновременно с землей, растительно-

стью и солнцем заставляет вспомнить Ярилу или Диониса (отождествлявшегося с подземным солнцем). А в Бельке (Гелоне), где найден глиняный сэнмурв, ираноязычные будино-гелоны почитали «Диониса Гелонского».

В древнерусском искусстве, как и в скифском, очень близки образы Симаргла-сэнмурва и дракона. В средневековом искусстве Запада и Руси дракон (например, на иконах св. Георгия) имеет собачью (волчью) голову, длинное тело змеи, крылья и пару лап хищника. Но у собакоголового «дракона» на капители XII в. из Чернигова процветший хвост перерастает в плетенку. У драконов на рельефах Георгиевского собора — процветшие хвосты и сплетенные узлом тела, иногда — борода (как у скифского и иранских сэнмурвов). На суздальских вратах и у драконов, и у симарглов чешуйчатые тела и собачьи головы; у драконов также процветшие хвосты, иногда борода, на крыльях — ростки или спирали.

У южных славян, как уже говорилось, добрые драконы-громовники бьются со злыми — водными. На древнерусских хоросах (церковных люстрах, символизирующих солнце) изображаются драконы и грифоны, а на ростовских резных наличниках XIX в. собакоголовые драконы охраняют солярный знак. Среди чудо-зверей георгиевских рельефов есть «грифозмей»: передняя часть тела грифона, две лапы, процветший змеиный хвост, на груди — солнечная спираль. Он напоминает скифского «грифона-гиппокампа»,

тоже солярного: этот зверь изображался на навершиях там же, где в других случаях выступает Аполлон-Гойтосир, грифон или просто солярный знак.

Итак, уже в общеиндоевропейской мифологии было крылатое существо — змееборец, связанный с плодородием, растительностью и всеми тремя мирами. В общеиндоиранской мифологии оно выступало в трех образах — гигантской хищной птицы, крылатого пса и птичеловека. У иранцев (и греков) это существо слилось с ближневосточным грифоном, у скифов — также с драконом. Отчасти слились у скифов и образы грифона и дракона. При этом древний крылатый персонаж у иранцев раздвоился на благого небесного змееборца и злое небесное или подземное чудовище.

К славянам от иранцев проникли позитивные образы дракона, грифозмея и сэнмурва, связанные с растительным плодородием и солнцем. Произошло это задолго до X–XIII вв., когда эти образы материализовались у славян в золоте, серебре и камне. Персидские сэнмурвы, вероятно, повлияли на внешний облик славянских симарглов, но само имя (а значит, и образ) Симаргла заимствовано от северных иранцев (скифо-сарматское *mag* вместо персидского [*g*]). И не от сарматов (у них, как и средневековых аланов и осетин, крылатый пес не встречается), а, скорее всего, от будинов-гелонов скифского времени. На древнерусских украшениях грифоны чаще встречаются к западу от Днепра, симарглы — к востоку.

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

При этом на славянской почве Симаргл сильно изменился: стал лишь божеством земной почвы, приобрел более человекоподобный облик и чисто славянское имя Переплут. Но неизменной осталась его добрая суть стража и источника сил плодородия. Единственный из славянских чудозверей, он занял место в «пантеоне Владимира», среди верховных богов Руси.

Прове — бог правосудия

Племя вагров, обитавшее на востоке нынешней Голштинии, почитало бога Прове. Святилище его опекал Гельмольд, собственноручно это капище разрушивши. (Священник с епископом по-воровски подожгли святиню, когда в ней никого не было: славяне даже не охраняли ее, не ожидая ни от кого в мирное время такого

кошунства). Несколько дубов среди заповедной рощи окружала ограда. В ней по вторникам князь и жрецы вагров вершили суд.

Идола в святилище вовсе не было. Тем не менее внешний вид Прове описан Бото. Бог был с длинными ушами, в короне и сапогах, в руках держал знамя и красный *roveysse* («железо испытания»), — атрибут «божьего суда». Последний состоял в том, что обвиняемый должен был удержать в руках раскаленное железо (например, сошник). Позднейшие авторы и иллюстраторы превращали этот предмет в щит или сошник. «Божий суд» такого рода больше свойствен германцам, чем славянам, но ведь вагры жили на самом западном краю славянского мира.

В скудных сведениях об этом боге много загадочного. Имя его, очевидно, означало «право» или «правый», Он, безусловно, был богом правосудия. Корона — знак власти. В то же время знамя — скорее атрибут воина. А длинные уши — черта животного (волка? собаки? копытного). Она естественна для лесного бога. Что означали сапоги, не ясно.

Исследователи не редко отождествляют Прове с Перуном. В печатных изданиях Гельмольда имя бога передается как «Проне», но это скорее поздняя описка. Существеннее то, что дуб — священное дерево Перуна. Грозный бог-воитель, хранитель клятв и каратель преступников, вполне мог стать богом права и суда, покровителем испытания, связанного с металлом и огнем.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

С другой стороны, вторник в астрологической системе — день планеты Марс и бога войны. В поэме Низами «Семь красавиц», построенной на астрологической символике, Марсу посвящены красный цвет и народ славян — бесстрашных воителей. Как показано выше, с Марсом западные славяне отождествляли Дажьбога-Ладо, а с планетой Марс — его смертоносную ипостась. Быть может, Прове — это Дажьбог? Тем более, что хранителем справедливости и закона у славян считался в первую очередь Дажьбог-Солнце. Тогда корона Прове может быть лучистым венцом Солнца, а длинные уши бога — собачьими или оленьими (вспомним Ивана Сучича или Златорого оленя, рождающегося на Рождестве у болгар). А раскаленный сошник как средство испытания напоминает пылающий небесный плуг Колакская.

У других славян, кроме вагров, Прове неизвестен. Но этот, казалось бы, чисто племенной бог, не выпадает из общеславянского пантеона, считать ли его Перуном или Дажьбогом.

Ругевит и Поревит — боги лета и зимы

В Коренице на Руяне стояли храмы трех богов — Ругевита (Руевита), Поревита и Поренута. Ругевит имел семь лиц; у пояса же семь мечей, а восьмой — в руке. Он почитался как бог войны («Марс»), а в его святилище вместо стен служили пурпурные занавески. Поревит имел пять голов и был безоружен. О Поренуте (видимо, Велесе — праотце богов) уже

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

говорилося. В саге о Книтлингах эти три бога именуются Рунвит, Пурупит и Пурувит.

По остроумной догадке историка XIX в. К. Швепка, семь голов и семь мечей Ругевита означают семь весенне-летних месяцев (с марта по сентябрь), а пять голов Поревита — пять месяцев осенне-зимних (с октября по февраль). Поэтому первый бог активен и воинствен, а второй пассивен.

Киевский археолог Н. А. Чмыхов на большом материале доказывал, что племена бронзового века (в том числе и праславяне) придавали особое значение периоду от весеннего до осеннего равноденствия, охватывавшему все основные сельскохозяйственные работы. Во II—I тыс. до н. э. этот период включал семь знаков зодиака, от Тельца до Скорпиона. Именно с этим исследователь связывает семичастные композиции на керамике того времени. В частности, на селище Таценки тшинецкой (праславянской) культуры найдено пряслице (глиняный кружок, надевавшийся на конец веретена) с семью выступами. На выступях этих изображены те самые семь созвездий!

Имя Ругевита, видимо, родственно чеш. *řugny* — «жаркий» и означает «жаркий (солнечный) свет». Возможна также связь с названием месяца сентября (церковн. «*руень*», серб. «*rujan*») или октября (чеш. *říjen*), если седьмой и восьмой мечи бога соответствуют двум этим месяцам. «Поревит» же может означать просто «следующий за Ругевитом» (ср. Лель и Полель). Или же быть связанным с чеш. *pora* — «зима», рус. «пора».

Датчане, разрушавшие в 1168 г. кореницкие храмы, потешались над тем, что борода Ругевита была засижена ласточками. Вряд ли, однако, славяне ленились чистить своего бога. Скорее, ласточек не сгоняли с изваяния бога весны, потому что это были священные весенние птицы. Украинцы встречали весну нося чучело ласточки.

Если верить саге о Книтлингах, кореницкие боги творили такое «чудо»: когда мужчина с женщиной совокуплялись перед ними, то не могли разъединиться, пока не покидали священный город. Не приняли ли, однако, христиане за чудо обряд, связанный с магией плодородия? Обряд, по современным понятиям, безнравственный и непристойный. Но, однако же, не сравнимый с порнографическим шоу. На святки, например, у восточных славян ряженые валяли вместе парней и девушек, заставляли девок целовать в «срамное место» парня, изображавшего мертвеца, и т. д. А после сева супруги совокуплялись прямо на поле — ради хорошего урожая. Все это делалось не в угоду животным инстинктам и не ради наживы. А чтобы обеспечить, как искренне верили люди, благополучие семьи или общины. Во имя этого они делали то, что в обычное время считалось грехом и стыдом.

Поздний саксонский хронист Д. Хитреус сообщает, что в Юлине (Волине) до 1170 г. почитались боги Харвит и Баровит, соответствующие Марсу и Меркурию. Это, несомненно, Яровит и Поревит. Воинственный бог весны здесь

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

противопоставляется мирному (очевидно зимнему) богу торговли и магии.

Трудно отождествить Ругевита и Поревита с другими славянскими богами. Ругевит весьма близок к Яриле — Яровиту, но также и к Перуну и Дажьбогу — ко всем трем воинственным Сварожичам, происходящим в мир весной и несущим ему жизнь и обилие. Поревит отчасти напоминает Велеса — мирного бога колдовства и торговли связанного и с зимой (церковь, поставленная на месте капища Велеса в Ростове посвящена Богоявлению).

Но с Меркурием отождествлялся и чешский Зелу, т. е. Дажьбог-Радигост, рождавшийся зимой. А с Зему-Меркурием в славянской (чешской) астрологии соседствовал Смртонош-Марс (вероятно, другой лик Дажьбога). Быть может, Ругевит и Поревит — две ипостаси одного и того же бога (Дажьбога? Ярилы?): весенняя, воинственная и зимняя, мирная. Вспомним также пару богов на Збручском идоле: воитель Перун и мирный Дажьбог.

Так или иначе, два кореницких бога составляли диалектическую пару. А объединял их третий бог — Поренут, т. е. Велес, праотец всех богов.

Вся кореницкая триада — явление локальное. Ругевит и Поревит, помимо Руяна, видимо, почитались лишь в соседнем Волине. Но в этих образах отразились и общеславянские мифологические представления.

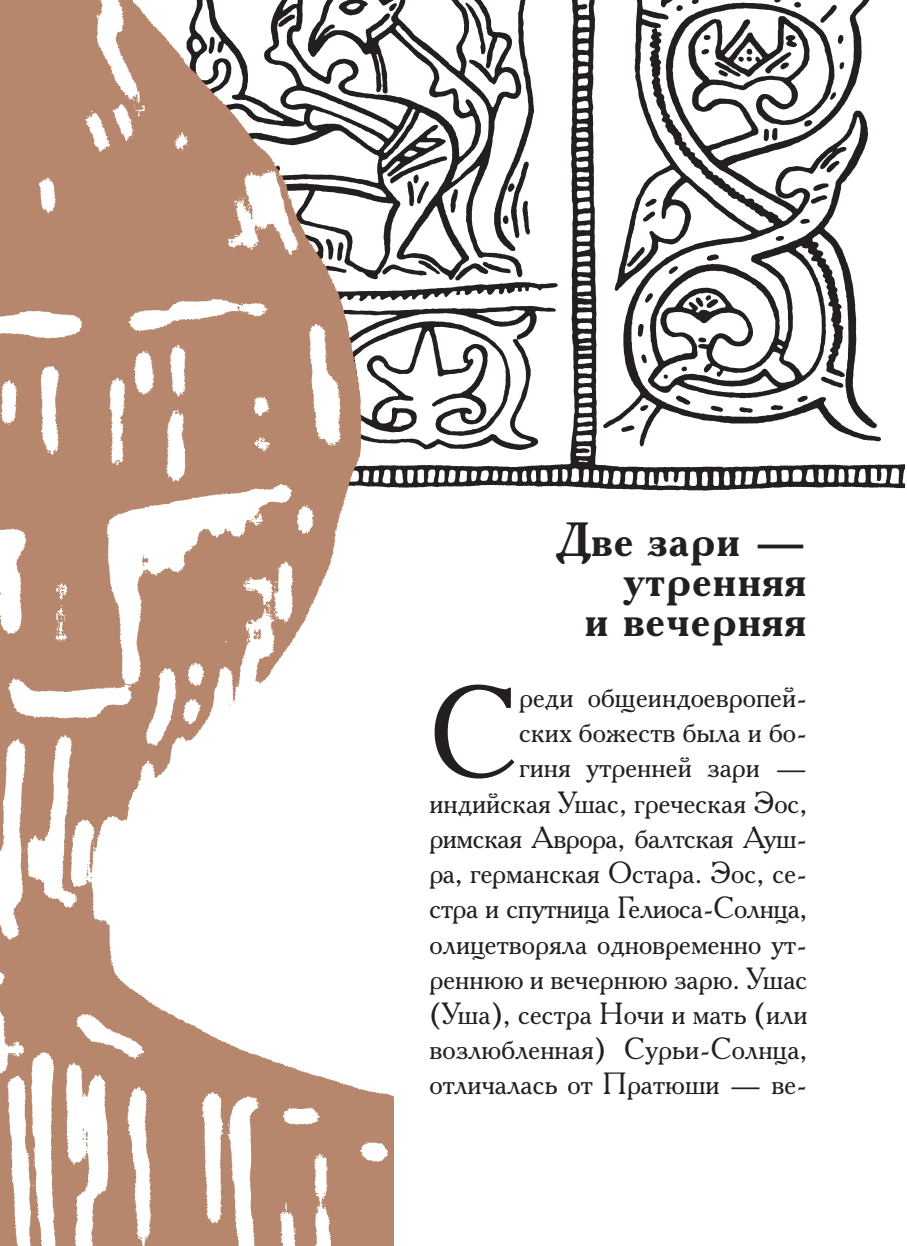
Курент — веселый бог

Курент известен только по славянскому фольклору. Этот веселый бог ходил со скрипкой или дудкой. Его игра может исцелить, а может заставить плясать. Он свистит в уши безнадежно влюбленным парням. Крадет у богачей еду и одежду и отдает беднякам. Одного человека он спас во время всемирного потопа, протянув тонувшему с неба виноградную гроздь.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

Курент связан со святками и масленицей. Словенцы и хорваты на Масленицу носили, поили, судили и казнили (топили, сжигали, закапывали, расстреливали) чучело. В Далмации его именовали Карнавал, в Славонии — Покладна баба, в Словении — Пуст, Соломенный муж или Курент. Курентами называли также масленичных ряженых. Они ходили в рогатых, уса­тых и длинноносых масках, с палками, к которым были привешены шкурки ежей. В болгарской легенде еж уговаривает Солнце не жениться, чтобы дети того не сожгли весь мир. Иранские же народы почитали ежа как борца со змеями. Среди курентов были «черт», «тур», «лошадь» и другие маски.

Связь Курента со святками и Масленицей, явная близость его к Маржаку-Масленику заставляет видеть в нем Дажьдбога. В то же время веселым и беззаботным нравом он скорее напоминает Ярилу. Возможно, на образ Курента повлиял Дионис — как античный бог, так и средневековый карнаваль­ный Бахус (известный, как уже сказано, и западным славянам).

Две зари — утренняя и вечерняя

Среди общеиндоевропейских божеств была и богиня утренней зари — индийская Ушас, греческая Эос, римская Аврора, балтская Аушра, германская Остара. Эос, сестра и спутница Гелиоса-Солнца, олицетворяла одновременно утреннюю и вечернюю зарю. Ушас (Уша), сестра Ночи и мать (или возлюбленная) Сурьи-Солнца, отличалась от Пратюши — ве-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

черней зари. У балтов было и мужское воплощение зари — Усиньш, бог-всадник и покровитель коневодства.

На миниатюре Хлудовской псалтыри XIII в. утренняя Заря — женщина в красном, с факелом и красным кольцом в руках; вечерняя же — в зеленом, с ящичком. Солнце движется от первой ко второй. Все это удивительно напоминает изображение из индийского пещерного храма Натик (II—III вв.): Уша зажигает Солнце факелом и пересылает светило Пратюше. Вспомним также Митру и его спутников-факелоносцев — Каута (в красном) и Каутопата (в зеленом). Они символизировали, помимо всего, утреннюю и вечернюю зарю. А изобразил славянский миниатюрист всю эту древнейшую языческую композицию для того, чтобы показать, как некий святой молится от зари до зари.

Утренняя Заря с кольцом в руке стоит на Збручском идоле рядом с Даждьбогом. Этот образ был известен и западным славянам. В гербе герцогов мекленбургских (бывших бодричких князей) фигурирует рука, держащая кольцо и ленту, или девушка с лентой. Герцог Прибыслав Пархимский (XIII в.) по словам хрониста, почитал эту девушку «совсем и совершенно как бога». Не удивительно, ведь в том же гербе выступали атрибуты солнечного Радигоста Сварожича.

Титмар Мерзебургский описал славянский обряд: пастух неся шест, увенчанный изображением руки, держащей кольцо, обходил дома и восклицал: «Бди, Генниль, бди!».

Уже в XIX в. онемеченные жители села Зебен у Зальцвеле (на нижней Эльбе) с теми же словами плясали вокруг срубленного дерева. Их соседи-древане, еще сохранявшие славянскую речь, на Благовещенье ставили срубленное дерево с железным петухом на вершине и плясали вокруг него. В селе Предель вокруг такого же дерева гоняли скот.

Этот Генниль, охраняющий скот, явно связан с солнцем, весной и утром (петух — вестник зари). Ушвас молили об изобилии скота, а Усиньш покровительствовал коням. Имя Генниля, по мнению А. Френцеля, звучало по-славянски как «Гонидло» — «погонщик (скота)». Оно напоминает также польское, словацкое и венгерское слово hajnal — «утренняя заря». У литовцев бог скотоводства именовался Гонилис.

Богом зари, вероятно, был первоначально и русский Овсень (Усень, Тайсень, Баусень и др.). Имя это родственно именам Усиньша, Ушаси, и т. д. В святочных песнях Овсень — воплощение Нового года. Он дарует изобилием и богатством, но распределяет их между людьми не поровну. Рубит сосну и строит мост, по которому едут три брата, три праздника — Рождество, Новый год и Крещение. Или же сам едет по мосту верхом на коне или свинье, напоминая этим как солнечных богов, так и германского Фрейра, бога солнца и плодородия, едущего на златошерстом вепре. Овсень не связывался прямо с утренней зарей, т. е. началом дня. Но он твердо связан с началом года. Потому его и просили дать благополучие на целый год.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

В народе к утренней и вечерней заре относились не одинаково. Их обеих почитали, заговоры произносили обычно на заре, оборачиваясь утром к востоку, вечером — к западу. Утреннюю Зарю называли Марьей, вечернюю — Маремьяной. (Очевидно, их языческие имена были сродни именам Мораны и Мары). Однако вечерней зари боялись, считали, что спящий в это время скоро умрет. Наоборот, на три или семь утренних зорь вставали посевные зерна, на одну — лучший моток пряжи. Верили, что от этого урожая будет обильным, а пряжа — хорошей.

В заговорах обе Зари обычно упоминаются вместе. Или же выступает только одна «Заря-зареница, красная девица». У зари или Зорь просили исцеления, защиты от оружия, а также хорошего урожая.

Зарю величали девицей, но, однако же, упоминали ее плачущее дитя. Или же прямо отождествляли «красную девицу» с Богоматерью. То есть с Ладой, рождающей на заре Зоревика-Дажьбога.

Казалось бы, заря — прекрасное явление природы, которым можно лишь бескорыстно любоваться. Славяне-язычники думали иначе. Заря прекрасна — значит, добра. А раз добра — значит, может помочь людям.

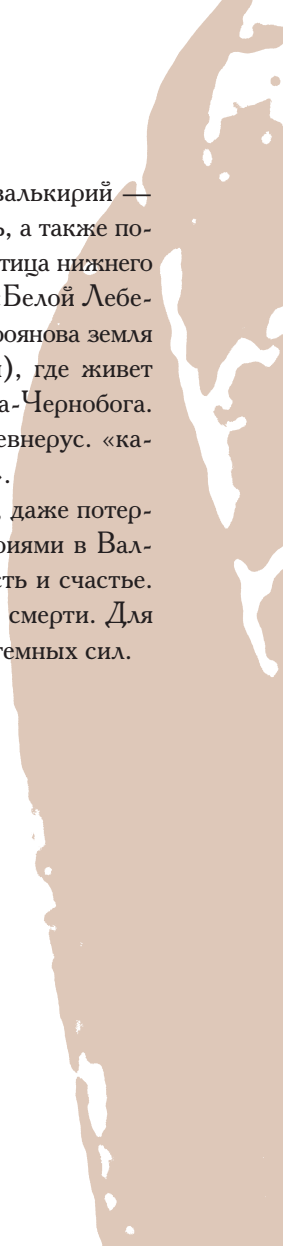
Обида, Карна и Желя — вестницы смерти

В «Слове о полку Игореве» поражение Игоревы войска и последующее вторжение половцев описываются как космическое бедствие. С дерева падает на землю зловещий Див-грифон. Плещет лебедиными крыльями дева Обида, неся Дажьбожьим внукам (русичам) горе и разорение. Скачут страшные всадницы Карна и Желя (Жля), с криком разбрасывая горящие угли из огненного рога.

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

Эти три богини напоминают германских валькирий — крылатых конных воительниц, сеющих смерть, а также подобных им южнославянских вил. Лебедь — птица нижнего мира, на лебедях ездит под землей Солнце. «Белой Лебедью» зовется Марья-Авдотья Лиходеевна. Троянова земля (у устья Дона, в глубине половецкой степи), где живет Обида — та же преисподняя, царство Трояна-Чернобога. Имена же Карны и Жели происходят от древнерус. «карити» и «желети» — «оплакивать умерших».

Для воинственного германца пасть в бою, даже потерпев полный разгром, и вознестись с валькириями в Вальгаллу («зал мертвецов») — высочайшая честь и счастье. Но славянам был чужд такой культ войны и смерти. Для них военное поражение — горе, торжество темных сил.

Царь Морской

В мифах многих индоевропейских народов выступает бог моря: индийский Варуна, индоиранский Апам Напат, греческие Океан, Нерей, Посейдон, римский Нептун, кельтские Лир (Нуаду) и его сын Мананнан, германские Ньёрд и Эгир. Обычно он — зрелый муж-колесничий или величавый старец, властный также над всеми земными водами. Все ре-

МАТЕРЬ ЛАДА И ЕЕ СЕМЬЯ

ки — его дочери. Он не зол, но суров, гневен и своенравен.

Жизнь праславян была мало связана с морем. Их территория выходила к нему лишь в польском Поморье, но и отсюда их часто оттесняли германцы и балты. Хотя Балтийское море в начале нашей эры именовалось Венедским, т. е. славянским. Лишь в раннем средневековье славяне обрели более широкий выход к Балтийскому, Черному и Адриатическому морям.

И все же в славянском пантеоне был и бог морей — Морской Царь. Его образ сохранился лишь в былинах о Садко. Герой этой былины — не только удачливый рыбак и купец, но и могучий волхв-шаман. Завороженный его игрой на гуслях, Морской Царь дает ему поймать трех чудесных золотых рыбок, и неимущий гусяр делается богачом. Он выходит на кораблях в море, но поднявшуюся бурю можно усмирить лишь человеческой жертвой. И Садко попадает на дно моря, в хрустальный дворец владыки вод.

От игры гусяра Морской Царь распялся, да так, что корабли начали тонуть, Садко прекратил игру — и море утихло. Тогда повелитель вод решил привязать его к себе, женив на одной из своих многочисленных дочерей. По совету святого Николы Садко выбрал красавицу Чернаву, однако ночью не стал овладевать ею. И проснулся... на берегу реки Чернавы.

Былинный Морской Царь могуч и величествен, но, приглядевшись, в нем легко узнать самого обычного водяного.

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

Тот тоже любит музыку и пляски, заставляет утопленников играть для себя и порой живет во дворце. С человеческими жертвами водяному этнографы не сталкивались, однако рыбаки на Онежском озере топили чучело в виде человека.

И все же Морской Царь — не просто «разросшийся» в поздние времена водяной. Есть у него и древние индоевропейские черты. Подобно Нерейю или Океану, он — отец рек. Его не представляли колесничим наподобие Посейдона, Мананна или Апам Напата. Но в жертву водяному приносили лошадей.

В мифологии восточных славян известны и другие цари. Так, лешими повелевает «лесной царь», домовыми и дворовыми — «дворовый царь». «Лесным царем», «водяным царем» могут величать и обычного лешего или водяного.

Морской Царь стоит, таким образом, на грани между миром великих богов и миром «боженят» — стихийных духов. А великие боги уже начинают теснить его. В былинах усмирить морского владыку помогает Садко св. Николай. Как уже указывалось, за ним, возможно, стоит Стрибог, также связанный с морем.

Боги и богини малоизвестные и вымышленные

О некоторых славянских богах и богинях, к сожалению, известно ничего или почти ничего, кроме имен и мест поклонения. Об их функциях, родственных связях, даже о значении их имен можно лишь догадываться. Таковы плоды истребления «просветителями» памяти о богах славян.

В хронике Вацлава Гаека говорится о почитании чешскими князьями и княгинями ряда богинь. Сведения его очень скупы и лишь немного дополняются чешским историком Я. Ф. Гаммермидтом (1659—1735). Следует заметить, что в легендарной истории Чехии большую роль играют вещие княгини, жрицы, амазонки. Вполне естественно и большое значение в столь матриархальной стране культов богинь.

Знаменитыми волхвинями были три дочери князя Крока: Кази — знахарка и прорицательница, Тетка — жрица и учредительница обрядов, Либуша — княгиня и пророчица, «сивилла чехов». Тетка основала священный город Тетин, а рядом, на горе Поглед — капище богини Климбы. На этой же горе жрица была погребена и на поминках по ней (в 9-й день) ее муж принес обильную жертву этой богине. Имя Климбы родственно слову *klimbati* — «дремать», «качаться». По Гаммершмидту, идол ее был каменный, в каменной короне, со щитом в левой руке и золотым копьём в правой. Очевидно, это была богиня сна, ночи (возможно луны) и войны. Не тождественна ли она Деване или Моране?

Богиня Дицея и бог Зеду помогли Пржемыслу, мужу Либуши одолеть амазонок Власты. Как уже говорилось, эта божественная пара может соответствовать Моране и Даждьбогу.

Князь Незамысл и княгиня Лидомира почитали богиню Красатину, соответствующую, как уже сказано, Красопани-Ладе.

Княгиня Банка узнавала волю всех богов через посредство богини Кигалы. Больше об этой вестнице богов ничего не ведомо.

Князь Вехослав из Клатова почитал богиню войны Кловину и поставил ей святилище с серебряным идолом-оракулом. О ней известно лишь по Гаммершмидту. Она также может быть ликом Мораны или Деваны (серебро — металл луны и загробного мира).

Княгиня Людмила, будущая крестительница Чехии, поклонялась богине Кросине. Эта богиня, чей золотой идол был перелит в статую Богоматери — также ипостась Лады (см. выше).

О божестве Бода, почитавшемся на Лысой горе в Польше вместе с ладой и Лелей, уже говорилось. Возможно, это — перенятый у германцев Водан.

Божество Подага имело свой храм и идола в Плуне, в земле вагров. Только это и сообщает о нем Гельмольд. Исследователи чаще всего отождествляют это божество с польской Погодой.

«Сага о Книтлингах» именует кореницкого Поренута «Турупит». Это напоминает эстонское божество «тарапита», о котором говорит хронист Генрих Латвийский (XIII в.). Последний, однако, не понял эстонского выражения «Тарарепа та!» — «Таара, помоги!» (карело-финский Тоора, Туури) — бог неба и грома. Не отождествляли ли с ним руяне Поренута? Или датский автор просто перепутал славянского бога с финским.

Та же сага говорит о боге Пизамаре, почитавшемся в Яс-мунде на Руяне. Это имя исследователи толковали по-разному: «Бесомир», «Бесомор», «Позмор» (т. е. бог моря), «Пегимир» («пекущийся о мире»). Не ясно, был ли это бог смерти (Чернобог?) или, наоборот, добрый бог, защитник людей от бесов. Вряд ли, впрочем, капище Чернобога могло существовать не в карпатской глуши, а на густонаселенном Руяне, недалеко от Арконы — твердыни Святовита. Скорее здесь можно предполагать какую-нибудь мрачную ипостась Дажьдбога.

Бог Годраг (или Гонодраг) почитался в Эверине (Шверине) у бодричей. Церковники велели славянам вместо него почитать св. Годегарда (руководствуясь, видимо, сходствами имен). Об этом сообщил продолжатель Гельмольда Арнольд.

Лужицкие историки XVIII в. Френцель и Кнаут утверждали, что в городе Цейц (южнее Лейпцига) славяне почитали богиню-мать Цицу (чеш. пол. и луж. *Сус* — «женская грудь», рус. «титька», укр. «цицька»). Ее храм здесь якобы существовал при Короле Великом. Лужичане, однако, называют Цейц не «Циц», а «Жич». А немецкая хроника XVI в. говорит о почитании Цицы в Аугсбурге и ее празднике 28 сентября, после жатвы.

Аугсбург лежит в Баварии, далеко от славянских земель. Его римское название — Августа Винделиков. Быть может, немец-хронист спутал славян-венедов с кельтами-ве-

неделями и перенес славянскую богиню за Дунай? Или, наоборот, лужицкие книжники перенесли к славянам чужой культ? Или же этот культ, как и некоторые другие, был общим для славян и германцев? Сама же Цица была, очевидно, одним из многих ликов Матери Мира.

Все рассмотренные до сих пор божества, по крайней мере, действительно почитались славянами. Но, к сожалению, по страницам популярной и неоязыческой литературы до сих пор странствуют «славянские боги», которых не почитал никто и никогда. Своим появлением они обязаны в лучшем случае домыслам поздних авторов, в худшем же — бессовестному обману.

В 1550 г. в Тюрингии была найдена полая бронзовая фигурка толстого голого человека. Внутри ее можно было залить воду, развести в нижней части огонь — и толстяк принимался с шумом извергать изо рта и отверстия в голове дым и пар. В 1561 г. историк Г. Фабрициус счел фигурку идолом, изготовленным хитрыми жрецами, и окрестил ее «Пустериком». Полтора века спустя А. Френцель принял этого «идола» за лужицкого бога «Быстрика». На самом деле «Пустерик» был механической игрушкой XV–XVI вв.

Г. Шпонгольд, фабрикуя своих «приллвицких идолов», наносил на них имена славянских и балтских божеств — Белбога, Радигоста, Живы, Прове, Перкунаса и др., а также римской Немезиды («Немиса» и германского Водана («Вода»)). Некоторых же богов литейщик измыслил сам.

Среди них Числобог (с полумесяцем на плечах), Чернитра (дракон), Ипабог (с охотничьей сценой на спине и большим фаллосом). Числобог, очевидно, бог времени, а Ипабог — охоты. Имя и внешность последнего явно говорят о знакомстве Шпонгольца со славянскими непристойными выражениями...

Числобог попал и в «Велесову книгу» Ю. Г. Миролюбова. Там же в качестве славянских богов фигурируют индийские: Индра, Шива (Сивый), Вишну (Вышень), Кришна (Крышень), Сурья, Дьяус (Питар Дый), Притхиви (Протева). Миролюбов по-дилетантски отождествлял язык и пантеон древних индийцев с общеиндоевропейским. Образы Сурьи-Солнца, Дьяуса-Неба, Притхиви-Земли, Индры-Громовника — действительно общеиндоевропейские. Но образы Шивы и Кришны сложились в основном уже в послеведические времена. В славянских же источниках все эти теонимы не встречаются (кроме Дыя и Индрика — Индры).

Особое место в «Велесовой книге» занимает Матерь Сва-Слава — огненная птица. Она воспевает победы русов, зовет их в бой, но может и опустошить мир огнем. Этот образ напоминает и русскую Жар-птицу, и Матаршвана — индийского Прометея. Но нигде, кроме «Велесовой книги» он, опять-таки, не встречается.

Древнерусские и общеславянские боги (Перун, Велес и др.) в «Велесовой книге» соседствуют с западнославян-

скими Триглавом и Святовитом. Кроме того, перечисляются десятки второстепенных богов, олицетворяющих месяцы года, явления природы и человеческие дела (Ледич, Лютич, Ягодич, Озернич, Мыслич, Гостич и т. д.). Они нигде не известны, кроме этой книги и «фольклорных» записей ее «открывателя» (и только его!). Другие «оригинальные» боги в книге хотя бы соответствуют известным славянским божествам: Заребог — Ютробогу, Землебог — вероятно, Велесу, Перуница — Летнице, Яробог — Яриле и др.

Следует отдать должное литературному таланту Юрия Петровича, его искреннему патриотизму и бескорыстию. Но изучать славянское язычество по «Велесовой книге» нельзя, как нельзя изучать кельтскую старину III в. по «Песням Оссиана», подделанным Дж. Макферсоном.

Среди украинских неоязычников популярны богини Слава и Дана. О богине Славе писал еще Ян Колар в XIX в. Дану же «извлекли» где-то в 1970-е гг. из гуцульского припева «Шиді-ріді — Дана» («Шиді-річка — Дана»). Предполагают, что Слава была богиней войны, а Дана — воды. Да, «Слава!» было боевым кличем запорожцев. А «Дана» родственно иранскому корню, don — («вода», отсюда «Дон», «Днепр» и др.), а также именам двух богинь: индийской Дану (матери демонов-данавов) и кельтской Дану (прародительнице племени полубогов). Но (в отличие от Лады, Лели и т. д.) Слава и Дана ни в каких письменных

БОЖЕСТВЕННОЕ РОДОСЛОВИЕ

или фольклорных источниках не выступают как богини и вообще человекоподобные существа. Так что существование таких богинь у славян — не более чем догадка.

Но, как видим, славянский пантеон достаточно богат и без сомнительных или вымышленных божеств.

Славянские боженята

Славянский Олимп, мир великих богов как бы покоился сверху на более обширном мире «боженят» — низших божеств. Не только в ученых книгах, но нередко и в народе боженят именуют «духами», хотя они, как правило, не бестелесные призраки, а существа из плоти и крови. Они даже не бессмертны и их можно убить. Порой их зовут богами и богинями.

Часто же (не без влияния христианства) — «нечистой силой», «нечистыми», хотя многие из них больше помогают людям, чем вредят.

Древнерусские авторы знали, что берегинь 7 или 9 сестер, а вил — 27 или 30 сестер. Обычно же боженят каждого вида — бесконечное множество, и они лишены индивидуальных имен. С великими богами у них порой довольно тесные связи. Великая Богиня может именоваться Берегиней или вилой Живой. Морана — предводительница русалок. Яриле (Георгию) служит волчий пастырь (разновидность лешего). Сатана (Чернобог) — повелитель чертей. Дружину Перуна составляют гарцуки. Месяц (т. е. Велес) — солнце и божество мира боженят, и они ему поклоняются.

Мир этот старше многих богов: образы леших, водяных, русалок, упырей и т. д. сложились еще у первобытных охотников и рыболовов. При этом он необычайно живуч. Церковники не сумели искоренить не только веры в боженят, но и их культа. Жертвы водяному или домовому приносились и в XX в. Более того: семья «нечистых» уже в христианские времена пополнилась «колокольным маном», обосновавшимся прямо на церковной колокольне, чуть ли не в самом храме нового бога! Да и в церкви нечистые могли устроить форменный шабаш: вспомним гоголевского «Вия».

По преданию, боженятами стали бесы, сброшенные с небес Богом при разгроме Сатаны: кто упал на дом —

стал домовым, в лес — лешим, в реку — водяным и т. д. Упырями, русалками, маковками и т. п. становятся люди, умершие «недоброй» смертью: утопленники, самоубийцы, некрещенные дети, злые колдуны и т. д. Домовыми же — предки хозяев дома. «Нечисть» охотно подменяла человеческих детей своими или забирала детей, проклятых родителями. Наконец, боженята интенсивно плодились, сходясь друг с другом и с людьми.

Отношение боженят к людям варьирует от доброжелательного до враждебного. Как правило, чем ближе к человеку обитает какой-либо дух, тем меньше он ему вредит и больше помогает. Наоборот, чем больше связан дух с миром дикой природы, а не со сферой культуры, тем он злее и опаснее. Наиболее злы черти, обитающие в болотах или под землей. В целом же боженята не так злы, как проказливы и мстительны. Элементарное уважение, скромные жертвы, соблюдение определенных правил — этого всего хватает, чтобы завоевать расположение большинства из них. Особо же зловредных можно и усмирить магическими средствами — например, плетью или крепким матом.

Наиболее близок и добр к человеку домовый. Имен у него множество. Восточные славяне его величают «хозяин», «дедушко-браток», «господарь» и т. п., западные славяне и словенцы — «скрат», «кобольд» (на немецкий лад), «красняк», «краснолюд» (из-за его красной одежды или шапки), южные славяне — «стопан» (хозяин). Домовым,

как уже сказано, становится один из предков семьи. Является он всем похожим на хозяина дома или же низеньким человеком, заросшим шерстью (чем она гуще — тем богаче семья). Или же в виде животного, особенно змеи (это может быть и реальный домашний уж) или ласки. У него есть жена — домовиха и дети.

Домовой усердно заботится о хозяйстве и скотине, поучает хозяев, предсказывает им будущее, предупреждает о несчастьях. Без него и дом не стоит. Потому, переезжая в новое жилье, из старого презывают домового. Ему ставили угощение, дарили монеты, лоскуты и т. д. Но если «хозяин» прогневается на людей (за лень, ссоры, несоблюдение правил и обычаев) — беда. Он устроит в доме, по-современному говоря, полтергейст, изведет скотину, будет давить во сне. Еще хуже, если колдун вселит в дом «чужого» домового, способного лишь вредить. Такого уже не умилостивляют, а изгоняют плетью или вилами.

Может поселиться в доме и совсем уже вредное существо — кикимора. Выглядит она, как маленькая горбатая старушка в лохмотьях. Вырастает из некрещеного или проклятого ребенка. Или недобрые люди (обычно печники либо плотники, не поладившие с хозяевами) вселяют ее в дом, запятав в нем особую куколку. Полтергейст — основное занятие кикиморы: бить посуду, всячески шуметь, являться в виде животных и т. п. Еще любит она прясть и шить, но неумело, никогда не доводя до конца. Избавиться

от нее удастся с трудом, с помощью особых обрядов. Живет она также в болоте. При всем этом кикимора может и помогать хорошим хозяевам, а плохим вредит особенно усердно.

На Рождество кикимора рождает шуликунов. Эти демоны (от. тат. «шульган» — «водяной») известны лишь на русском Севере. Они живут в воде и заняты тем, что на святки бегают толпами и всячески пакостят людям, после чего исчезают.

Близка к кикиморе общеславянская мора (змора), давящая людей по ночам.

На дворе обитает дворовой, заботящийся о скотине. В Народном представлении он почти сливается с домовым.

Нельзя не заметить близость домового и дворового к Велесу, а кикиморы — к Мокоши-Пятнице. Кикимора вообще выглядит какой-то карикатурой на Мать Мира (или на Ягу). Ученые давно спорят: выросли великие боги из боженят или деградировали до их уровня? Это напоминает спор о курице и яйце. Вернее будет сказать, что боги и духи с одинаковыми функциями создавались как бы по одной модели. Росла власть над обществом старейшин, вождей, шаманов — и разрастались образы могучих богов. Но верующим нужны были и такие боги, с которыми можно разобраться по-семейному. От Велеса ведь горшком каши не откупишься и вилами его не прогонишь! Вот и соседствовали боги (а затем святые) с боженятами.

Западным и восточным славянам, а также словенцам, балтам и немцам известен домовой в виде огненного летучего змея. Западные славяне зовут его пливником или денежным (пшеничным, молочным) змеем, восточные — просто змеем. Выводят его из яйца, снесенного петухом. Змей носит своему хозяину деньги, зерно, муку или молоко (украденные в чужих домах). Ему сродни огненный змей-соблазнитель — летаец, прелестник. Этот сам прилетает, но только к женщине, тоскующей по умершему или отсутствующему мужу. Принимая его облик, змей сожительствует с ней, а заодно приносит деньги, зерно и т. д. Только от его любви она быстро истощается и умирает, если его не отведать молитвами или магическими приемами.

Эти персонажи опять-таки сродни великому богу — Перуну. Не только обликами змея, но и склонностью к любовным похождениям, столь свойственной индоевропейскому громовнику. Особенно интересен западнославянский рарог — существо того же типа. Он может являться не только огненным змеем, но и хищной птицей (соколом), и вихрем. Имя его родственно авестийскому Varagan. — Так называется хищная птица, в которую (а также в ветер) может превратиться иранский Веретрагна, соответствующий Перуну.

Особые духи обитают в хозяйственных постройках. В бане живут банник и банница (обдериха) — существа опасные. Они могут запарить или обварить до смерти, жи-

вьем содрать кожу. Но все это они делают лишь с тем, кто не соблюдает определенных правил (моется слишком поздно и т. д.). Если же делать все как следует, то банник предсказывает будущее, а банница помогает роженицам и повитухам (раньше рожали обычно в бане).

В овине обитает оvinник. Он помогает сушить зерно, но может и сжечь хлеб вместе с овином, если хозяин обидит его. Подобным же образом ведут себя гуменник и ригачник, ведающие соответственно током и ригой (помещением для молотбы). Вообще же наиболее скверным и обидчивым характером отличались банник и оvinник.

Именно к домашним духам (домовому, баннику, гуменнику) обращались девушки, гадая о замужестве. Если дух коснется мохнатой рукой — муж будет богат, если голой и жесткой — беден и суров, если мягкой — добр.

Своеобразная домашняя нечисть — баечник. Он пугает, наслушавшихся на ночь страшных баек: шуршит, стонет, насылет кошмары.

С древнерусских времен известно представление о злых днях и часах, когда ни в чем не может быть удачи. Еще хуже, если к человеку привяжется их воплощение — Горе-Злочасье, о котором говорят русские сказки и древнерусская повесть. В украинских поверьях ему соответствуют злыдни — двенадцать маленьких худых существ. Если они поселяются в хате — ее хозяев ждут лишь беспросветная нужда и несчастья. Избавиться от них, как и от Зло-

часья, можно лишь хитростью — например, заманив и заточив в бочку.

В поле — хозяин полевик. Как и другие боженята, он многолик: может являться маленьким человечком, стариком с бородой из колосьев и травяными волосами, мужиком в огненной шерсти, с хвостом и рогами и т. д. Полевик заботится о посеве и скотине, пасущейся на полях, но может и навредить плохому хозяину либо человеку, заснувшему в поле, особенно в полдень или на меже. У него есть дети — межевички и луговички. Зимует полевик в «Велесовой бороде».

В поле же обитает известная и западным, и восточным славянам полудница. Это — высокая, прекрасная девушка в белом (или, наоборот, уродливая, страшная старуха). Она тоже охраняет посевы. Любит пляски, в которых с ней состязаться трудно и опасно, сумевшего все же переплясать ее щедро награждает. Опасна полудница для тех, кто работает в поле в самый полдень: насылает на них солнечный удар или сворачивает шею. Она также наказывает и пугает детей, бегающих в хлебах, особенно во ржи. Там, надо сказать, обитают существа и пострашнее. Например, описанная Древлянским расамаха — до пояса человек, а выше лев.

Все эти полевые боженята — духи хлебов. Их не увидишь осенью или зимой, на голых холодных полях.

Почти всем славянам известен леший (полисун, волчий пастырь, граб и т. д.). Он многолик, как сам лес. Может

явиться обычным человеком (только одежда запахнута слева направо) или остроголовым, покрытым шерстью существом без одежды, или подобным черту — с рогами и копытами. Может менять рост: на поляне — вровень с травой, в чаще — с самыми высокими деревьями. Обращивается любыми животными или растениями. Горланит и свистит на все голоса, быстро носится, вызывая бурю.

Леший весьма женолюбив, женится и на лешачихах (своей собственной породы), и на русалках, и на девушках, пропавших в лесу, проклятых родителями или же похищенных им. Он охотно крадет или подменяет человеческих детей.

В лесу леший — полный хозяин. Все звери — его скот, и он их даже проигрывает в карты другим лешим. Над людьми в своих владениях лесовик шутит, порой зло: заводит в чащу, шумит, пугает и т. п. Есть даже лешие-людоеды. Но тем, кто его уважает, приносит жертвы и не безобразничает в лесу, леший помогает. С пастухами, охотниками, колдунами он заключает целые договоры и тщательно их соблюдает.

Из всех славянских боженят леший наиболее напоминает «снежных людей» (реликтовых гоминоидов). Волосатое тело, заостренная голова, громкий крик — их характерные черты, при том засвидетельствованные в неславянских регионах и от людей, не веривших ни в каких духов. Западные славяне отличают собственно леших (грабов, борут) от «диких мужей» и «дивожен». Если реликтовые гомино-

иды существуют (а тому есть немало доказательств и помимо фольклора), то вполне естественно, что люди принимают их за леших и других боженят. С другой стороны, чтобы придумать человекоподобного хозяина леса (гор, реки, дома и т. д.), не обязательно иметь дело с какими-либо «живыми ископаемыми». Потому, если всерьез искать следы наших реликтовых родичей, нужно знать не только биологию, но и фольклористику и историю религии.

В Карпатах, по представлениям поляков, украинцев и словаков, обитают богинки (богини, дивоженны). Это уродливые женщины, длинноволосые, покрытые шерстью, с огромными грудями, заброшенными за плечи, и большими животами. Они напоминают обезьян, да их и называют «малпами», «мамунами» — «обезьянами». Обитают возле воды либо в норах и пещерах. Все это — типичные черты реликтовых гоминоидов.

Другие черты богинек, однако же, не объяснит ни один криптозоолог. У них птичьи ноги, а руки трехпалые и с когтями. Они любят стирать и пряхть. Очень часто вредят роженицам и новорожденным: похищают и подменяют детей, насылают болезни и смерть, таинственным образом вытаскивают из тела матери плод или внутренности. Мужья и отцы богинек — водяные, кроме того, богинками становятся некрещенные дети, невесты, умершие до свадьбы, грешные женщины и т. д. Ребенка, умственно отсталого, чересчур прожорливого и плаксивого считают «подменой» и бьют его,

чтобы богинка (лешачиха и т. д.) пожалела своего и подменила обратно.

Самое интересное то, что среднеазиатские и другие тюркские народы почти также описывают алмасты (албасты) — водяных женщин. И точно так же полагают, что те вредят роженицам.

Гораздо привлекательнее выглядят другие мифологические обитательницы Карпатских гор и полесских чащ — мавки (навки), несмотря на свое зловещее имя (от «навье» — «мертвец») и происхождение из тех же некрещенных младенцев и т. п. Это прекрасные девушки в зеленых платьях, любительницы музыки и плясок. Они охотно вступают в любовную связь с людьми, особенно с пастухами на горных пастбищах и охотниками. Своим возлюбленным мавки дают удачу на охоте, заботятся об их скоте. С лесными красавицами, однако, не ладит карпатский леший — чугайстер, который охотится на мавок и пожирает их.

Большинству славян известен водяной (водный муж, топелец и др.) — хозяин рек и озер. С виду он больше всего походит на утопленника: старик с раздутым животом, волосы и борода в тине и водорослях. Между пальцами перепонки, вместо ног порой рыбий хвост. Или же тело покрыто шерстью, как у лешего или домового (гоминоидная черта?). Может также превращаться в разных зверей, птиц и рыб.

Водяной — такой же хозяин над рыбами, как леший — над зверями, и тоже проигрывает их в карты. Живет он на

дне омута, порой в хрустальном дворце. Жены его — русалки, а мужчины-утопленники служат ему как рабы, потом же сами становятся водяными (особенно если кого-нибудь утопят). Любит водяной хозяин кричать и громко хлопать ладонью по воде, а еще любит выпивку, песни, музыку.

Нрав у водяного весьма скверный. То и дело он топит людей и лодки, рвет сети, поднимает бури, разносит запруды. Понравившихся ему людей (например, певцов) утаскивает к себе на дно. Но и от него можно откупиться жертвами. Вот и приносили их ему рыбаки, мельники, даже пасечники (чтоб речной туман не губил пчел). Даже заключали с водяным договор, который, впрочем, считался сродни продаже души черту.

В древнерусских источниках выступают вилы и берегини, русалки же упоминаются лишь с XVII в. Этнографы же слышали от восточных славян и болгар о русалках, о вилах же — только от южных славян. Вероятно, менялись не столько представления о водных девах, сколько их имена.

Антиязыческое «Слово св. Григория» называет древнейшими языческими культами поклонение упырям и берегиням. А в XIX—XX вв. берегинями называли изображения рыбихвостых женщин в домовой резьбе. Вероятно, славяне связывали это название и со словом «берег», и со словом «беречь», видя в водных богинях защитниц от злых упырей.

Вил в Древней Руси отождествляли с сиринами (сиренами) и изображали на женских украшениях — колтах

в виде двух птиц с головами женщин в нимбах (!). На тех же колтах изображались два питейных рога, что напоминает болгарские поверья о русалках, поливающих поля из рогов.

В фольклоре южных славян вилы (самовилы, самодивы, юды) — прекрасные девушки, златовласые и крылатые, в легких белых одеждах. Они обитают в горах, пещерах, озерах, реках, на облаках. Очень любят музыку, песни, танцы. Но они же — отважные воительницы, скачущие на крылатых оленях, взнузданных змеями. (Здесь, видимо повлияли германские валькирии: готы жили в Болгарии еще в IX в.). Вилы также превосходные чародейки, целительницы и знатоки трав.

Вилы помогают отважным юнакам. Крылатая дева даже выходит замуж за того, кто завладеет ее крыльями. Но чаще всего вила не уживается с мужем и сбегает, забрав крылья. Даже ради своего ребенка не хочет она вернуться. Вообще вилы охотно помогают людям: приносят урожай, одаряют богатством, лечат, кормят молоком человеческих детей, делая их необычайно сильными или красивыми.

Но прекрасные вилы могут быть и страшными, смертоносными. Они способны убить, ослепить, лишить рассудка, наслать засуху или неурожай. В одной из песен вила строит город в воздухе ... из человеческих тел. В другой сталкиваются две вилы: злая иссушает источники, мучая юнака жаждой, и пытается его ослепить, но добрая спасает героя. Порой вилы мстят людям, позавидовав их красоте,

голосу и т. д. Здесь сказывается принадлежность вил к миру смерти, загробному миру Велеса (чье имя родственно их имени).

Южные славяне верят, что вил и огненных змеев больше нет: они исчезли с появлением огнестрельного оружия. Хорваты с сожалением добавляют: вместе с вилами ушли из жизни благодать и счастье.

Зато никуда не исчезают восточнославянские и болгарские русалки (купавки, водяницы и др.). Они тоже молоды и прекрасны, ходят нагие или в одних белых рубашках и венках. Но кожа их бледна, а тело холодное и полупрозрачное, волосы зеленые как водоросли. Ведь они — души покойников: утонувших девушек или некрещеных детей, особенно утопленных матерями. Но это не мешает им обладать веселым и беззаботным нравом. Русалки любят петь и танцевать, качаться на качелях и ветвях деревьев. Живут они в реках, озерах колодцах, а на Русальной неделе выходят на сушу, бегают и резвятся в хлебах. И там, где они бегали, травы и посевы растут лучше.

Но чем дальше на север, вглубь великорусских лесов, тем чаще русалок представляют уродливыми, сгорбленными, покрытыми шерстью существами с огромными грудами (иногда — железными). Это напоминает карпатских богинок. И вообще самок реликтовых гоминоидов. Вероятно, там, где эти создания обитали еще недавно, людям трудно было видеть в них писанных красавиц. На облик вил,

мавок, русалок влияли, видимо, и эротические сны охотников и горных пастухов, подолгу остававшихся без женщин.

Русалки подчинены водяному и составляют его гарем. В то же время они охотно вступают в любовную связь с людьми. Только от русалочьей любви мужчина быстро чахнет и даже умирает. Однако русалку можно окрестить, и она станет обычной женщиной.

Водяные красавицы бывают опасны: могут утопить, защекотать до смерти, спутать сети. Но все же они скорее проказливы, чем злы. От них защищаются магическими средствами (например, полынью). Чаще же задабривают: оставляют в лесу одежду, нитки, ткань (ведь русалки любят шить, прясть, стирать); на Семик связывают для них ветви деревьев в венки и качели. А в конце Русальной недели их провожали: выводили из села ряженную девушку, выносили чучело, выгоняли девушек или парней, изображавших русалок. После этого русалки, как считалось, возвращались в воду.

Осенью и зимой природные духи — лешие, водяные, русалки, полевики — исчезают. Они спят где-то в потаенных местах и снова приходят в мир лишь вместе с весенним возрождением природы.

Из всех боженят дальше всего от человека отстоят черти (бесы). И по месту своего обитания — в болотах, в подземном мире. И по своему нраву, крайне злобному и коварному. Вредить людям, губить их тела и души — для чертей

главное занятие и смысл жизни. Не без влияния церкви славяне всех боженят именовали бесами, и, тем не менее, достаточно четко отличали собственно чертей от домовых, леших и т. д.

Как уже говорилось, древнерусский «бес» сменилось западославянским «черт» лишь в XVII в. Тогда же чертей стали представлять не черными, волосатыми, остроголовыми существами (явные черты гоминоидов), а, как на Западе, людьми-козлами наподобие античных сатиров. Вообще же черти, как и все боженьята, способны оборачиваться кем и чем угодно.

Помимо своих жен-чертовок, бесы сожительствуют с ведьмами, женщинами-самоубийцами, распутницами. И благодаря этому плодятся так, что сокращают их поголовье лишь стрелы Громовника да зубы волков и медведей.

Черти владеют решительно всеми способами вредить человеку, свойственными другим боженьятам: топят людей, сбивают с пути, морочат, подменяют детей, насылают болезни и безумия и т. п. Кроме того, они постоянно подстрекают человека на злые и погибельные дела — пьянство, азартную игру, самоубийство и т. д. Ради этого они вселяются в людей, лишая их воли и рассудка. Души самоубийц становятся рабами чертей.

«Шутки» чертей — не стихийное озорство, а вполне сознательные пакости. Впрочем, жертвами их зачастую становятся пьяные или алчные люди. Вот и оборачивается гу-

лянка у чертей ночью, проведенной на болоте, а богатые подарки нечистого — черепками, углями или навозом. Именно бесы научили род людской изготавливать спиртное и курить табак. Они не только используют человеческие пороки, но и сами им подвержены: любят гульбу, пьянство, игру в карты и кости.

Чертям не приносили жертв (как домовым или лешим). Всякие договоры с ними или заговоры с обращением к бесам считались грехом и уделом людей отверженных. Ведь нечистый помогает лишь для того, чтобы завладеть душой человека или подбить его на злые дела. Бескорыстие и сочувствие бесу абсолютно не свойственны. Лишь большому хитрецу удастся обмануть черта и получить у него что-либо задаром. И то, если черт попадается достаточно глупый.

Благочестивые же люди предпочитают не торговаться с нечистыми, а защищаться от них всеми средствами, как христианскими (молитва, ладан), так и языческими (заговоры, матерная брань, очерчивание и т. п.). Черта можно даже убить — медной пуговицей или хлебным мякишем вместо пули.

О великанах уже говорилось (в главе о Велесе). А вот карлики типа западных гномов известны лишь западным славянам (людки, краснолюдки). Они обитают в домах, лесах, горах, пещерах, живут общинами. К людям относятся как добрые соседи, хотя порой подменяют детей.

Мифологи XIX в. полагали, что у славян-язычников все умершие становились домовыми, русалками и т. д. Это да-

леко не так. По народным представлениям, покойники делились на «родителей» («гуров», «пращуров») и «заложных». Первые — праведные, почитаемые предки. Они пребывали в раю (ирии) или превращались в домовых. Вторые же — умершие «недоброй смертью». Сюда входили как грешники (злые колдуны, самоубийцы, умершие от пьянства), так и ни в чем не повинные жертвы несчастий (утопленники, убитые, погибшие в лесу, некрещенные младенцы, девушки, умершие до свадьбы). Значение имело не так поведение при жизни, как род смерти. Умер без должных обрядов, а зачастую и без свидетелей, неведомо как? Значит, стал нечистой, хотя бы не по своей вине. И ждать от него нужно не помощи, как от «родителей», а всякого вреда.

Именно заложные и поставляли «кадры» русалок, мавок, водяных и т. д. А также некоторых видов боженят, не связанных с определенными местами и стихиями. Это, прежде всего, древнерусские и болгарские Навьи. Они летают в виде отвратительных голых птиц, пьют кровь, вредят роженицам и криком предвещают несчастья. Чтобы их ублажить, для них топили бани, ставили там угощения. Для поминовения навьев и вообще заложных служили «Навский Великдень» (Страстный Четверг, букв. «пасха мертвецов») и Семик. На Рождество их также звали угощаться (заодно с Морозом и волком). Навьям, таким образом, давали понять, что все же считают их родичами. Но чествовали-то их не в доме и не на могиле (как «родителей»), и ничего у них не просили, а только откупались.

Сродни навьям упыри — мертвецы, встающие из могилы. Они не только пьют кровь, но и насылают засуху, эпидемии, град. В первую очередь упырь губит близких родичей, и его жертвы зачастую сами становятся вампирами. Обычно он бесчинствует по ночам, а днем прячется в могиле. Но может жить и среди живых, жениться и иметь детей. На Украине различают живого и мертвого упыря. Первый — сильный колдун, предводитель и учитель ведьм. Он носит на себе второго, неспособного даже самостоятельно передвигаться. Если упырям и поклонялись (согласно «Слову св. Григория»), то, видимо, так же, как навьям. Обычно же их обезвреживали: вместо погребения бросали в болото или другое «нечистое» место; погребенного же выкапывали и сжигали, обезглавливали, пробивали осиновым колом, отсекали руки и т.п. Эти способы обезвреживания покойников хорошо знакомы не только этнографам, но и археологам.

Не столько страх, сколько жалость вызывали в народе духи некрещенных младенцев. Такими обычно становились дети мертворожденные, умершие вскоре после рождения, умышленно или случайно убитые матерью. Поляки и западные украинцы называли их потерчатами («потерянными») или летавцами, русские — игошами, ичетиками. Они тоже могут вредить: потерчата с огоньками на голове заманивают людей в болото, летавцы в виде птиц носятся с бурей, ичетики живут в воде и предвещают несчастья.

Обычно эти же духи блуждают по свету и просят крестить. Достаточно наречь их именем, подарить крестик — и они присоединяются в раю к безгрешным детским душам.

На грани мира людей и мира демонов стоят люди, сами себя приравнявшие к нечисти — злые колдуны и ведьмы, а также оборотни-волколаки.

Ведьмы и колдуны делятся на «рожденных» и «ученых». Первые рождаются с магическим даром и способны творить как добро, так и зло. Вторые приобретают колдовские знания и умения от опытного колдуна или черта. Для этого они должны продать черту душу и отречься от всего доброго — светил небесных, Бога, отца с матерью. Употреблять свой колдовской дар «ученые» могут только во вред людям. Более того, они мучаются, если регулярно (например, раз в месяц) не сотворят каких-нибудь злых чар. Им даны черти-помощники, которым приходится постоянно давать «работу» (бессмысленную или злую), дабы те не сгубили своего хозяина.

Вот и вредят эти слуги Чернобога людям не менее усердно, чем черти. Насылают засуху и град, болезни, «порчу», лишают коров молока, а поля — плодородия (прожияная или «заламывая колосья»), вызывают семейные раздоры, расстраивают свадьбы. Оборачивают людей волками и сами оборачиваются разными животными и неодушевленными предметами. Ночами, особенно на Купалу в некоторые другие праздники, летают на свои сборища, где предаются

orgiaм с чертями и делятся лихоедейским опытом. Нередко верят, что у колдунов две души: одна остается в теле, а другая летает и творит злые чары.

Умирают ведьмы и колдуны долго и мучительно — пока не передадут кому-нибудь свой нечистый дар (например, ребенку, взяв того за руку). После этого их душу ждут либо пекельные муки, либо жуткое существование упыря.

Иные виды колдунов и ведьм скорее напоминают стихийных духов. Такова южнославянская вештица (т. е. вешая). Душа ее летает в виде бабочки или птицы. Она пьет кровь и пожирает сердца детей. Вештица повелевает тучами, градом, ветром, превращается в звезду или комету. Может свести месяц с неба и доить его как корову. Польские и западно-украинские планетники, хорватские и черногорские здухачи (от алб. *Stuhi* — «вихрь») спят, а души их вселяются в тучи и бьются между собой в небе. В этих воздушных боях здухачи, планетники и даже вештицы сражаются каждый за свое дело, добывая для него дождь и избавляя от града. Т. е. они (как и большинство боженят) не однозначно злы.

С ведьмами борются, как и со всякой нечистью. Есть много магических способов распознать и обезвредить ведьму. Например, на купальском костре варили цедилку с иглами, что должно было причинить ведьме мучения и вызвать ее к огню. Или сжигали в том же костре «ведьму» — чучело, либо конский череп. Или бросали подозреваемых

в воду: не утонет — значит, ведьма. Самый же радикальный способ был тот, который «милосердная» церковь переняла у своих языческих оппонентов: сжечь чародейку или колдуна живьем (заметим, что в славянских странах охота на ведьм хотя бы не приобретала таких масштабов, как на Западе).

Жертвами доморощенных инквизиторов и в XIX—XX вв. часто делались люди, ни в каком колдовстве не замешанные. На них односельчане сгоняли злость за свои несчастья. Но если в селе был человек, действительно занимавшийся магией, да еще черной, то с ним расправляться не спешили. Одни боялись его колдовской силы, другие рассчитывали воспользоваться ею. В результате опытный колдун или ведьма терроризировали и эксплуатировали все село.

Магия славянских колдунов явно сродни шаманизму. Духовные полеты, духи-помощники (черти), сексуальные связи с духами... Но это — скорее черное шаманство, связанное с нижним миром и его злыми обитателями. (Хотя черный шаман мог использовать их силу и во благо). А что же славянские белые шаманы-волхвы, подобные Бояну? Их место в какой-то мере заняли знахари. Они лечили и защищали людей от колдовства магическими средствами, но не искали помощи у чертей и не отрекались от добрых сил.

Волколаки (букв. «волчьи шкуры») делились на обратившихся в волков по своей воле, и обороченных ими насильно и прирожденных. Волколак поневоле — несчастное суще-

ство. К сырому мясу не приучен, резать скот совестится и потому питается кореньями, ягодами и украденным хлебом. Одинок и голодный, скитается он, пока ему не вернут человеческий облик. Не рад своей судьбе и прирожденный волколак, оборачивающийся в определенные дни независимо от своей воли. Оборотень же, превращающийся сознательно и свободно — это злой и опасный колдун, губящий людей и скот. Солнечные и лунные затмения объяснялись тем, что волколаки пытались пожрать небесные светила.

Был, однако, и положительный образ волколака — более древний, связанный с тотемизмом и тайными воинскими союзами. Волк был тотемом таких племен, как прибалтийские вильцы («волки») и полесские невры (каждый из которых, по Геродоту, на несколько дней в году становился волком). Легенды о Всеславе Полоцком (отраженные в «Слове о полку Игореве» и былинах о Волхе Всеславиче) сохранили образ князя-волколака, великого воина и волхва, окруженного дружиной оборотней. Воинами-колдунами и оборотнями считали и запорожских казаков. Уже говорилось о связи волков с Даждьбогом и Ярилой. У греков волки были посвящены Аполлону, у германцев — Одину.

Балты считали волколаков защитниками людей от нечисти. У скандинавов особо сильные и яростные воины именвались берсерками («медвежьими шкурами») и ульфхединами («волчьеголовыми»). Среди иранцев Средней Азии

были «волчьи» племена — варканы (гирканцы) и саки-хамаварга («волки хаомы», т. е. оборачивавшиеся волками под действием наркотического напитка — хаомы).

Есть основания считать, что уже у древних индоевропейцев существовали тайные союзы «воинов-волков», подобные, например, союзам «людей-леопардов», еще недавно наводивших страх на некоторые африканские страны.

Большинству славянских боженят нетрудно найти индоевропейские параллели. Так, лучшим соответствуют индийские якши, античные сатиры и фавны. Русалкам — греческие нимфы, индийские ажары, германские никсы. Домовым — римские лары и пенаты и английские брауни. «Дикие люди» и «дикие женщины» хорошо известны германцам. Чертям подобны индийские ракшасы, иранские дэвы, германские тролли. А вот кельто-германским эльфам и гномам, воспетым Толкиеном, у славян точных соответствий нет, что не мешает иным творцам славянского фэнтези вставлять их в свои произведения под неумело подобранными или придуманными славянскими именами.

Все же боженята обширностью родни не уступают богам. И это не удивительно: ведь образы многих из них сформировались не только в общеиндоевропейскую эпоху, но и гораздо раньше, когда не было еще многих из великих богов.

КОММЕНТАРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ